

СЕЛО РОССИИ

ежегодный выпуск

2019

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

СЕЛО РОССИИ

RURAL RUSSIA

2019

СЕЛО РОССИИ
RURAL RUSSIA

Издается с 2018 г.
ISSN 2658-5987
DOI 10.22162/2658-5987

2019. Вып. 2
Выходит 1 раз в год

Главный редактор: канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Редколлегия:

Бакаева Э. П., д-р ист. наук;
Барсукова Т. И., д-р соц. наук;
Габдрахманова Г. Ф., д-р соц. наук;
Деларю В. В., д-р соц. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук;
Дулина Н. В., д-р соц. наук;
Калугина З. И., д-р соц. наук;
Лиджи-Горяева С. Э., канд. соц. наук;
Лушников Д. А., д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., канд. филол. наук;
Ханинова Р. М., канд. филол. наук;
Намруева Л. В., канд. соц. наук
Нусхаева Б. Б., канд. соц. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук;
Филоненко В. И., д-р соц. наук;
Хайруллина Н. Г., д-р соц. наук;
Широкалова Г. С., д-р соц. наук;

Адрес редакции и издателя: 358000, Российская Федерация,
Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: kigiran@mail.ru

Содержание

Суцкий С. Я. Сельские территории Волгоградской области: проблемы демографического развития (последняя треть XX — начало XXI вв.)	5
Кашин А. А. Ландшафтные особенности расселения удмуртского этноса	29
Сагдиева Э. А. Развитие и состояние крестьянско-фермерских хозяйств в Республике Татарстан и Пензенской области (по материалам Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006–2016 гг. и полевых исследований 2015–2018 гг.)	47
Бадмаева Н. В. Структура занятости сельского населения Калмыкии (по результатам социологического опроса)	73
Намруева Л. В. Сельское население старше трудоспособного возраста: основные характеристики (на материале Республики Калмыкия)	84
Нухаева Б. Б. Экономическое положение сельских семей Калмыкии в оценках подростков и их родителей	99
Намруева Л. В., Бадмахалгаев Л. Ц. Социальная безопасность сельского населения Республики Калмыкия: на материале анкетного опроса 2019 г.	109
Моисеева Д. В., Дулина Н. В. Финансовая грамотность населения: город vs село?	129
Тарасова М. В. Новые институты управления развитием сельских территорий: факторы и направления поиска	148
Власова Т. А. Трансформация профессиональной деятельности работников сельских учреждений культуры в условиях коммерциализации	169
Хакназаров С. Х. Современное состояние и общественная значимость родных языков коренных народов Севера в контексте социологических исследований: на примере с. Угут Сургутского района Югры	189
Винокурова Д. М., Борисова И. М. Культура повседневного питания сельчан: традиции и инновации (на примере Республики Саха (Якутия))	210

Сельские территории Волгоградской области: проблемы демографического развития (последняя треть XX — начало XXI вв.)

*Сергей Яковлевич Суцкий*¹

¹ Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор философских наук, главный научный сотрудник

ORCID: 0000-0001-5131-3988. E-mail: SS7707@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — анализ геодемографической динамики населения сельских районов Волгоградской области в последней трети XX — начале XXI вв., фиксация территорий и ареалов глубокой депопуляции, постепенно формирующихся в качестве зон хронической социально-экономической стагнации, зонирование сельского пространства региона в зависимости от темпов и направления демографической динамики. Результаты. Проблемы современной демографии региона уходят корнями в 1950–1960-е гг. В последние десятилетия советского периода в результате активного оттока в города ежегодные демографические потери сельской местности составляли 5–9 тыс. человек. Данный устойчивый депопуляционный тренд прервался только в первой половине — середине 1990-х гг., в годы масштабного притока переселенцев, последовавшего вслед за распадом СССР. Данное миграционное пополнение сумело с избытком восполнить начавшуюся в постсоветский период естественную убыль сельского населения области. Но уже к началу 2000-х гг. депопуляция сельских территорий возобновилась, и с этого времени демонстрирует нарастающие темпы за исключением ряда лет (2008–2012 гг.), на протяжении которых демографическая динамика положительно реагировала на комплекс мер, предпринятых федеральным центром по повышению репродуктивной активности населения и снижению его смертности. Ресурс данных социальных программ был исчерпан в середине 2010-х гг. Быстрое сокращение массива женщин детородного возраста в последние годы привело к новому ускорению естественной убыли сельского населения региона, с которой по-прежнему совмещен устойчивый миграционный отток из сельских поселений в города.

Как результат, в пределах сельской местности области фиксируется обширная зона масштабной, устойчивой депопуляции (северо-запад и центр), включающая территории, потерявшие за последние полвека до 30-40% своего населения и продолжающие интенсивно его терять в настоящее время (более 1% ежегодно). Значительная часть остальных сельских районов региона также характеризуется устойчивой депопуляцией, размеры которой, однако, несколько ниже и не чреватые социальной деградацией местных территориальных сообществ уже в среднесрочной перспективе. Демографически устойчивым является положение только небольшого ряда районов, прилегающих к областной столичной агломерации. Данные территории составляют ограниченный ареал, характеризующийся сохранением или даже определенным ростом численности сельского населения прежде всего за счет миграционного притока. Все три выделенных зоны являются достаточно устойчивыми по основным факторам своей демографической динамики (параметрам естественного воспроизводства, направлениям и масштабам миграционной активности). И потому дальнейшая неизбежная депопуляция сельских территорий области будет совмещаться с нарастающей демографической поляризацией пространства региона, концентрацией сельского населения в небольшом числе южных районов и постепенным социодемографическим опустыниванием остальных субрегионов.

Ключевые слова: Волгоградская область, сельские территории, численность населения, демографическая динамика, естественная убыль, миграционная активность

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН на 2019 г., проект «Конкурентное, устойчивое и сбалансированное развитие южного макрорегиона: векторы социально-экономической модернизации и демографической динамики», № государственной регистрации проекта АААА-А19-119011190184-2.

Для цитирования: Суцкий С.Я. Сельские территории Волгоградской области: проблемы демографического развития (последняя треть XX — начало XXI вв.). Село России. 2019; (2): 5-28. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-5-28.

Rural Territories of the Volgograd Region: Problems of Demographic Development (last third of the XX - early XXI cc.)

*Sergey Ya. Sushchiy*¹

¹ Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (41, Chekhova Pr., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Chief Researcher

ORCID:0000-0001-5131-3988 E-mail: SS7707@mail.ru.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the geodemographic dynamics of the population of rural areas of the Volgograd region in the last third of the XX – beginning of the XXI centuries, fixation of territories and areas of deep depopulation gradually forming as zones of chronic social and economic stagnation, zoning of rural space of the region depending on the pace and direction of demographic dynamics. Results. The problems of the modern demography of the region have their roots in the 1950s and 1960s. In the last decades of the Soviet period, as a result of the active outflow to the cities, the annual demographic losses of rural areas amounted to 5-9 thousand people. This steady depopulation trend was interrupted only in the first half - mid-1990s, during the years of a large-scale influx of immigrants that followed the collapse of the USSR. This migration replenishment was able to compensate for the natural decline of rural population in the region, which began in the post-Soviet period. But by the early 2000s depopulation of rural areas had already resumed, and since then it has been showing an increasing rate, except for a number of years (2008-2012), during which demographic dynamics responded positively to the complex of measures taken by the federal center to increase the reproductive activity of the population and reduce its mortality. The resource of these social programmes was exhausted in the mid-2010s. The rapid decline in the array of women of childbearing age in recent years has led to a new acceleration in the natural decline of the rural population of the region, which is still combined with a steady migration outflow from rural settlements to cities. As a result, a vast area of large-scale, steady depopulation (north-west and center) is being recorded within the rural areas of the region, comprising areas that have lost up to 30-40% of their population in the last half century and continue to lose it intensively at present (more than 1% annually). Much of the rest of the region's rural areas are also characterized

by stable depopulation, which is, however, somewhat lower in size and does not risk social degradation of local territorial communities in the medium term. Only a small number of districts adjacent to the regional capital agglomeration are demographically stable. These areas form a limited area, characterized by the preservation or even a certain growth of rural population, primarily due to migration inflows. All three designated zones are quite stable in terms of the main factors of their demographic dynamics (natural reproduction parameters; directions and scale of migration activity). Therefore, the further inevitable depopulation of the region's rural areas will be combined with the growing demographic polarization of the region's space, the concentration of rural population in a small number of southern areas and the gradual socio-demographic desertification of the remaining subregions.

Keywords: Volgograd region, rural territories, population, demographic dynamics, natural decline, migration activity.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the State assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2019, the project "Competitive, sustainable and balanced development of the southern macro-region: vectors of socio-economic modernization and demographic dynamics" state registration No. of the project AAAA-A19-119011190184-2.

For citation: Sushchiy S. Ya. Rural Territories of the Volgograd Region: Problems of Demographic Development (last third of the XX – early XXI cc.). The village of Russia. 2019; (2): 5-28. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-5-28.

Введение

В современном мире численность населения, форма и плотность системы его расселения, показатели естественного воспроизводства и миграционной динамики относятся к числу центральных факторов социально-экономического развития территориального социума, определяя общий его динамизм и уровень инвестиционной привлекательности [Атлас 2009; Антонов, Борисов 2006; Стратегия 2017].

Демографическая динамика Волгоградской области в постсоветский период как одного из крупных российских регионов (19-е место в демографическом рейтинге субъектов Федерации) привлекала внимание ряда исследователей, анализировавших различные ее аспекты [Атоян, Лобанова 2011: 339–366; Деточенко, Лобанова 2015: 50–61; Деточенко, Лобанова 2018: 190–196, Розин 2011, Сергиенко 2011: 62–71; Суций 2016: 41–56].

Однако проблемы современной демографии данного региона уходят корнями в 1960–1980-е гг., предполагают диахронный анализ, охватывающий минимум полвека. Тем более это существенно для сельских территорий области, многие из которых начали терять население уже в последние десятилетия советского периода.

Целью исследования явились изучение геодемографической динамики населения сельских районов Волгоградской области, фиксация территорий и ареалов глубокой депопуляции, постепенно формирующихся в качестве зон хронической социально-экономической стагнации, зонирование сельского пространства региона в зависимости от темпов и направления демографической динамики.

В качестве статистической базы исследования для советского периода использовались данные (взятые в порайонном разрезе) всесоюзных переписей, для анализа основных геодемографических трендов постсоветских десятилетий — результаты всероссийских переписей и данные текущей демографической статистики, помещенные на сайте Госкомстата РФ. При анализе статистического материала использовались рабочие методы и подходы, используемые в демографических исследованиях.

Основная часть

По уровню урбанизации своего населения Волгоградская область незначительно превосходит общероссийский показатель (77% и 74,4% соответственно). Однако в пределах юга России (ЮФУ и СКФУ) она является наиболее «городским» регионом. При этом почти половина ее населения сосредоточена в столичной агломерации (Волгоград – Волжский).

Система расселения Волгоградской области исторически формировалась в очевидной корреляции с гидрографией региона прежде всего с двумя его крупнейшими реками — Волгой и Доном, к которым приурочены все крупнейшие областные центры, а также пояс сельских территорий с повышенной плотностью населения (10–20 чел/кв. км). Вместе с тем в пределах области существуют достаточно обширные сельские ареалы, плотность населения в кото-

рых не превышает 2–5 чел./кв.км. В первую очередь, это засушливое волжское левобережье. Но и в других частях региона, удаленных от рек, сельская система расселения оказывается более разреженной.

На протяжении всего послевоенного периода сельские территории области являлись основным демографическим донором процесса региональной урбанизации. Как результат, если за 1959–1989 гг. численность горожан в области выросла почти в два раза (с 1009 тыс. до 1994 тыс. чел.), то сельское население сократилось на четверть (с 846 тыс. до 637 тыс. чел.) (табл. 1). Тем самым миграционный отток в города заметно превосходил естественный прирост, сохранившийся у областных поселян вплоть до начала 1990-х гг.

Таблица 1. *Динамика сельского населения Волгоградской области, 1959–2017 гг.*

Показатели	1959	1970	1979	1990	2000	2010	2017
Численность, тыс. чел.	846,0	800,5	712,3	636,7	685,7	641,3	579,8
Доля в населении, %	45,6	34,5	28,7	24,2	25,1	24,6	23,0

Источник: составлено по: [Население 1988: 275; Регионы 2018: 43].

Существенно и то, что демографическая депопуляция сельских территорий области началась задолго до социодемографического кризиса первого постсоветского десятилетия.

В 1960-е гг. сельское население региона сократилось на 46 тыс. чел. А существовавший в это время естественный прирост населения должен был увеличить количество местных поселян на 95–105 тыс. чел. Это значит, что реальные миграционные потери сельской местности области составили порядка 140–150 тыс. чел. Практически на том же уровне сохранились они и в 1970-е гг. Естественный прирост сельских территорий, составлявший 45–55 тыс., был полностью «съеден» оттоком, а общая численность поселян сократилась на 88 тыс. (т.е. общие потери составили 133–143 тыс. чел.).

Самой широкой в этот период была и география сельской депопуляции. Причем значительная часть сельских административных районов области в 1970-е гг. ежегодно теряла 1–1,5% своего населения. Только сельские окрестности региональной столицы и

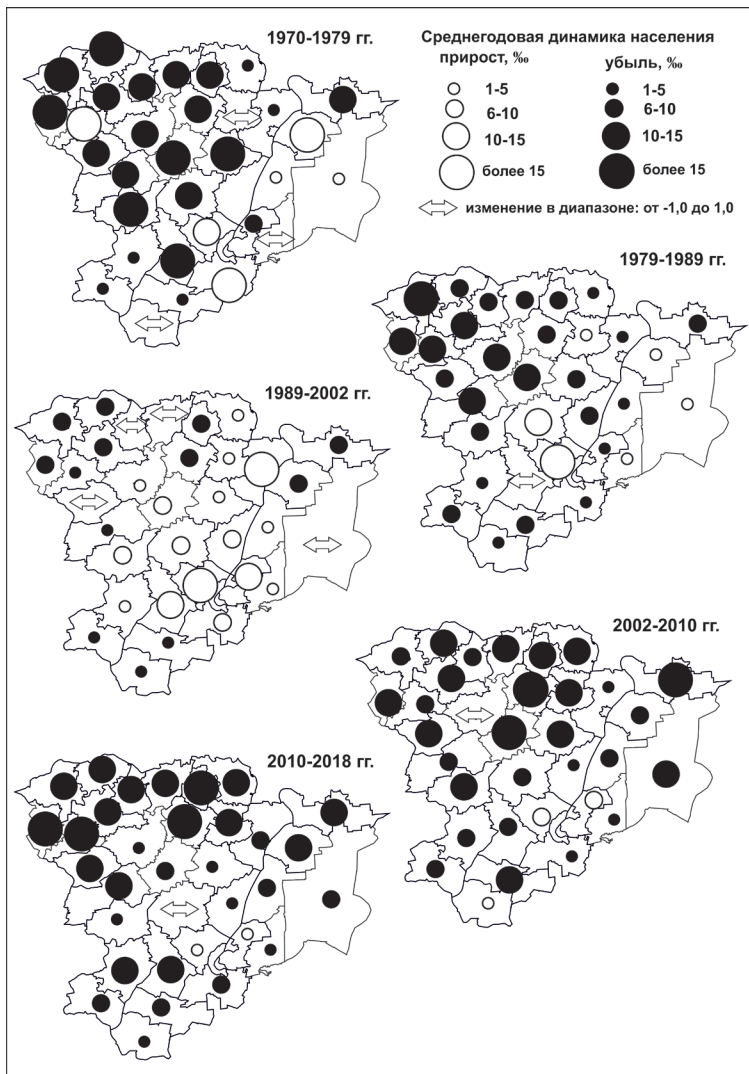

Рис. 1. Демографическая динамика населения сельских районов Волгоградской области по десятилетиям, 1970–2018 гг. (‰)

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований; Всесоюзная перепись населения 1970 г.; Всесоюзная перепись населения 1979 г.; Всесоюзная перепись населения 1989 г.; Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всероссийская перепись населения 2010 г.].

восточные районы, в национальной структуре которых значительное место принадлежало казахской диаспоре, продолжали демонстрировать рост населения (рис. 1).

В 1980-е гг. масштабы сельской депопуляции области несколько сокращаются. Однако по-прежнему (с учетом потерянного естественного прироста) превышают 100 тыс. чел., а зона демографической депопуляции продолжает охватывать большую часть территории региона. При этом число административных районов, характеризующихся интенсивной убылью населения (более 1% в год), заметно сократилось. Если в 1970-е гг. таковых в области было 17, то в последнее советское десятилетие — только 6.

Свою роль играли демографические тренды, набиравшие силу во второй половине 1980-х гг., но в полной мере проявившие себя уже в постсоветский период. Системный кризис и последующий распад Советского Союза обернулись резким обострением межнациональных отношений, быстрым падением уровня жизни населения и, как следствие, резкой активизацией миграционных процессов. Уже в конце 1980-х гг. Волгоградская область начинает во все возрастающих масштабах принимать мигрантов и вынужденных переселенцев из множественных «горячих» точек страны. Часть этой миграционной волны оседала в сельской местности, отчасти компенсируя отток старожильческого населения в городские центры.

Однако в полной мере данное миграционное пополнение отразилось на демографической динамике сельских районов области в 1990-е гг. Динамическая кривая миграционного сальдо Волгоградской области в первое постсоветское десятилетие имела форму, типичную для «русских» регионов Юга России. Пик переселенческой активности приходится на первую половину 1990-х гг. Только в 1992–1994 гг. население области пополнилось на 88 тыс. человек. В середине 1990-х гг. приток сокращается самым существенным образом, а к рубежу веков выходит на нулевую отметку, чтобы затем уйти в отрицательную зону. Но многочисленные мигранты начала 1990-х гг. сумели существенно пополнить территориальные сообщества большинства сельских районов области.

Но не меньшее значение для демографической динамики сельских территорий играла смена вектора внутренней миграции. Город-

ская система региона, на протяжении многих десятилетий «вытягивавшая» областных поселян молодого и среднего возраста (учебная и трудовая миграция), в годы глубокого социально-экономического кризиса утратила свою привлекательность. Более того для части горожан в 1990-е гг. именно переезд в сельскую местность (ближе «к земле») позволил решить проблему физического выживания.

Впервые в послевоенный период доля сельского населения в области пошла вверх (как и общая его численность). По итогам всего десятилетия удельный прирост оказался весьма незначительным (менее процента — с 24,2% до 25,1%). И тем не менее десятки тысяч горожан на время снова стали сельскими жителями. Общая численность последних в 1990-е гг. в области выросла почти на 50 тыс. чел. Притом, что именно данный период становится временем стремительного ухудшения естественно-воспроизводственных характеристик сельского населения. К началу XXI в. естественная убыль во многих районах области поднялась до 4–5% и продолжала увеличиваться.

Но, несмотря на это, большинство сельских территориальных сообществ продемонстрировало в 1990-е гг. демографический рост (он был зафиксирован в 19 из 33 административных районов), оказавшийся наиболее значительным в окрестностях столичной агломерации. Что не удивительно, поскольку данные территории, максимально приближенные к региональному эпицентру социально-экономической деятельности и при этом более доступные по ценам на недвижимость, являлись наиболее притягательными как для внешних мигрантов, так и самих горожан, переживавших «на земле» постсоветский кризис.

Как результат, возникшая еще в 1960-е гг. и просуществовавшая более четверти века обширная зона устойчивой сельской депопуляции в первое постсоветское десятилетие почти полностью «рассосалась». Впрочем, уже начало XXI в. реанимировало демографо-миграционные тренды, характерные для последних советских десятилетий.

Комплексная стабилизация России, южного макрорегиона и области в 2000-е гг. остановила переток местных горожан в сельскую местность. А уже в середине данного десятилетия вновь по-

шла в рост миграция сельского населения. Но основные демографические потери сельского населения в первом десятилетии XXI в. были связаны с естественной убылью. За период 2000–2010 гг. число селян в области сократилось более чем на 44 тыс. чел., из которых на миграцию пришлось не более 8–12 тысяч.

К середине 2000-х гг. ежегодная естественная убыль во многих районах области (прежде всего в ее «русском» этнокультурном поясе, занимающем весь север и центр региона) достигла 7–8%. И обширная зона демографической депопуляции полностью вернула, а потом и территориально превзошла свои «советские» размеры — 29 районов из 33 в «нулевые» годы теряли население. Причем в трех из них среднегодовые размеры депопуляции превышали 1,5% от общей численности населения, еще в 12 составляли 1–1,5%.

Активизация демографической политики федерального центра во второй половине 2000-х гг. и комплекс мер, направленных на повышение рождаемости, сыграли положительную роль в естественной динамике сельского населения области. Рождаемость по отдельным районам выросла на 2–3‰; на 1,5–2‰ сократилась смертность. В начале 2010-х гг. его ежегодная естественная убыль сократилась до 1,4–1,5 тыс. чел., достигнув минимального уровня за весь постсоветский период (таблица 2).

Таблица 2. *Естественная динамика населения сельских территорий Волгоградской области, 2010–2017 гг.*

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Рождаемость	13028	12861	13339	12899	12548	11501	10866	9740
Смертность	15796	15226	14728	14359	14521	14451	13876	13397
Убыль	-2768	-2365	-1389	-1460	-1973	-2950	-3010	-3657

Источник: составлено по: [База данных муниципальных образований].

Однако параллельно существенно ускорился миграционный отток поселян. Если в середине 2000-х гг. на миграцию приходилось только 15–20% демографических потерь сельского населения

области, то в 2012–2013 гг. данный показатель поднялся до 85%, а общий их размер вырос до 9,2–9,5 тыс. в год. Во второй половине текущего десятилетия соотношение двух факторов демографической убыли вновь изменяется. В активный детородный возраст начали входить малочисленные уроженцы 1990-х гг. И количество потенциальных «мам» у поселян области стало уменьшаться. А следом начала сокращаться и рождаемость, «потянув» за собой коэффициент естественного воспроизводства. За четыре года (2013–2017 гг.) естественная убыль сельского населения выросла с 1,4 до 3,6 тыс. чел. И хотя параллельно в эти годы ощутимо сократился отток, общие ежегодные демографические потери сохранялись на уровне 8–8,5 тыс. чел., составив в целом за 2011–2017 гг. около 60 тыс. чел. (таблица 3).

Таблица 3. *Динамика сельского населения
Волгоградской области, 2010–2017 гг.*

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Число, чел.</i>								
Естественный прирост	-2768	-2365	-1389	-1460	-1973	-2950	-3010	-3657
Миграция	-4780	-5725	-7843	-8087	-6536	-4742	-5547	-5228
Всего	-7548	-8090	-9232	-9547	-8509	-7692	-8557	-8885
<i>Удельный вес, %</i>								
Естественный прирост	36,7	29,2	15,0	15,3	23,2	38,4	35,2	41,2
Миграция	63,3	70,8	85,0	84,7	76,8	61,6	64,8	58,8

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований].

Таким образом, по сравнению с первым десятилетием века выросли как темпы, так и общие масштабы убыли сельского населения области (если в 2000-е гг. они в среднегодовом исчислении составляли 4,4 тыс. чел. или 0,65% от общей численности поселян, то в 2010-е гг. выросли соответственно до 7,5 тыс. или 1,2%).

В пространственном отношении данная убыль, как и ранее, оставалась практически повсеместной — зона демографической депо-

пуляции включала всю территорию области, за исключением сельских окрестностей столичной агломерации области. Причем ареал интенсивного сокращения сельского населения стал еще шире: число административных районов, ежегодно терявших более 1% своих жителей, выросло с 15 в 2000-е гг. до 18 в текущем десятилетии.

Итак, за последние 60 лет сельская местность региона потеряла почти треть своего демографического потенциала, общие размеры которого за период 1959–2017 гг. сократились с 846 тыс. до 580 тыс. чел. Причем для значительной части сельских территорий депопуляция является устойчивой тенденцией, проявляющей себя уже несколько десятилетий. В 9 районах области период непрерывного сокращения численности населения продолжается

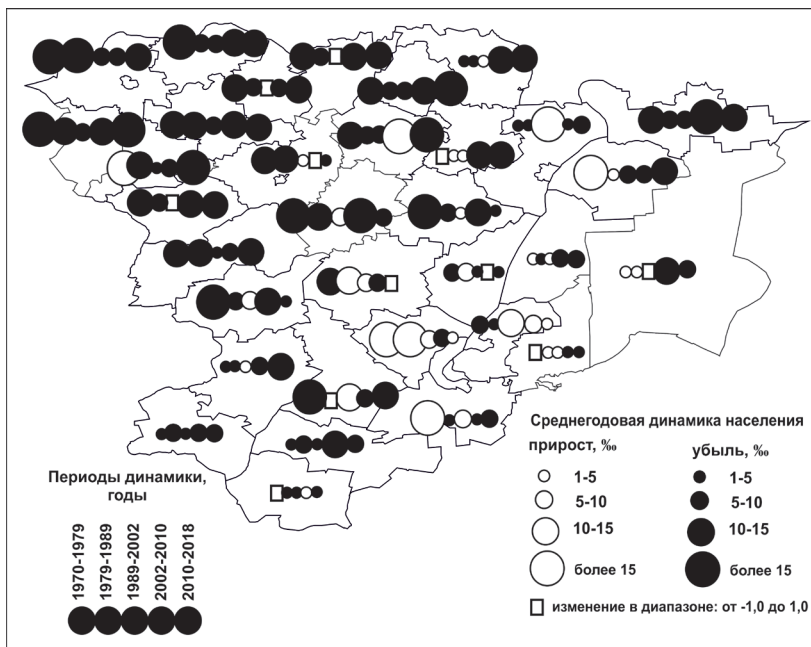

Рис. 2. Динамика населения сельских районов Волгоградской области, 1970-2018 гг.

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований; Всесоюзная перепись населения 1970 г.; Всесоюзная перепись населения 1979 г.; Всесоюзная перепись населения 1989 г.; Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всероссийская перепись населения 2010 г.].

уже минимум полвека, еще в 6 он только однажды прерывался за последние 50 лет.

В результате за последние 48 лет (1970–2018 гг.) Нехаевский район потерял половину своего населения, еще пять (Урюпинский, Даниловский, Дубовской, Старополтавский, Новоаннинский) — 42–44%, три района — 39–39,5%. В семи районах демографические потери составили 30–40%. В целом из 33 административных районов области 17 (более половины) за указанный период утратили более 25% своего демографического потенциала, а рост продемонстрировали только четыре района, составлявшие сельские окрестности областной столицы (рис. 2). Зона глубокой депопуляции захватывает весь северо-запад области. Именно здесь сосредоточено 5 из 9 районов, потерявших за последние полвека 39–50% своего населения.

Обнаруживаются два центральных параметра, в значительной степени определяющих не только направление демографических и миграционных процессов, но и задающих масштабы депопуляции:

– доля русского населения;

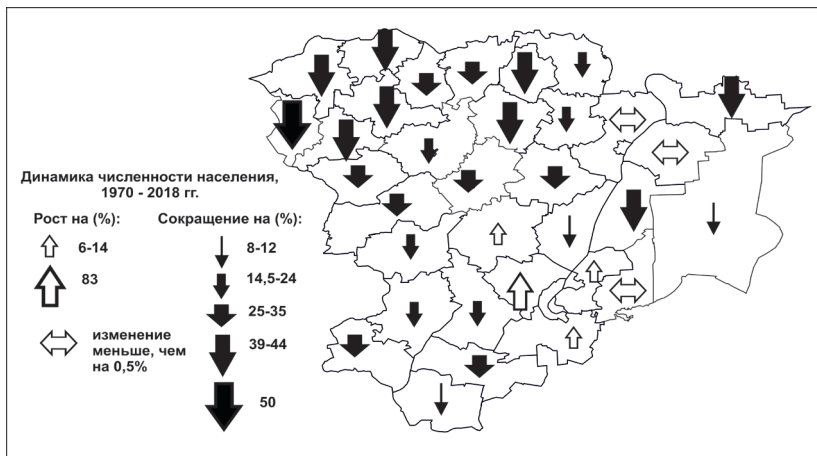

Рис. 3. Изменение численности населения городов и районов Волгоградской области, 1970–2018 гг. (%)

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований; Всесоюзная перепись населения 1970 г.; Всесоюзная перепись населения 1979 г.; Всесоюзная перепись населения 1989 г.; Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всероссийская перепись населения 2010 г.].

– уровень социально-экономической центральности/периферийности данных территорий.

Сочетание повышенной доли русских в структуре местного населения и периферийное положение данной территории в социально-экономической системе региона предопределяло максимальные темпы демографической убыли. И потому именно северо-запад, а также часть центра области — территории ее русского этнокультурного пояса (в пределах которого доля русских в структуре населения составляла 88–94%), при этом наиболее удаленные от столичной агломерации, на протяжении последних 50–60 лет являлись зоной максимальных демографических потерь (рис. 3).

Значительное число районов устойчивого (и при этом интенсивного) демографического сжатия иллюстрирует масштаб проблемы, стоящей в настоящее время перед регионом. Тем более что столь значительные количественные потери неизбежно сопровождаются ощутимой убылью интегрального человеческого потенциала депопуляционных территориальных сообществ (нарастающей разбалансировкой гендерной и возрастной структуры населения, сокращением в его составе доли трудоактивных возрастов и квалифицированных кадров). Пролонгация подобного депопуляционного сценария еще на 15–25 лет способна превратить данные, уже хронически депрессивные в своем большинстве, районы в зоны глубокой социальной деградации. Иными словами, именно демографический фактор может стать центральным препятствием на пути устойчивого социально-экономического развития значительной части сельских районов области, в среднесрочной перспективе способных окончательно утратить свою инвестиционную привлекательность.

В настоящее время подобный «деградационный» сценарий в той или иной степени реализуется в 12–15 районах области. В большинстве районов именно миграция в 2010-е гг. играла центральную роль в депопуляции местного населения. В общей сложности на нее пришлось более 71% демографических потерь сельских территорий региона в 2010–2017 гг. В 28 районах именно отток являлся основным фактором убыли населения, и только в двух районах области миграционное сальдо в текущем десятилетии было положительным (рис. 4).

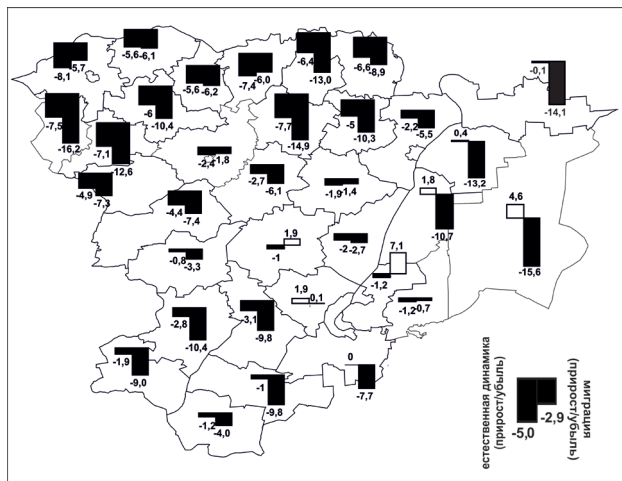

Рис. 4. Среднегодовые показатели естественной динамики и миграции населения по районам Волгоградской области, 2011–2017 гг. (%)

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований].

При этом миграционная динамика в большинстве сельских территориальных сообществ имела сложную структуру. Практически все демографические потери были связаны с внутрироссийской компонентой миграционной динамики, ее внутриобластной и межрегиональной компонентами. 29 районов в 2010-е гг. теряли население в результате оттока в другие центры (территории) области. Самая значительная часть этой убыли приходилась на переезд в города и прежде всего в пределы городской агломерации, включавшей, помимо Волгограда и Волжского, сопредельные сельские территории. В результате три из четырех районов (Городищенский, Среднеахтубинский, Иловлинский), продемонстрировавших в 2011–2017 гг. прирост населения за счет внутриобластной миграции, располагались в непосредственной близости от столицы.

Масштабы внутреннего оттока были значительны на половине сельской территории региона — в четырех районах его среднегодовые размеры составляли в 2010-е гг. 0,9–1% от численности населения, в 11 — 0,55–0,85%. Большая часть таких районов располагалась на востоке и севере области (рис. 5).

Еще более депопуляционный характер в настоящее время носит межрегиональная миграция, в результате которой теряли свое население в 2011–2017-е гг. все 33 района области. Причем в четырех из них эти потери были весьма чувствительными (0,7–0,95%

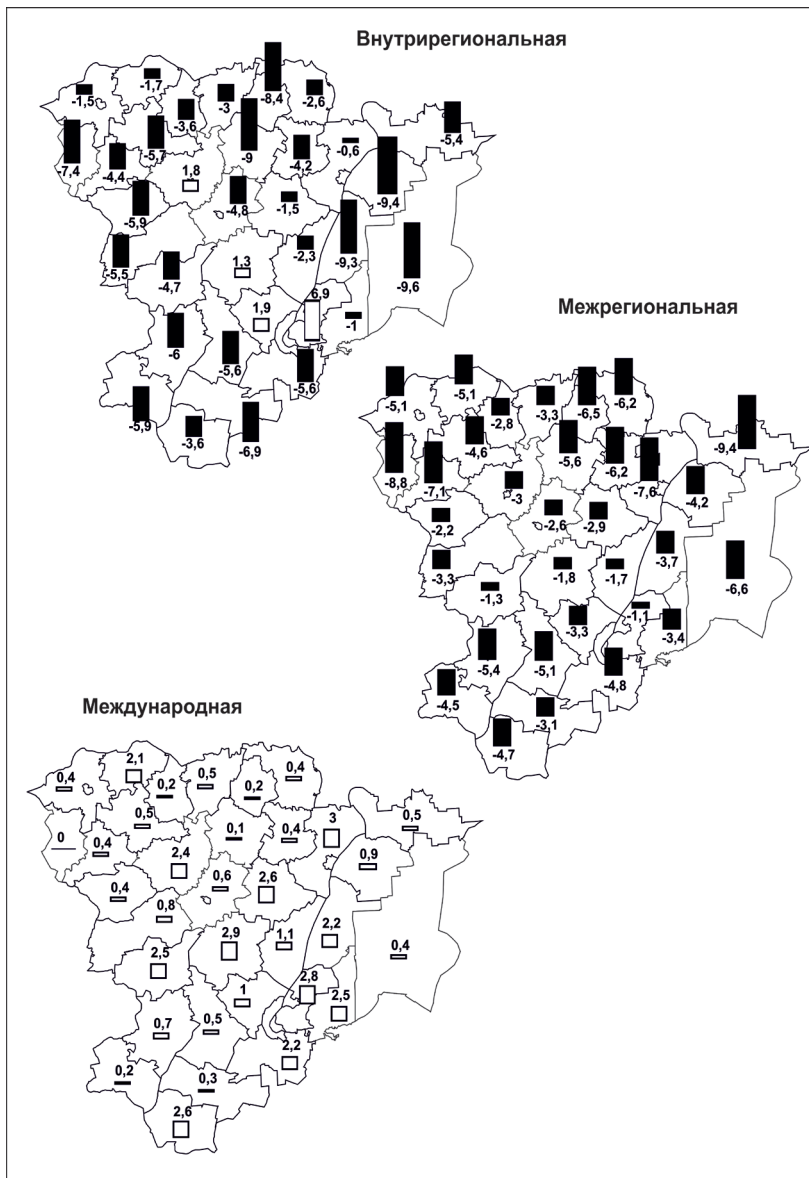

Рис. 5. Направления миграции населения сельских районов Волгоградской области, 2012–2017 гг. (среднегодовое сальдо, ‰)

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований]..

демографического потенциала ежегодно), еще в 9 они превышали 0,5%. Большинство таких районов концентрировалось на севере области, максимально удаленном от ее столицы. И заметно ближе расположенный административный центр сопредельного региона — Саратов — притягивал глубокую социально-экономическую периферию Волгоградской области с преобладающей силой.

В отличие от двух внутрироссийских форм миграционной активности результирующая международной миграции была для сельской местности области однозначно положительной. Приток внешних мигрантов фиксировался в 33 районах, в одном (Нехаевском) районе сальдо международной миграции в текущем десятилетии было нулевым.

Однако масштабы притока внешних мигрантов были весьма незначительными, составляя в Камышинском районе 0,3% (в среднем за год от общей численности населения), еще в 9 районах — 0,2–0,29%, а во всех остальных — менее 0,11%. Данного ограниченного пополнения было абсолютно недостаточно для полного или значительного покрытия двух внутрироссийских форм миграционного оттока (размеры положительного сальдо миграционной миграции составляли порядка 12–17% от их итоговой суммы в 2010-е гг.) (таблица 4).

Таблица 4. *Формы миграционной активности сельского населения Волгоградской области, 2012–2017 гг. (сальдо миграции)*

Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Число, чел.						
внутрирегиональная	-2936	-3558	-3586	-3166	-3752	-3025
межрегиональная	-6125	-5613	-4294	-3356	-2821	-2855
международная	1218	1084	1344	1780	1026	652
Всего	-7843	-8087	-6536	-4742	-5547	-5228
Удельный вес, %						
внутрирегиональная	32,4	38,8	45,5	48,5	57,1	51,4
межрегиональная	67,6	61,2	54,5	51,5	42,9	48,6

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований].

Итак, естественные и механические потери населения, накладываясь друг на друга, определяют устойчивую убыль демографического потенциала сельских территорий области, потерявшего только в 2010–2017 гг. более 60 тыс. чел. Очевидно, что речь идет об устойчивой тенденции, переломить которую государственные программы поддержки рождаемости и сокращения смертности не в состоянии. Тем более что сокращение массива репродуктивно активных женщин в области будет продолжаться до начала 2030-х гг., что неизбежно приведет к дальнейшему росту масштабов естественной убыли, которая уже в ближайшие годы может себе вернуть роль центрального фактора депопуляции.

Но и миграционные перспективы сельских территорий области не дают поводов для оптимизма, учитывая хронический характер оттока на значительной части ее территории, теряющей свое население уже на протяжении многих десятилетий. В результате сопряженной работы миграции и естественной убыли в пределах региона обнаруживается значительный ряд районов, демографический потенциал которых уже в течение 20–30 (и более) лет ежегодно сокращается на 1–1,5%.

Предельно устойчивый характер данного негативного тренда существенно увеличивает вероятность реализации пессимистического сценария демографической динамики на данных территориях. Даже при двукратном сокращении существующих в 2010-е гг. масштабов оттока миграционные потери 13 районов области в ближайшие 20 лет (среднесрочная перспектива) могут составить 10–15% от их демографического потенциала, 5 районов могут потерять 7–10% жителей. При этом возросшая естественная убыль при разных сценариях динамики за период 2018–2040 гг. приведет к потере 10–20% населения на значительной части сельской территории региона. Тем самым общие демографические потери некоторых административных районов могут составить до 2040 гг. порядка 20–35% наличного населения.

В целом, по наиболее вероятным сценариям среднесрочной демографической динамики, в пределах Волгоградской области может быть выделено три крупных ареала.

Зона максимальной депопуляции — северо-западные, ряд северных и центральных районов (рис. 6). Данные территории имеют

максимальную долю русских в структуре населения и относятся к социально-экономической периферии, удаленной от зон опережающего развития области. И потому уже длительный период теряют население как вследствие естественной убыли, так и в результате интенсивного оттока. Эти же параметры предопределяет сохранение высоких темпов демографических потерь и в будущем. При этом опережающее сокращение численности населения будет сопровождаться дальнейшим ухудшением его возрастных и социо-профессиональных характеристик, гендерной разбалансировкой и падением образовательного уровня.

Тем самым в пределах данной зоны сложился замкнутый цикл негативных корреляций, в котором демографический фактор жестко детерминирует экономическую стагнацию. А она, в свою очередь, негативно влияет на демографические процессы. Выход за пределы этой «петли» депрессии предельно затруднен, поскольку предполагает реализацию обширного комплекса государственных мер, поддержанных масштабным финансированием. Рассчитывать на такого рода поддержку (речь скорее должна идти о целенаправленном конструировании качественно нового социально-экономического облика территориальных сообществ) не приходится, поскольку в аналогичных системных «оптимизационных» работах нуждается огромное число депрессивных территорий во всех регионах России.

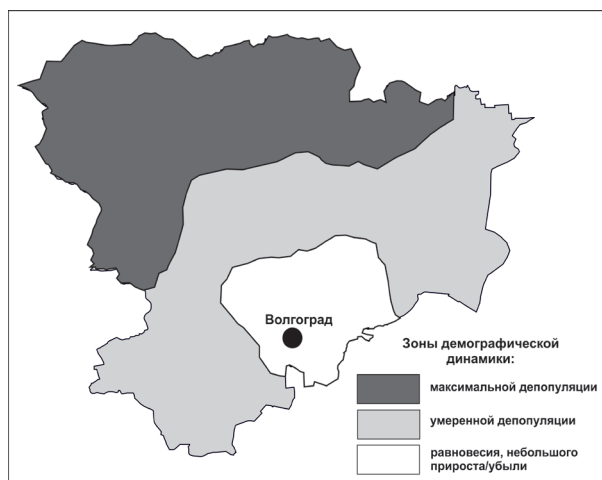

Рис. 6. Зонирование территории области по наиболее вероятным сценариям демографической динамики на среднесрочную (до 2030–2035 г.) и более отдаленную перспективу

Источник:
расчеты автора.

Зона умеренной депопуляции — ряд восточных и южных районов области, характеризующихся максимальным этническим многообразием своего населения и средними темпами миграционного оттока. Пониженная доля русских отражается на незначительных масштабах естественной убыли. А в некоторых районах данного субрегиона коэффициент естественного прироста в 2010-е гг. даже был положительным (в т.ч. в Палласовском, Дубовском районах). Удержать его в следующем десятилетии едва ли удастся, но и естественные потери населения в среднесрочной перспективе с большой вероятностью не превысят 0,1–0,15% в год.

Тем самым масштабы депопуляции будут в максимальной степени зависеть от миграционной динамики местного населения. В настоящее время восточные районы характеризуются повышенным его оттоком, составляющим в некоторых из них более 1% в год. Определенное сокращение данного показателя может позволить снизить и темпы убыли демографического потенциала, которые в любом случае не будут достигать масштабов характерных для северо-запада области.

Зона демографического равновесия и/или небольшой убыли (в отдельных случаях роста) включает Волгоградо-Волжскую агломерацию и ряд окрестных районов (юго-восток). Демографическая динамика данных территорий будет в значительной степени определяться социально-экономическими факторами — концентрацией в их пределах разнообразных производств и значительной части инвестиций, приходящих в регион; наличием густой транспортной сети и развитой социокультурной инфраструктуры. А постоянный приток в пределы столичной агломерации молодежи и населения трудоспособного возраста к тому же корректирует возрастную структуру, заметно улучшая показатели естественного воспроизводства (рост рождаемости, сокращение смертности).

Агломерация естественным образом становится и территорией повышенного этнокультурного разнообразия, что также положительно сказывается на естественной динамике ее населения. Тем более, что приток переселенцев все еще не полностью отслеживается миграционной службой, и реальные масштабы демографической «подпитки» превосходят данные официальной статистики.

И хотя основные социодемографические «бонусы» получают и продолжают получать непосредственно два ведущих города области, сельские окрестности агломерации в среднесрочной перспективе также будут демонстрировать рост своего населения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о неизбежной дальнейшей депопуляции сельского населения области, которая будет совмещаться с нарастающей социодемографической поляризацией пространства всего региона. При этом самую значительную часть Волгоградской области на всю обозримую перспективу будут занимать территории, характеризующиеся значительным масштабом демографических потерь. В 2015–2018 гг. среднегодовые темпы сокращения сельского населения составляли 1,2–1,3%. И региональным властям надо предпринимать самые серьезные усилия, чтобы этот показатель не вырос еще больше.

Между тем в разработанной в 2017 г. региональной Стратегии-2025 демография отсутствует в перечне ключевых проблем [Стратегия 2017].

Если комплексные усилия, позволяющие ограничить механические потери сельских территорий и несколько улучшить естественно-воспроизводственные характеристики местного населения, не будут предприняты, демографическая динамика может пойти по негативному сценарию, при котором многие административные районы области в ближайшие 20 лет способны потерять 20–30% и более своего демографического потенциала (по существу, это будет означать глубокую социально-экономическую деградацию местных территориальных сообществ).

Литература

Антонов, Борисов 2006 — Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Изд-во Ключ-С, 2006. 192 с.

Атаян, Лобанова 2011 — Атаян О.П., Лобанова Н.А. Национальный состав, численность, естественный прирост населения // Волгоградская область: природные условия, ресурсы, хозяйство, население, геоэкологическое состояние. Волгоград: Перемена, 2011. С. 339–366.

Атлас 2009 — Атлас демографического развития России. М.: Изд-во «Экономическое образование», 2009. 222 с.

База данных — База данных муниципальных образований. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (дата обращения: 11.01.2019).

Всесоюзная перепись 1970 — Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. Всесоюзные переписи 1970 гг. Демо-скоп Weekly. Электрон. текстовые дан. URL.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (дата обращения: 11.01.2019).

Всесоюзная перепись 1979 — Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов. Электрон. текстовые дан. URL.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (дата обращения: 08.01.2019).

Всесоюзная перепись населения 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов. Электрон. текстовые дан. URL.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 10.01.2019).

Всесоюзная перепись населения 2002 — Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов. Электрон. текстовые дан. URL.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 14.01.2019).

Деточенко, Лобанова 2018 — *Деточенко Л.В., Лобанова Н.А.* Демографическая ситуация в Волгоградской области на рубеже XX–XXI вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. №4. С. 190–196.

Деточенко 2015 — *Деточенко Л.В., Лобанова Н.А.* Возможности изучения населения муниципальных районов Волгоградской области (на примере Иловлинского района) // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 11. Естественные науки. 2015. № 4 (14). С. 50–61.

Население России 1989 — Население России. М.: Финансы и статистика, 1989. 704 с.

Регионы России 2017 — Регионы России. Социально-экономические показатели 2017. М., 2018. ФСГС. 1410 с.

Сергиенко 2013 — *Сергиенко Л.И.* Демографическая ситуация Юга России и пути ее оптимизации: региональный аспект // Вестник Волгоградского университета. Сер. 3. Экономика, экология. 2013. № 2 (23). С. 62–71.

Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 г. URL: http://www.admvol.ru/Invest_dejet/docs/NPA/%B9%201778-%CE%С4%20%EE%F2%2021.11.%202008.pdf

Суций 2016 — *Суций С.Я.* Этнодемографический потенциал Волгоградской области — современное состояние и перспективы // Региональная экономика. Юг России. 2016. № 4. С. 41–56.

References

[All-Soviet Union census of the population of 1970. The number of urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas by gender]. Electronic text data. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (accessed: 11 January 2019). (In Russ.)

[All-Soviet Union Census of the Population of 1979. The size of the urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas]. Electronic text data. Access mode: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (accessed: 8 January 2019). (In Russ.)

[All-Soviet Union Census of the Population 1989. The size of the urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas]. Electronic text data. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (accessed: 10 January 2019). (In Russ.)

[All-Russian Population Census 2002. The number of the urban population of Russia, its territorial units, urban settlements and urban areas]. Electronic text data. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (accessed: 14 January 2019). (In Russ.)

Antonov A. I., Borisov V. A. [The Dynamics of population of Russia in the XXI century and the priorities of the demographic policy]. Moscow: Publishing House «Klyuch-S», 2006. 192 p. (In Russ.)

Atayan O.P., Lobanova N.A. [National composition, population, natural population growth]. Volgograd Region: natural conditions, resources, economy, population, geoeological state. Volgograd: “Peremena”, 2011. Pp. 339–366. (In Russ.)

[The Atlas of demographic development of Russia]. Moscow, Publishing house «Ekonomicheskoe obrazovanie», 2009. 222 p. (In Russ.)

[Database of municipalities]. Electron text data. Available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (accessed: 11 January 2019). (In Russ.)

Detochenko L.V. Lobanova N.A. The demographic situation in the Volgograd region at the turn of the XX-XXI centuries. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, No. 4, Pp. 190-196. (In Russ.)

Detochenko LV. Lobanova N.A. Opportunities for studying the population of municipal districts of the Volgograd region (on the example of the Ilovinsky district)]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser 11: Estestvennye nauki [Natural Sciences]*. 2015. No. 4 (14). Pp. 50-61. (In Russ.)

[The population of Russia]. M. Finance and Statistics. 1989, 704 pp. (In Russ.)

[Regions of Russia. Socio-economic indicators 2017]. M. 2018. FSGS, 1410 pp. (In Russ.)

Sergiyenko L. I. Demographic situation of the South of Russia and ways of its optimization: the regional aspect. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser. 3. Ekonomika, ekologiya*, 2013, No. 2 (23), Pp. 62–71. (In Russ.)

[Strategy for socio-economic development of the Volgograd region till 2025].
URL: http://www.admvol.ru/Invest_dejet/docs/NPA/%B9%201778-%CE%C4%20%EE%F2%2021.11.%202008.pdf. (In Russ.)

Sushchiy S.Ya. The ethnodemographic potential of the Volgograd Oblast — Current State and Perspectives. *Regional'naya ehkonomika. Yug Rossii*. 2016. No. 4, Pp. 41-56 (In Russ.)

Ландшафтные особенности расселения удмуртского народа

*Алексей Александрович Кашин*¹

¹ Удмуртский государственный университет (д.1, улица Университетская, 426034 Ижевск, Российская Федерация)
доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики
E-mail: kashin.alexey@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — проанализировать важнейшие характеристики природных ландшафтов, в пределах которых проживает основная часть удмуртского этноса. Предлагается и реализуется методика определения ландшафтов, типичных для расселения удмуртов. Результаты. Выявлено, что основным при расселении удмуртов была пригодность природного ландшафта для аграрной деятельности. Однако в процессе хозяйственного освоения из-за сложного рельефа территории и невысокого естественного плодородия почв высокая ландшафтная мозаичность стала важнейшим фактором, повлиявшим на формирование основных черт материальной культуры удмуртов. В целом, повышенное ресурсное разнообразие таких ландшафтов стало основой экономической и метеорологической устойчивости традиционного хозяйства удмуртов.

Ключевые слова: природный ландшафт, этническая структура, традиционное хозяйство, ландшафтная мозаичность

Для цитирования: Кашин А.А. Ландшафтные особенности расселения удмуртского народа. Село России. 2019: (2) 29-46. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-29-46.

Landscape Features of the Settlement of the Udmurt Ethnic Group

*Alexey A. Kashin*¹

¹Udmurt State University (1, Universitetskaya Str., Izhevsk 426034, Russian Federation)
Cand.Sc. (Geography), Assistant Professor
E-mail: kashin.alexey@mail.ru

Abstract. The article discusses the most important characteristics of natural landscapes, within which the bulk of the Udmurt ethnics lives. A methodology for the determination of landscapes typical for the settlement of Udmurts is proposed and implemented. It was revealed that the main one during the resettlement of the Udmurts was the suitability of the natural landscape for agricultural activities. However, in the process of economic development, due to the complex terrain and low natural soil fertility, high landscape mosaic became the most important factor that influenced the formation of the main features of the Udmurt material culture. In general, the increased resource diversity of such landscapes has become the basis of the economic and meteorological sustainability of the traditional Udmurt economy.

Keywords: natural landscape, ethnic structure, traditional economy, landscape mosaic

For citation: Kashin A.A. Landscape Features of the Settlement of the Udmurt Ethnic Group. The village of Russia. 2019: (2) 29-46. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-29-46.

Введение

Формирование культуры любого этноса неразрывно связано с рядом факторов, в том числе природными, среди которых — ландшафтные особенности территории его проживания. В первую очередь это касается материальной культуры и отдельных ее элементов. Характер хозяйственной деятельности и жилище, одежда и орудия труда, особенности национальной кухни и планировка поселений — все это напрямую связано с ландшафтом и находится в зависимости от сочетания географических факторов. При длительном проживании на одной территории и в духовной культуре народов формируются черты, определенные особенностями географии проживания этноса. Например, географический ландшафт и его элементы фигурируют в произведениях литературного и художественного творчества, влияют на трансформацию языка. Наконец, сочетания и образы ландшафтов становятся основой представления этноса о своей малой родине. В то же время в процессе хозяйственного освоения и развития производства этнос и сам меняет ландшафт, его отдельные исходные характеристики. В результате формируются культурные ландшафты, аналогов которым не существовало до заселения территории человеком. Выявление характерных природно-антропогенных особенностей ландшафтов,

являющихся малой родиной для этноса, становится важным для сохранения самого этнического разнообразия. Только сохраняя среду и условия для традиционных видов хозяйственной деятельности, а через них — экономическую базу жизни этносов, можно сохранить уникальные черты культуры народов.

Постановка задач исследования

Представленные в статье результаты являются частью более масштабной работы, направленной на исследование ландшафтной организации территории Удмуртской Республики. В ходе нее изучены основные характеристики ландшафтов Удмуртии и выявлены основные аспекты влияния природных характеристик на особенности хозяйственного освоения территории. Как показывает анализ размещения представителей разных народов, характер расселения и хозяйственной деятельности имеет выраженный этнический аспект. Основная задача исследования заключается в выявлении общих характеристик ландшафтов, населенных преимущественно удмуртами. Это дает выход на выявление основных типов природопользования, характерных для удмуртского этноса в исторической ретроспективе. В свою очередь, полученные данные являются важными для формирования общих подходов к рациональному природопользованию в условиях конкретной локальной территории. Ведь складывавшаяся веками система хозяйства позволяла обеспечить за счет в основном внутренних ресурсов значительное по численности население основными средствами к существованию, сохраняя при этом репродуктивные свойства ландшафтов.

Материалы и методы

В основе исследования лежит база данных по основным природным, расселенческим и этническим характеристикам ландшафтов Удмуртии. В работе использовалась схема физико-географического (ландшафтного) районирования территории республики, разработанная В. И. Стурманом [Геоэкологические проблемы 1997; Природопользование и геоэкология 2013]. Схема включает 12 физико-географических районов, в пределах которых выделя-

ются в общей сложности 44 ландшафта. Два района на ландшафты не подразделяются, таким образом, общее количество выделенных операционно-территориальных единиц (ОТЕ) — 46. В данной схеме реализован индивидуальный подход к районированию. Каждая из ОТЕ имеет собственное название и отличается от других по совокупности характеристик (рис. 1, табл. 1).

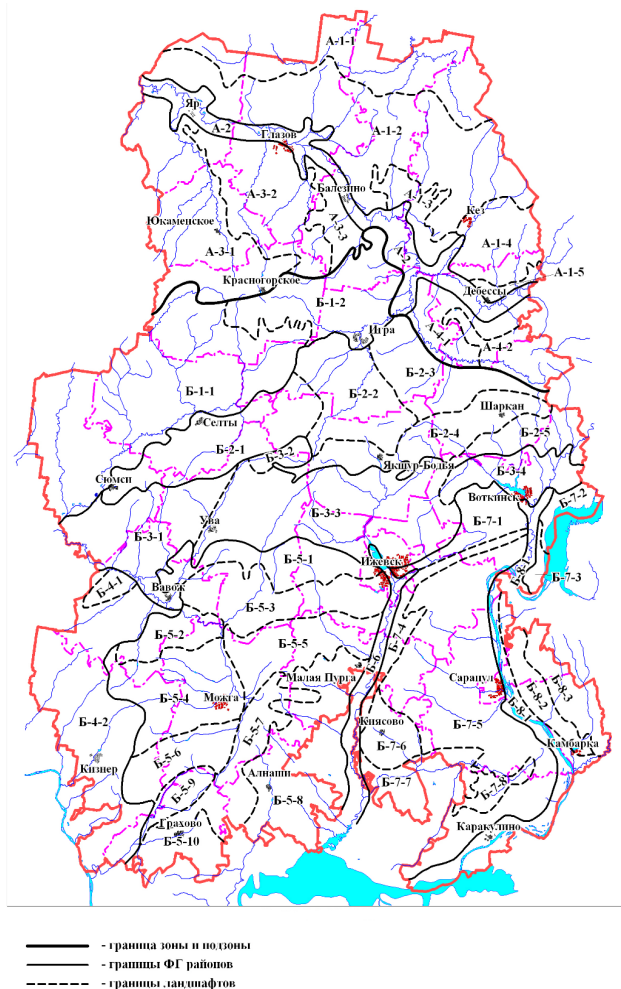

Рис. 1. Схема физико-географического районирования Удмуртии [Природопользование и геоэкология 2013].

Таблица 1. Физико-географические районы и ландшафты
Удмуртии

Индекс	Ландшафт	Индекс	Ландшафт
А. Зона тайги. Вятско-Камская южнотаежная подпровинция		Б-4. Привятский физико-географический район	
А-1. Зачепецкий физико-географический район		Б-4-1	Седмурчинский
А-1-1	Верхнекамско-Верхневятский	Б-4-2	Люгинский
А-1-2	Пызепско-Лыпский	Б-5. Можгинский физико-географический район	
А-1-3	Сыгинский	Б-5-1	Пургинско-Мужвайский
А-1-4	Пыхтинский	Б-5-2	Кельвайский
А-1-5	Медлинский	Б-5-3	Нылгинский
А-2. Чепецкий физико-географический район		Б-5-4	Сюгинский
А-3. Красногорский физико-географический район		Б-5-5	Пычасский
А-3-1	Лекминский	Б-5-6	Ишекский
А-3-2	Убытский	Б-5-7	Валинский
А-3-3	Причепецкий	Б-5-8	Алнашский
А-4. Северо-Тыловый физико-географический район		Б-5-9	Умякский
А-4-1	Ирымский	Б-5-10	Адамский
А-4-2	Ягвайский	Б-6. Ижский физико-географический район	
Б. Зона подтайги. Прикамская подтаежная провинция		Б-7. Сарапульский физико-географический район	
Б-1. Кильмезский физико-географический район		Б-7-1	Июльский
Б-1-1	Лумпунско-Пестерьский	Б-7-2	Сивинский
Б-1-2	Салинский	Б-7-3	Удебский
Б-2. Южно-Тыловый физико-географический район		Б-7-4	Кенско-Позимский
Б-2-1	Арлетский	Б-7-5	Сарапульский
Б-2-2	Лозинский	Б-7-6	Киясовский
Б-2-3	Итинский	Б-7-7	Кырыкмасский

Ин-декс	Ландшафт	Ин-декс	Ландшафт
Б-2-4	Шарканский	Б-7-8	Оскинский
Б-2-5	Казесский	Б-8. Камский физико-географический район	
Б-3. Центрально-Удмуртский физико-географический район		Б-8-1	Собственно Камский
Б-3-1	Увинский	Б-8-2	Шольинский
Б-3-2	Уйвайский	Б-8-3	Камбарский
Б-3-3	Сельччинский		
Б-3-4	Воткинский		

Источник: [Природопользование и геоэкология 2013].

В ходе ряда проведенных исследований [Ичетовкин, Соловьев 2019; Кашин 2015; Пермьяков 2018] были рассчитаны количественные характеристики ландшафтов. Из природных показателей основными являются расчлененность рельефа, густота речной сети, доля лесопокрытой площади, рисунок распределения лесных массивов, характеристики почвенного покрова (соотношение типов и подтипов почв, расчлененность почвенного покрова). Расселенческие показатели: густота дорожной сети, плотность населения, густота населенных пунктов, средняя людность поселений. Последние показатели рассчитывались для всего сельского и отдельно — для сельскохозяйственного населения. Из этнических характеристик рассчитывались доли представителей разных этносов в общей численности населения ландшафтов.

Большая часть природных характеристик была вычислена в результате картометрических работ по общегеографическим и тематическим картам. Расселенческие — на основании данных текущей статистики Росстата, этнические — по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. Основные методы исследования можно отнести к традиционным: картографический, группа статистических методов, математические методы для проведения расчетов и анализа. В частности, для выявления взаимосвязи между характеристиками рассчитывались коэффициенты парной корреляции.

Несмотря на то, что рельеф Удмуртии имеет равнинный характер, а территория невелика по площади (42 000 км²), ландшафтную мозаичность региона можно оценить как высокую (в сравнении с сопоставимыми по площади и положению регионами). В исследовании уделяется внимание в первую очередь ландшафтам с высокой долей и абсолютной численностью удмуртов в населении. На наш взгляд, сочетание именно таких ландшафтов можно назвать малой родиной удмуртского этноса.

Ландшафтные факторы освоения территории Удмуртии

Удмуртская Республика располагается в восточной (приуральской) части Восточно-Европейской равнины. Северная часть территории входит в таежную зону (южная тайга), центральная и южная относятся к подтаежной зоне [Баранова, Егоров, Стурман 2010]. Для Удмуртии, как и для всего западного Приуралья, характерна густая и полноводная речная сеть. Данное обстоятельство явилось одним из факторов, способствовавших освоению территории. В условиях почти сплошной залесенности только реки служили «коридорами» для расселения. При этом значение имели не только судоходные реки, доступные для водного транспорта, но и средние и малые, служившие своего рода естественными просеками в сплошных лесных массивах. По ним можно было передвигаться в зимний период и пешком, и на лыжах, и гужевым транспортом. Косвенным свидетельством главенствующей роли речной сети в процессе расселения служит тот факт, что наиболее возвышенные ландшафты, расположенные на востоке региона (в первую очередь, Шарканский), начали осваиваться лишь в XVI–XVII вв. Это можно объяснить тем, что Тыловайская возвышенность, в пределах которой располагается ландшафт, является частью крупного водораздела между камским и вятским речными бассейнами, и для нее характерны лишь самые малые реки. При ширине русла, исчисляемой первыми метрами, такие реки были непригодны для передвижения, даже будучи скованными льдом. Несмотря на то, что другие ландшафтные характеристики были во многом благоприятны для аграрного освоения территории, ее «непроницаемость» для заселения имела решающее значение.

Для территории Удмуртии характерно чередование возвышенностей и низменностей. Неоднородность рельефа также оказала значительное влияние на расселение. В условиях повышенного увлажнения (с коэффициентом увлажнения больше единицы), характерного для большей части территории региона, только расчлененный рельеф способствует свободному стоку воды и препятствует заболачиванию. В противном случае сток воды затруднен, широкое распространение получают болота, что препятствует расселению человека в таких ландшафтах и их хозяйственному освоению. Кстати, в более южных регионах для расселения благоприятны участки с выровненным рельефом. Это позволяет формировать сельхозугодья больших площадей, что способствует снижению трудовых и материальных затрат на обработку полей, а переувлажнение, вызывающее заболачивание, для этих территорий не характерно. Таким образом, на территории Удмуртии лучше заселены и освоены возвышенности, имеющие повышенные показатели расчлененности рельефа. Напротив, низменности заселены фрагментарно, и поселения имеют в основном промышленную (леспромхозы, торфоразработки, стекольные заводы) и транспортную (пристанционные поселки) специализацию.

Преобладающие в Удмуртии почвы имеют невысокие показатели естественного плодородия. Около 70% занимают подзолистые и дерново-подзолистые почвы разной степени оподзоленности. Фрагментарно распространены серые лесные и дерново-карбонатные, имеющие более высокие агрохимические характеристики. Пойменные (дерново-аллювиальные), несмотря на высокое содержание гумуса и повышенное естественное плодородие, вовлечены в сельскохозяйственный оборот ограниченно, т.к. зачастую переувлажнены, а их активное освоение может привести к активному смыву и деградации почвенного покрова. Группа гидроморфных почв, формирующихся в условиях повышенного увлажнения (в том числе на болотах), может быть вовлечена в оборот только при условии проведения дорогостоящих мелиоративных мероприятий.

Как показывают исследования [Кашин 2015], для расселения на территории Удмуртии более пригодны ландшафты с расчлененным почвенным покровом, с высоким разнообразием и моза-

ичностью почв. В этом случае при неблагоприятном фоне и преобладании почв с низким плодородием появляются фрагменты с более плодородными почвами, составляющими естественную базу для ведения земледелия. С одной стороны, это создает мелкоконтурность угодий, а с другой — позволяет выбрать участки, благоприятные для земледелия. Кроме того, данное обстоятельство способствует диверсификации аграрного производства. Земледелие и скотоводство дополняют друг друга, способствуя более высокой экономической и метеорологической устойчивости хозяйств.

Важную роль в расселении играет характер поверхностных отложений. Их распространение во многом зависит от рельефа и определяет многие особенности почвенного покрова, и, следовательно, является важнейшим ландшафтообразующим фактором. С этой точки зрения в первом приближении на территории Удмуртии выделяются два типа пространств. Первые покрыты песками преимущественно эолового происхождения. Их отложение происходило во время четвертичных оледенений, когда территория Удмуртии находилась в перигляциальной (приледниковой) зоне. Растительный покров был крайне разреженным, и сильные юго-западные ветры переваливали речные пески, откладывая их в виде клинообразных массивов. Таких массивов на территории два: Кильмезский и Вятский (первый в основном соответствует Кильмезскому физико-географическому району, второй — Привятскому и Центрально-Удмуртскому). Они пересекают Удмуртию с юго-запада на северо-восток в центральной части. Поскольку на песках формируются наименее плодородные почвы, участки с распространением эоловых отложений остались не освоенными в аграрном отношении и, следовательно, слабо заселенными.

На участках, лишенных песчаных покровов, преобладают сульфидные отложения, на которых формируются почвы с более высоким естественным плодородием. Такие места лучше заселены и освоены.

В тесной связи с особенностями хозяйственного освоения находится характер распределения лесных массивов. Если до заселения человеком леса покрывали почти всю территорию, то в процессе расселения и освоения они сводились и для расчистки под сельхо-

зугодья, и с целью лесозаготовок. В результате сформировался современный рисунок залесенности, во многом зависящий от естественного плодородия почв и характера рельефа. Естественно, что на участках с неплодородными почвами леса сохранились лучше. Даже в том случае, если в таких местах велись лесозаготовки, после вырубок леса вырастали вновь, массового аграрного освоения таких территорий не происходило. В случае сельскохозяйственного освоения леса вырубались, но, как правило, происходила не сплошная рубка, а выборочная — лишь в тех местах, которые были удобны для распашки благодаря более выровненному рельефу. Крутые склоны, балки и участки с менее плодородными почвами чаще всего оставались под лесами. В результате в таких местах сформировался сложный рисунок залесенности, когда леса располагаются не сплошными крупными массивами, а отдельными фрагментами, часто со сложно изрезанными контурами. Они перемежаются с сельскохозяйственными угодьями и небольшими населенными пунктами. Для большей части территории Удмуртии, хорошо освоенной в аграрном отношении, характерен именно такой рисунок распределения лесов.

Такие ландшафты более полифункциональны: условия позволяют заниматься здесь разными видами хозяйственной деятельности. Исторически на территории господствовали два географических типа природопользования: сельскохозяйственный и лесохозяйственный [Природопользование и геоэкология 2013]. Именно они являются для территории республики фоновыми и имеющими сплошное площадное распространение. Промышленно-урбанистический тип (городские населенные пункты и земли промышленности и транспорта) локализован и занимает очень небольшие площади. Поэтому соотношение лесных и безлесных пространств в целом можно трактовать как соотношение сельскохозяйственно-го и лесохозяйственного типов природопользования.

Таким образом, мозаика ландшафтов Удмуртской Республики очень разнообразна для небольшой по площади равнинной территории. В зависимости от свойств отдельных компонентов ландшафта происходило освоение территории и формирование основных типов природопользования. Какие же ландшафты наиболее характерны для мест проживания удмуртского этноса?

Расчет индекса типичности ландшафтов по расселению удмуртского этноса

В ходе исследования были выявлены ландшафты, где сконцентрирована основная часть удмуртского населения региона. В целом в населении Удмуртии преобладает русское население (60%), однако в сельской местности ситуация несколько иная: около 42% приходится на русских и 50,5% — на удмуртов [Население 2010].

Удмурты расселены по территории региона неравномерно. Это связано и с историей заселения территории, и с разнообразием ландшафтных условий. Так, с начала формирования современной системы расселения (XVI–XVII вв.) для удмуртов было характерно сочетание сельского хозяйства и неземледельческих промыслов. Со временем роль аграрного производства стала расти. Следовательно, для расселения удмурты опытным путем выбирали в первую очередь места с более плодородными почвами и в целом более благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства. Поскольку расселение шло по рекам, заселялись пространства вдоль крупных рек, а затем переселенцы поднимались вверх по их притокам. Как было сказано выше, для заселения были «непроницаемы» только те ландшафты, где есть лишь самые малые реки, ширина русла которых исчисляется первыми метрами. Тем не менее по мере расселения были освоены и такие места, особенно если почвы там обладали повышенным естественным плодородием.

Долгое время оставались не освоенными песчаные массивы. Лишь в XX в. началось их вовлечение в хозяйственный оборот, причем абсолютно преобладало промышленное освоение. Добыча песка и торфа, лесозаготовки стали основой специализации и сформировали свой тип расселения. С 1960-х гг. в республике начинается промышленная добыча нефти, однако свою сеть поселений нефтепромыслы не сформировали. Их освоенческая роль заключалась в формировании инфраструктуры и поддержании численности и плотности сельского населения. Ведь значительное число рабочих мест создает добывающая промышленность. Даже в случае банкротства сельхозпредприятия сельская местность, где значительная часть населения связана с нефтедобычей, сохраняет численность жителей.

В ходе исследования была вычислена абсолютная численность удмуртов в сельском населении всех ландшафтов в соответствии с принятой схемой районирования. Кроме того, была определена доля удмуртов в общей численности населения. При расчетах городское население не учитывалось. Дело в том, что многие этнические черты лучше сохраняются в сельской местности. Города — это своего рода «плавильные котлы», где этнические различия стираются, и главным фактором, определяющим социальную стратификацию, становится уровень доходов. Кроме того, в городах наиболее сильны ассимиляционные процессы.

Из общей численности сельского населения было исключено население районных центров. Причина аналогична той, по которой не принималось во внимание население городов. В районных центрах, даже сельских, теряются многие ландшафтные черты хозяйства. Повышенная численность населения достигается не за счет более плодородных почв в округе или возможности заниматься и земледельческими, и лесными промыслами, а за счет более развитой инфраструктуры и наличия рабочих мест. Ассимиляционные процессы также идут более интенсивно, а этническая структура изменяется и за счет внешних факторов. Например, для большинства районных центров Удмуртии был характерен рост численности армян и азербайджанцев с начала — середины 1990-х гг.

С точки зрения расселения этносов по ландшафтам важными являются и абсолютная численность представителей того или иного народа, и их доля в общей численности населения. Разумеется, в больших по площади ландшафтах с высокой вероятностью будет проживать значительное число удмуртов (даже при преобладании русских). Напротив, маленькие по площади с небольшим количеством поселений и общей численностью жителей будут занимать по этому показателю низкие позиции. Но в случае одновременного учета и численности, и доли удмуртов в населении этот недостаток частично нивелируется.

Все 46 ОТЕ были проранжированы по абсолютной численности удмуртского населения с 1 по 46 места. Аналогичным образом было произведено ранжирование по доле удмуртов в общей численности населения. Затем ранги складывались, и был получен новый ряд ландшафтов по сумме рангов (табл. 2).

Таблица 2. Численность и доля удмуртов
в ландшафтах Удмуртии (фрагмент)

Индекс	Ландшафт	Доля удмуртов в сельском населении, %	Ранг (место)	Численность удмуртов в сельском населении, чел.	Ранг (место)	Сумма рангов
Б-5-8	Алнашский	89,6	1	22743	1	2
Б-2-4	Шарканский	81,5	8	8745	5	13
Б-2-3	Итинский	82,9	6	5667	11	17
А-4-1	Ирымский	83,3	5	4988	13	18
Б-5-3	Нылгинский	65,7	15	13548	3	18
А-3-3	Причепецкий	72,0	11	6873	8	19
А-1-2	Пызепско-Лыпский	60,9	18	14146	2	20
Б-2-1	Арлетский	60,9	19	7108	7	26
А-4-2	Ягвайский	87,7	2	2493	26	28
А-3-1	Лекминский	55,2	24	7307	6	30
Б-5-2	Кельвайский	67,0	14	4517	16	30
...						
Б-3-4	Воткинский	32,5	35	633	37	72
Б-7-6	Киясовский	22,5	39	1007	33	72
Б-7-2	Сивинский	15,8	40	561	38	78
А-1-1	Верхнекамско-Верхнеяятский	13,5	41	243	41	82
Б-8-1	Собственно Камский	7,5	43	502	39	82
Б-8-2	Шольинский	4,0	46	690	36	82
Б-3-2	Уйвайский	23,7	38	9	45	83
Б-7-8	Оскинский	7,5	42	172	42	84
Б-8-3	Камбарский	4,5	45	44	44	89
Б-7-3	Удебский	5,1	44	4	46	90

Источник: [Всероссийская перепись 2010].

В таблице представлены ландшафты, занимающие первые и последние строки рейтинга по сумме рангов. Данный показатель условно примем за индекс типичности ландшафтов по расселению удмуртского этноса. В первых строках — ландшафты, наиболее типичные с точки зрения проживания удмуртов, в последних — наименее типичные. Поскольку ландшафты ранжировались в порядке убывания значения численности и доли удмуртов, очевидно, что наиболее типичные имеют наименьшие значения сумм рангов. На рисунке представлена полная картина распределения индекса типичности (рис. 2).

Интерпретация и анализ результатов

На территории региона отчетливо выделяются три ареала типичных ландшафтов с точки зрения расселения удмуртов. Условно их можно обозначить как северный, центрально-восточный и юго-западный. Общими их чертами является то, что они располагаются преимущественно в пределах возвышенностей с расчлененным рельефом. Северный — Верхнекамской и Красногорской, разделяемых долиной р. Чепцы, центрально-восточный — Тыловайско-Мултанской (Лозинской), юго-западный — Можгинской. Возвышенности обладают наилучшими предпосылками для аграрной деятельности. Расчлененный рельеф

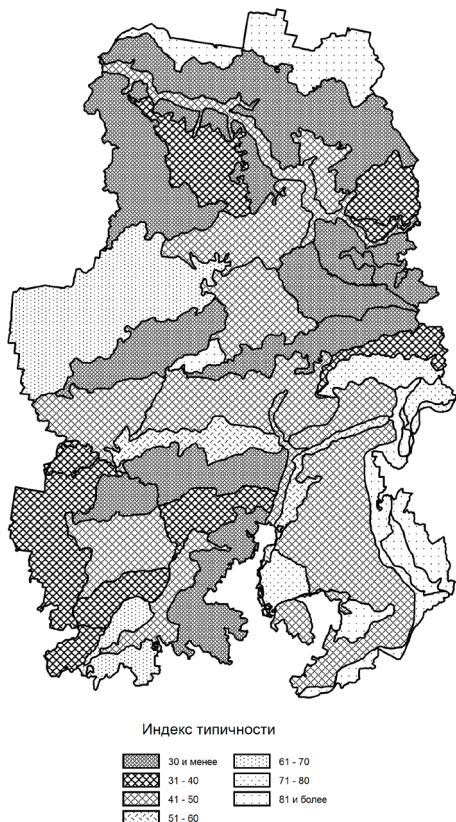

Рис. 2. Индекс типичности ландшафтов по расселению удмуртского этноса

препятствует заболачиванию, а мозаичный почвенный покров, формирующийся в таких местах, позволяет выбрать участки с более плодородными почвами. В то же время здесь наблюдается высокая ландшафтная мозаичность. Места с неудобным для распашки рельефом (крутые склоны или балки) и менее плодородными почвами остаются под лесами, что формирует предпосылки для диверсификации видов хозяйственной деятельности.

В большинстве ландшафтов, занявших высокие места по индексу типичности, удмурты были первопроходцами в освоении. Расселяясь по рекам, они вовлекали в хозяйственный оборот новые земли, расчищая их от леса. Формировалась своя, обусловленная ландшафтными особенностями, система земледелия, сочетающаяся с неземледельческими промыслами. Более поздние волны колонизации (в первую очередь, русская) сталкивались с тем, что лучшие для аграрной деятельности земли были уже заселены и активно вовлечены в оборот. Поэтому русские зачастую заселяли слабо дренированные низменности, залесенные и заболоченные, где аграрное производство было крайне затруднено. Поэтому сеть поселений, формировавшаяся при этом, имела в основном промышленную специализацию.

Принципиально иной характер освоения наблюдался в Прикамье (юго-восток Удмуртии). Несмотря на благоприятные предпосылки для аграрного освоения, уже в XIX в. полоса вдоль Камы имела практически моноэтническое русское население [Этнографическая карта 1875]. В настоящее время юго-восток — наиболее урбанизованная территория, составляющая основную часть формирующейся Ижевской агломерации. Этнический состав здесь определяется неландшафтными факторами. Для расселения удмуртского этноса и формирования элементов его материальной культуры эта территория не имеет решающего значения.

Итак, можно выделить несколько отличительных черт типичных удмуртских ландшафтов:

1. Средние показатели залесенности и сложный рисунок распределения лесных массивов. В большинстве ландшафтов леса занимают от 30 до 50% и располагаются относительно локальными массивами с изрезанными контурами (с хозяйственно-освоенческой точки зрения это полифункциональные ландшафты);

2. Повышенные значения расчлененности рельефа. Как было сказано выше, этот фактор в условиях избыточного увлажнения способствует аграрному освоению;

3. Широкое распространение дерново слабо- и среднеподзолистых, серых лесных и дерново-карбонатных почв, имеющих повышенное естественное плодородие, а также высокие показатели мозаичности (расчлененности) почвенного покрова;

4. В целом высокий уровень хозяйственной освоенности, проявляющийся в повышенных значениях густоты дорожной сети и плотности сельского и сельскохозяйственного населения.

Напротив, ландшафты, наименее типичные с точки зрения расселения удмуртов, характеризуются следующими параметрами:

1. Высокая или, напротив, низкая залесенность. С точки зрения хозяйственного профиля это монофункциональные ландшафты (преимущественно аграрные или преимущественно лесохозяйственные);

2. Пониженная расчлененность рельефа. В основном это ровные ландшафты, что особенно характерно для центральной и крайней юго-восточной (Закамье) частей Удмуртии;

3. Повышенная доля сильноподзолистых и дерново-сильноподзолистых почв, а также гидроморфных, формирующихся в условиях повышенного увлажнения. Эти почвы имеют пониженные показатели естественного плодородия или ограничения для аграрного производства из-за переувлажнения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о наиболее типичных чертах ландшафтов, населенных преимущественно удмуртами. Обобщая все отличительные черты и выделяя главное, можно констатировать, что в расселении удмуртов главную роль играла мозаичность, неоднородность ландшафта. Сочетание базовых ресурсов — относительно плодородных почв, лесных массивов и рек разной величины и водности — способствовали формированию многих элементов материальной культуры. Так, в национальной кухне использовались (и используются сейчас) продукты и животноводства, и растениеводства, и охоты, и рыболовства, и собирательства (ягоды, грибы, съедобные травы). Товарами, вы-

возимыми для продажи, была продукция и сельского хозяйства, и лесных промыслов. Важную роль играли и минеральные ресурсы: руды металлов, глина, минеральные краски.

В целом ландшафтная мозаичность способствовала экономической и метеорологической устойчивости традиционного хозяйства, а в более широком контексте была важным фактором жизни самого удмуртского этноса. В процессе освоения сложились своеобразные особенности хозяйства, позволяющие обеспечить основными ресурсами население с сохранением основных свойств ландшафта. В настоящее время глубокое изучение особенностей традиционного хозяйства не имеет существенного экономического значения. Но с точки зрения охраны природы и сохранения элементов этноландшафтного взаимодействия этот опыт бесценен.

Литература

Баранова, Егоров, Стурман 2010 — Баранова О. Г., Егоров И. Е., Стурман В. С. К вопросу о положении южной границы таежной зоны на территории Западного Предуралья // Вестник Удмуртского университета. Биология. Науки о Земле. 2010. Вып. 1. С. 58–69.

Геозоологические проблемы 1997 — Геозоологические проблемы Удмуртии / под ред. В.И. Стурмана. Ижевск: УдГУ, 1997. 158 с.

Ичетовкин, Соловьев 2019 — Ичетовкин И. А., Соловьев И. К. Геоморфологические особенности размещения сельскохозяйственного населения Удмуртии // Теория и практика современных географических исследований: матер. науч.-практ. конф. в рамках XV Большого географического фестиваля. М.: Изд-во «Каллиграф», 2019. 1227 с.; С. 39–44.

Кашин 2015 — Кашин А. А. Исследование ландшафтной организации территории Удмуртии как фактора хозяйственного освоения и расселения населения: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.23. Пермь, 2015. 24 с.

Пермяков 2018 — Пермяков М. А. Влияние ландшафтных особенностей на отдельные расселенческие характеристики (на примере Удмуртской Республики) // География в современном мире: вековой прогресс и новые приоритеты: сб. ст. XIV Большого географического фестиваля. СПб.: Свое Изд-во, 2018. С. 292–297.

Природопользование и геоэкология 2013 — Природопользование и геоэкология Удмуртии: монография / под ред. В.И. Стурмана. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 384 с.

Этнографическая карта 1875 — Этнографическая карта Европейской России / сост. А.Ф. Риттих. СПб.: Картографическое заведение А.А. Ильина, 1875.

Всероссийская перепись 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 / официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (электронный ресурс). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения 21.10.2019.).

Население 2010 — Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации / Всероссийская перепись населения 2010 г. // ДемоскопWeekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество» (электронный ресурс). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=48 (Дата обращения 16.10.2019.).

References

[All-Russian 2010 Census/official website of the Federal Service of State Statistics] (electronic resource). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Access Date 21.10.2019.). (In Russ.)

Baranova O.G., Egorov I.E., Sturman V.S. [To the question of the position of the southern boundary of the taiga zone on the territory of the Western piedmont of the Urals//Bulletin of the Udmurt University. Biology. Science about Earth.] 2010. Issue 1. Pp. 58-69. (In Russ.)

[Environmental management and geocology of Udmurtia]: monograph/edit.by V.I. Sturman. Izhevsk: Udmurt University, 2013. 384 p. (In Russ.)

[Ethnographic map of European Russia]/compiled by A.F. Rittikh. SPb.: Cartographic institution by A.A. Il'in, 1875. (In Russ.)

[Geocological Problems of Udmurtia]/ Ed. by V.I. Sturman. UdsU, Izhevsk, 1997. 158 p.

Ichetovkin I.A., Soloviev I. K. [Geomorphological features of the placement of the agricultural population of Udmurtia//Theory and practice of modern geographical research: proceedings of the applied science conference. Within the XV Great Geographical Festival.] Moscow: Kalligraf, 2019. 1227 p.; Pp. 39-44. (In Russ.)

Kashin A. A. [Study of landscape organization of the territory of Udmurtia as a factor of economic development and settlement of the population: extended abstract of Cand.Sc. (Geography) dissertation]: 25.00.23. Perm, 2015. 24 p. (In Russ.)

Permyakov M.A. [Influence of landscape features on individual settlement characteristics (on the example of the Udmurt Republic)//Geography in the modern world: century-old progress and new priorities: Proceedings of the XIV Great Geographical Festival.] SPb.: Svoe Izdatelstvo, 2018. Pp. 292–297. (In Russ.)

[Population by nationality, sex and subjects of the Russian Federation/All-Russian Population Census 2010]/ДемоскопWeekly: electronic version of the bulletin “Population and Society” (electronic resource). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=48 (Access Date 16.10.2019.). (In Russ.)

**Развитие и состояние крестьянско-фермерских хозяйств
в Республике Татарстан и Пензенской области
(по материалам Всероссийских сельскохозяйственных
переписей 2006–2016 гг. и полевых исследований 2015–2018 гг.)**

*Эльвина Азадовна Сагдиева*¹

¹ Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (д. 7 А, ул. Батурина, 420111 Казань, Российская Федерация).

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-4510-9467. E-mail: elvina_n@inbox.ru

Аннотация. *Введение.* В политике развития аграрного сектора России значительная роль отводится крестьянским (фермерским) хозяйствам. Они стимулируют сельскохозяйственное производство и вносят определенный вклад в укрепление сельских территорий. Однако потенциал фермерского сектора реализуется не в полной мере, что обусловлено трудностями и рисками, возникающими перед его представителями и замедляющими эффективную динамику данного хозяйствующего субъекта. В числе проблем современных КФХ — ограниченность кредитного рынка и отсутствие оборота собственных финансовых средств, низкая обеспеченность качественной сельскохозяйственной техникой, высокая стоимость ГМС, ветеринарных услуг, селекционных посевных материалов. Среди субъектов РФ прослеживается региональная дифференциация в развитии фермерских хозяйств. Цель работы — рассмотреть в региональном разрезе изменения, произошедшие с 2006 г. до настоящего времени в ресурсном потенциале и в производственных специализациях КФХ. В качестве методов и приемов в работе применяется статистический анализ данных Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг. по Республике Татарстан и Пензенской области и полуформализованные интервью с главами КФХ и руководителями сельских поселений данных регионов. Результатом исследования стало заключение о том, что в Татарстане и Пензенской области развитие КФХ идет разными темпами: в республике наблюдается увеличение их численности, а в области — сокращение. В анализируемых субъектах выявлено увеличение земельных ресурсов у фермерских хозяйств, что свидетельствует о росте их экономической состоятельности. Хозяйства стали больше

заниматься посевной деятельностью, в приоритете такие культуры, как зерновые и зернобобовые, технические, кормовые и масличные. За межпереписной период в хозяйствах возросло поголовье КРС молочного и мясного направления. Эффективному развитию КФХ способствует активная и доступная государственная поддержка в виде грантов и субсидий. Материалы интервью показали, что татарстанские фермеры активнее используют данные формы поддержки в отличие от пензенских. Основной проблемой для всех фермеров являются отсутствие возможностей для реализации произведенной сельхозпродукции, низкие закупочные цены на зерно и молоко. Сталкиваются они и с низким качеством выделяемых земель и их дефицитом. Сложно идет и обновление парка сельхозтехники в связи с высокими ценами на новую. Комплексное решение проблем КФХ с помощью государственного регулирования и контроля будет способствовать более активному развитию малых форм хозяйствований и развитию сельских территорий.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Пензенская область, крестьянско-фермерское хозяйство, Всероссийская сельскохозяйственная перепись, производство, ресурсы

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Самоорганизация населения в русских и татарских селах Поволжья и Сибири: семейные практики хозяйствования и местное самоуправление», проект № 17-03-004 64-ОГН.

Для цитирования: Сагдиева Э.А. Развитие и состояние крестьянско-фермерских хозяйств в Республике Татарстан и Пензенской области (по материалам Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006–2016 гг. и полевых исследований 2015–2018 гг.). Село России. 2019; (2): 47-72. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-47-72.

UDC 316.4; 332.1

Development and Condition of Peasant Farm Enterprises in the Republic of Tatarstan and the Penza Region (Based on Materials of the All-Russian Agricultural Censuses in 2006-2016 and Field Researches in 2015-2018)

*Elvina A. Sagdieva*¹

¹ Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation)
Cand.Sc. (Sociology), Senior Research Associate
ORCID: 0000-0003-4510-9467. E-mail:elvina_n@inbox.ru

Abstract. Peasant (farm) enterprises (PFE) play a significant role in the development policy of Russia's agrarian sector. They stimulate agricultural production and make a certain contribution to strengthening rural areas. However, the potential of the farming sector is not being fully realized due to difficulties and risks that arise before its representatives and slow down the effective dynamics of this economic entity. Among the problems of modern PFE are the limited credit market and the lack of turnover of own financial resources, low availability of quality agricultural equipment, high cost of fuel and lubricant materials, veterinary services, selection of seed materials. There is a regional differentiation in the development of farms among the constituent territories of the Russian Federation. The aim of the work is to consider regionally the changes that have taken place since 2006 up to now in the resource potential and production specializations of PFE. Statistical analysis of data from the All-Russian Agricultural Censuses of 2006 and 2016 for the Republic of Tatarstan and Penza Region and semi-formalized interviews with heads of PFE and heads of rural settlements of these regions are used as methods and techniques. The survey resulted in the conclusion that Tatarstan and the Penza Region are developing PFE at different rates: their number is increasing in the Republic of Tatarstan and declining in the Penza Region. The analyzed subjects revealed an increase in land resources of farms, which evidences the growth of their economic viability. Farms started to engage in more sowing activities, such crops as grains and legumes, technical, forage and oilseeds are in priority. During the intercensus period, the number of cattle of dairy and meat type has increased in farms. Active and accessible state support in the form of grants and subsidies contributes to the effective development of PFE. Interview materials showed that Tatarstan farmers use these forms of support more actively than Penza farmers. The main problem for all farmers is the lack of opportunities to sell their agricultural products and low procurement prices for grain and milk. They also face poor quality and shortage of allocated land. The renewal of the agricultural machinery fleet is also difficult due to high prices for new equipment. A comprehensive solution to the problems of PFE through state regulation and control will contribute to the more active development of small businesses and rural development.

Keywords: Republic of Tatarstan, Penza region, peasant farm enterprise, All-Russian Agricultural Census, production, resources.

Acknowledgements. The research was supported by RFBR within the research project "Self-organization of population in Russian and Tatar villages of Volga region and Siberia: family business practices and local self-government", project No. 17-03-004 64-OIH.

For citation: Sagdieva E.A. Development and Condition of Peasant Farm Enterprises in the Republic of Tatarstan and the Penza Region (Based on Materials of the All-Russian Agricultural Censuses in 2006-2016 and Field Researches in 2015-2018). The village of Russia. 2019; (2): 47-72. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-47-72.

Введение

Малые формы хозяйствования необходимы для полноценного развития агропромышленного комплекса России. Они имеют немаловажное значение для обеспечения социальной стабильности в сельской местности. Одними из них являются крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), которые содействуют развитию сельскохозяйственного производства, вносят свой вклад в решение проблемы занятости на селе, помогают жителям села и их подворьям, выполняют социальную функцию, оказывая материальную помощь селу и, таким образом, участвуя в развитии сельских территорий. КФХ как хозяйствующие субъекты являются определенной формой использования земельных, трудовых, материально-технических ресурсов в аграрной сфере. Информацию о том, как данные хозяйства используют эти возможности, может дать анализ Всероссийских сельскохозяйственных переписей (ВСХП) 2006 и 2016 гг. Они предоставляют большой массив данных о земельных и трудовых ресурсах, поголовье скота и техническом состоянии, видах производимой продукции и ее реализации, что в целом характеризует условия воспроизводственного процесса в аграрном секторе [Итоги ВСХП 2006, Итоги ВСХП 2016]. В статье рассмотрены результаты переписей двух регионов — Республики Татарстан (РТ) и Пензенской области (ПО), которые входят в состав Приволжского федерального округа (ПФО) и активно развивают сельскохозяйственную отрасль. Некоторые оценки о современном состоянии КФХ и настроениях их глав позволяют сделать материалы интервью, проведенные в муниципальных районах этих субъектов РФ.

Цель данной статьи — показать территориальную специфику фермерских хозяйств, рассмотрев состояние их основных видов ресурсов, а также проблемы и тенденции развития КФХ.

Республика Татарстан и Пензенская область активно развивают сельскохозяйственную отрасль. По объему валовой продукции сельского хозяйства Татарстан занимает лидирующие позиции среди регионов России и среди субъектов ПФО (в 2017 г. сельхозпроизводителями РТ произведено продукции на 235 427,4 млн руб.). Сельское хозяйство Пензенской области производит меньше суммарной валовой продукции (в 2017 г. сумма составила 73 918,9 млн руб.). В рассматриваемых регионах представлены типовые для субъектов РФ сферы сельского хозяйства: растениеводство и животноводство. При этом в республике и в области нет четко выраженной специализации в производстве какой-либо продукции. В 2017 г. оно было примерно поровну распределено между животноводством и растениеводством. Так, в Республике Татарстан доля продукции растениеводства в стоимостном выражении составила 50,6%, животноводства — 49,4% от общего объема произведенной сельхозпродукции в данном регионе. В Пензенской области доля растениеводства составила 48,8%, животноводства — 51,2%. Из общей суммы произведенной продукции сельского хозяйства в 2017 г. на долю КФХ в данных регионах приходится по 9% (в РТ — 21160,5 млн руб., в ПО — 6674,0 млн руб.). Из них вклад в растениеводство внесли 60,2% хозяйств в республике и 76,3% в области. В животноводство — 39,7% от республиканских хозяйств и 23,7% от областных [Республика Татарстан 2018: 191; Пензенская область 2018: 229]. Как видим, КФХ республики и области предпочитают больше заниматься растениеводством.

Изучению проблем функционирования КФХ посвящено множество трудов. Социально-экономические процессы в аграрной отрасли России, трансформации, происходящие в сельских поселениях, раскрыты в работах З.И. Калугиной [Калугина 2015], О.П. Фадеевой [Фадеева 2015], Л.В. Намруевой [Намруева 2017]. Социально-экономическая природа КФХ и их типологизация представлена в трудах В.Н. Башмачникова [Башмачников 2010], А.А. Барлыбаева и его соавторов [Барлыбаев 2003], В.И. Кудряшова [Кудряшов 2002]. Семейные фермы как вид деятельности КФХ описали Т.В. Савченко [Семейные фермы 2013], А.А. Барлыбаев и его соавторы [Барлыбаев, Барлыбаева, Барлыбаев 2011].

Статистические особенности регионов, состояние ресурсов сельского хозяйства Российской Федерации в целом и их изменение за межпереписной период с 2006 по 2016 гг. рассмотрены в работах А.П. Зинченко [Зинченко 2017], Т.В. Иванюги [Иванюга 2017], А.В. Петрикова [Петриков 2017] и т.д. Региональную специфику фермерских хозяйств, особенности агропромышленной деятельности, географические тенденции в сельском хозяйстве рассматривают Т.Г. Нефедова [Нефедова 2018], О.П. Фадеева [Фадеева 2018], Л.В. Субботина [Субботина 2016]. При значительном вкладе ученых в изучение проблем, перспектив и направлений дальнейшего развития фермерских хозяйств стоит обратить внимание на немногочисленность работ о региональной специфике состояния КФХ по субъектам Российской Федерации.

Методы исследования

В статье приведены относительные и абсолютные показатели итогов ВСХП-2006 и ВСХП-2016 по Республике Татарстан и Пензенской области, позволяющие выявить общие и особые тенденции в развитии фермерских хозяйств. Проведен анализ интервью с главами поселений и КФХ из муниципальных районов данных регионов, собранных в ходе полевых исследований 2015–2018 гг.¹

Основная часть

Стратегии развития КФХ Республики Татарстан и Пензенской области в период с 2006 по 2016 гг.

В Республике Татарстан и Пензенской области крестьянские (фермерские) хозяйства составляют наименьшую долю от общего количества хозяйств в этих регионах. В Татарстане в 2006 г. их количество составляло 2640 ед. (0,5% от общего количества сельских хозяйств в республике), в 2016 г. — 3326 (0,6%). В Пензенской об-

---

¹Интервью проводились в пяти муниципальных районах Татарстана в 2017 г. (Атнинский, Дрожжановский, Елабужский, Алексеевский, Мамадышский) и в пяти районах Пензенской области (Городищенский, Каменский, Кузнецкий, Шемшейский, Сосновоборский). Участники экспедиции: О.П. Фадеева, В.И. Нефедкин, Г.Ф. Габдрахманова, Э.А. Сагдиева. В работе также представлены выдержки из интервью, собранными автором в 2015 г. в Высокогорском и Атнинском районах РТ.

ласти в 2006 г. — 2603 ед. (0,7% от общего количества сельских хозяйств в области), 2016 г. — 1219 (0,4%). За межпереписной период количество КФХ в республике увеличилось на четверть (686 ед.), а в области сократилось более чем в два раза (1384 ед.).

Несмотря на то, что численность КФХ в Татарстане возросла, количество занятых в них сократилось на треть. Десятая часть от общего количества работников была занята в КФХ в 2006 г. и составляла 13928 чел., в 2016 г. — 8894 чел. (13,1%). В Пензенской области сокращение занятых еще более значительное (на 40,1%). В 2006 г. там трудилось 6061 чел. (14,3% от общего количества работников на этот год), в 2016 г. — 3629 чел. (16,3%). Основную долю всех работников КФХ составляют занятые на постоянной основе.

Земельные ресурсы являются необходимым средством производства в сельском хозяйстве. КФХ рассматриваемых регионов наращивают земельный капитал. В Татарстане эти хозяйства в 2006 г. занимали 13,2%, а в 2016 г. — 17,8% общей земельной площади хозяйств. В Пензенской области в 2006 г. — 9,9%, в 2016 г. — 18,8%. На 21% или на 106496,5 га увеличился рост общей земельной площади КФХ республики. В Пензенской области происходит укрупнение хозяйствующих субъектов, в то время как при общем сокращении единиц КФХ отмечается активное развитие земельных ресурсов (на 143312,5 га).

Основные направления деятельности КФХ — это растениеводство и животноводство. Фермерские хозяйства стали больше заниматься посевной деятельностью. В Татарстане в 2006 г. посевная площадь составляла 353810 га (12,1% от общей земельной площади в регионе), в 2016 г. — 475509,5 га (15,6%). В Пензенской области на КФХ приходилось в 2006 г. — 143520,3 га (11,3%) и в 2016 г. — 316320,1 га (23,7%) земли соответственно. Таким образом, за десятилетие в республике на треть, а в области более чем в два раза увеличилась площадь под посевами.

КФХ обоих регионов специализируются прежде всего на производстве зерновых и зернобобовых, технических, кормовых и масличных культур. В республике площадь зерновых и зернобобовых увеличилась к 2016 г. на 33,4% или на 75029,8 га, в области — на 64% или на 63252,9 га. Прирост технических культур

в Татарстане составил 72,4% или 16690,6 га, в области их производство увеличилась в три раза — на 70490 га. Кормовые культуры стали больше производить в республике на 29% или на 30033,8 га, в Пензенской области их площадь увеличилась в полтора раза, на 34981,7 га. Прирост масличных культур в Татарстане составил 69,5% или 12782 га, в области площади под них увеличились в пять раз, на 71802,5 га. Можно сделать вывод, что в анализируемых регионах производство всех перечисленных культур к 2016 г. значительно увеличилось.

Помимо увеличения посевных площадей КФХ регионов стали больше заниматься разведением КРС. В Татарстане в 2006 г. числилось 61190 голов (5,2% от общего поголовья КРС в регионе), в 2016 г. — 82413 (7,8%). В Пензенской области количество голов составляло в 2006 г. — 6858 (2% от общего поголовья КРС в регионе) и в 2016 г. — 26496 (14,8%). Хозяйства области наиболее активно нарастили поголовье. Во всех КФХ основную долю составляет молочный КРС. В Татарстане произошел прирост этого типа коров на 14361 голову, мясного — на 6862 головы. В Пензенской области прирост молочных коров составил 13880 голов, мясных — 5758 голов.

Анализируя данные о поголовье других видов сельскохозяйственных животных, отметим, что за прошедшее десятилетие количество свиней в КФХ Республики Татарстан и Пензенской области сократилось. В республике хозяйствующие субъекты произвели в 2006 и 2016 гг. соответственно 39 228 (5,1% от общего поголовья свиней в регионе) и 12 375 (2,4%) голов; к 2016 г. количество свиней сократилось на 26 853 головы. В области было произведено в эти годы соответственно 20 513 голов (7,5% от общего поголовья свиней в регионе) и 5842 (2,8%); сокращение составило 14 671 голову. Поголовье овец и коз в КФХ республики в 2006 г. составляло 6 954 головы (1,6% от общего поголовья этого вида животных в регионе), 2016 г. — 45 627 (11,6%). Хозяйства нарастили их количество в шесть раз (38 673 головы). В Пензенской области количество овец и коз в 2006 г. составляло 23 325 голов (15,1% от общего поголовья этого вида животных в регионе) и 14 817 (12,4%) в 2016 г. Сокращение составило 8 508 голов. Количество

лошадей в республике в 2006 г. составляло 2 265 голов (4,9% от общего поголовья этого вида животных в регионе), 2016 г. — 5 902 (20,2%). Количество лошадей увеличилось более чем в два раза, на 3637 голов. В Пензенской области поголовье в 2006 г. составляло 153 лошади (1,3% от общего поголовья этого вида животных в регионе), в 2016 г. — 885 (19,6%). Прирост составил 732 головы.

Несмотря на то, что КФХ анализируемых регионов не столь активно занимаются разведением сельскохозяйственной птицы, их количество за рассматриваемый период увеличилось. Так, в хозяйствах Татарстана в 2006 г. содержалась 249 521 голова (2,4% от общего количества сельскохозяйственной птицы в регионе), 2016 г. — 122 9357 (7,1%). Поголовье увеличилось в четыре раза (на 979 836). В Пензенской области в 2006 г. содержалось 67 245 голов (1,3% от общего количества сельскохозяйственной птицы), в 2016 г. — 129 131 (1,2%). Количество птицы увеличилось в два раза, на 61 886 голов. Стоит отметить, что в обоих регионах увеличилось поголовье всех видов выращиваемой птицы: кур, уток, гусей и индеек. Так, в КФХ республики поголовье кур увеличилось на 254 464, гусей на 98 716, индеек на 21 299 голов. В Пензенской области поголовье кур увеличилось на 26 387, уток на 4 263, гусей на 30 792, индеек на 406 голов.

Эффективность сельскохозяйственного труда обеспечивает наличие сельскохозяйственной техники (тракторы и навесы к ним, различные виды комбайнов, доильные установки, автомобили грузовые и легковые, мотоблоки и т.д.). Наиболее часто встречаемая крупная техника в сельском хозяйстве — это трактор. В КФХ Татарстана в 2006 г. было 3 717 тракторов, 2016 г. — 4 412. У фермеров на 1 695 ед. тракторов стало больше. В хозяйствах Пензенской области в 2006 г. числилось 1 927 ед., в 2016 г. — 2 184. Техники прибавилось на 256 ед. Количество комбайнов в фермерских хозяйствах регионов небольшое. В Республике Татарстан: зерноуборочных комбайнов числилось в 2006 г. — 1 246, в 2016 г. — 1 314; картофелеуборочных соответственно 32 и 45; кормоуборочных — 120 и 246; свеклоуборочных — 15, по 2016 г. данных нет. В Пензенской области: зерноуборочных соответственно в 2006 и 2016 гг. — 766 и 710; картофелеуборочных — 5 и 14; кормоубо-

рочных — 23 и 44; свеклоуборочных — 113 и 21. В хозяйствах увеличилось количество доильных установок. В Татарстане на 165 ед., в области на 54 ед. На сокращение количества техники в хозяйствах влияет ее физический износ. Небольшим фермерским хозяйствам не всегда удается обновить технический парк из-за высоких цен: «Мы старше стаем — и техника тоже. ... у меня два комбайна, которым уже 30 лет. Из двух один собираю. ... Вот в прошлом году измельчитель соломы повесили, а у него металл до такой степени изнашивался, что он сезон отработал — и у него зад отвалился. ... Комбайнам по 30 лет, а раньше комбайны давали хозяйствам на 8 лет. И тому комбайну, что я брал по программе «50 на 50», нынче тоже будет 9 лет. По старым временам его нужно списывать. Камазу тоже 28 лет — его надо бы обновить» (№ 4, глава КФХ, Алексеевский район РТ). Более крупные хозяйства, которым удается приобрести технику, отмечают, что современные сельхозмашины отличаются энергоресурсосберегающими свойствами. Они являются многоцелевыми и могут выполнять разные работы, и для их обслуживания не требуется большое количество работников. «Сейчас появились посевные комплексы. Раньше же тракторист, три сеялки, три сеяльщика, плюс еще другие агрегаты, а сейчас один комплекс все дело один делает. И сеяльщиков не надо, прицепил комплекс и пошел вперед» (№ 22, глава поселения, Мамадышский район РТ).

Проблемы и тенденции развития КФХ

Крестьянские (фермерские) хозяйства в каждом регионе имеют свою специфику развития. В Республике Татарстан многие главы КФХ стараются воспользоваться программами, предлагаемыми Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан, направленными на поддержку и развитие малых форм хозяйствования, финансируемыми из бюджета РФ и РТ. Так, по программе «Поддержка начинающих фермеров» в период с 2012–2018 гг. 589 глав ИП и КФХ получили 973,8 млн. рублей, по программе «Развитие семейных животноводческих ферм» 404 грантополучателя — 1147 млн рублей [Агропромышленный паспорт]. Фермеры, которые воспользовались данными программа-

ми, а также субсидиями и льготным кредитованием, положительно оценивают данные возможности для развития и расширения, модернизации своего бизнеса. «Потом государство как-то навстречу пошло. Появились программы поддержки, например, «50 на 50» (программы софинансирования — *прим. авт.*). ... и мы в 2008 взяли уже новый комбайн, он тогда стоил 1,4 млн руб., 700 тыс. руб. дало государство, а 1,1 млн руб. мы заплатили. Получилась стоимость больше, так как еще нужно было заплатить за доставку из Ростова-на-Дону. Потом ... нам начислили НДС, поэтому так пришлось переплатить» (№ 4, глава КФХ, Алексеевский район РТ).

Некоторые фермеры, изыскивая возможности для развития бизнеса, узнавали о государственной поддержке случайным путем и старались вступить в программы. «Ахметов (Ахметов М.Г. — министр сельского хозяйства и продовольствия РТ. — *прим. авт.*) как-то выступает по телевизору: «Вот так и так, начинающим фермерам столько-то денег дают, давайте, занимайтесь, кто что хочет. Может, кто ферму хочет построить». У меня идея была теплицы, я хотел ... Я полтора получил тогда (полтора миллиона рублей. — *прим. авт.*). ... Именно начинающим фермерам дают эту сумму. Дали. ... У меня показатели хорошие были, и все, что они требовали, я все выполнил. Отчеты сдаю, рабочих брал, урожай есть. И теплица хорошая, построил, деньги не украл. Самое главное, что они дали, то и реализовал» (глава КФХ, Агинский район РТ).

Одни из первых, кто попробовал себя в фермерстве еще в 1990-е гг., не жалеют о выбранном пути. Они приняли участие в нескольких программах для становления и расширения своего бизнеса. «Я фермер. В 92-м году начал с Азатом (сосед респондента. — *прим. авт.*), после нас уже другие фермера. ... Сейчас у нас больше 15 фермеров. Здесь народ, как оказалось, просто предприимчивый, все новшества, все новое. Например, мы первые фермеры были. Потому у нас здесь автосервис есть в деревне, сделали тоже предприниматели. У Азата ферма 650 гектаров земли, у него пекарня, кулинарный цех. ... пять лет мы вместе с ним работали. Все пополам, кроме жены. Все расходы, прибыли, все. ... Потом мы уже каждый самостоятельно начали работать. Вот так я уже полных 23 года фермером работаю. ... мы все и не один раз, кто-то «Лизинг-грантом»,

кто-то «Молодой фермер», Азат два-три раза участвовал, я тоже два раза» (глава КФХ, Высокогорский район РТ).

В Пензенской области меньшее количество фермеров воспользовались возможностями таких программ. За период с 2014 по 2108 гг. «количество участников мероприятий грантовой поддержки начинающих фермеров и развития семейных ферм достигло 199 фермеров. На финансирование участников мероприятий грантовой поддержки за 5 лет направлено 547,3 млн рублей» [Агентство по сопровождению]. Приведем данные за 2018 г. В Татарстане 170 фермеров получили грантовую поддержку по этим двум программам на сумму 561,9 млн руб. из бюджета Российской Федерации и Республики Татарстан [Агропромышленный паспорт]. В Пензенской области за 2018 г. 35 глав КФХ получили гранты на сумму 135,7 млн руб. из областного бюджета [Пензенское информационное]. Некоторые фермеры пояснили нам в интервью, что они не желают вступать в такие программы, считая, что выгода от этого будет маленькой, а сил, времени и нервов потрачено много. Стараются обходиться своими силами, путем накопленных средств. «Программу не видел. Программа бирэ узенэ хэзер бер, ике, өч миллион и аннан ун биш, ун елдан тулэнep бетерэм мин аны. Бу кредитлар белэн. А бу собственные средства, тиха гына эшлим ('Программа даст один, два, три миллиона, а я потом должен 10–15 лет это отдавать. С этими кредитами. А это на собственные средства потихоньку работаю'. — *пер. с тат. яз.*). ... Программы — это голова болеть будет. Пока за Программой ходить будешь, на пенсию выйдешь» (№ 7, глава КФХ, Каменский район ПО).

На успешность и заинтересованность в программах государственной поддержки оказывает влияние помощь администрации муниципального образования и сельского поселения. В некоторых районах Татарстана главы поселений стараются всячески донести до фермеров информацию о возможностях участия в таких программах, получения субсидий. «Глава у нас вообще агитирует, нигде такого нет, чтобы в одной деревне четыре семейные фермы. Вот у меня семейная ферма страусиная, еще кроме меня три фермы по крупному рогатому скоту есть. ... Еще два будет в этом году, всего шесть будет. ... это от районного руководителя зависит, как

тут. Если поддержка не будет. ... Кукморцы (о жителях Кукморского района РТ. — *прим. авт.*) с раньше нас начали, допустим. Наш глава их туда повез, показал, говорит, давайте будем у себя в районе тоже делать семейные фермы и не хуже. ... От властей зависит очень много» (глава КФХ, Высокогорский район РТ). Также главы выступают гарантами перед муниципальной администрацией за фермеров, которые решили получить гранты, поскольку именно они владеют информацией об их реальных возможностях реализовать полученные средства. Администрации муниципальных образований, в свою очередь, стараются не задерживать с оформлением необходимой документации для подачи заявки на грант. «Мы даже сами ищем таких людей, молодых парней, девушек, которые согласны, инициативных. Стараемся им помочь. У нас по этим грантам только и в районе, и в республике на первых местах. ... Уже существуют четыре семейные фермы. Это по гранту они построились, работают на сегодняшний день» (глава поселения, Высокогорский район РТ).

В Пензенской области, наоборот, фермеры недовольны действиями районной администрации, считая, что они не доводят существующие программы господдержки до всех желающих фермеров. «Не доходят (программы до глав КФХ. — *прим. авт.*), мимо прихватывают такие. Там остаются или в районе. Город выделяет в район, там остается, а до деревни не доходит. Или в области оставляют. Если бы поровну поделили, в пределах разумного...» (№7, глава КФХ, Каменский район ПО). Распределение средств и участников происходит «среди своих». «Богатые вот приехали (арендаторы земли из крупного агрохолдинга. — *прим. авт.*), им кредит оформляют, три года работают, их освобождают от налога. Три года проходит — они другому передают, которое обратно освобождается от налогов. Миллионеры могут взять кредит — им прощают. Мы вот сейчас пойдем в банк и попросим: ... «Дайте 500 тысяч руб., куплю трактор МТЗ двухгодовалый», — и не дадут. ... Им надо, чтобы мы купили новую технику ... Мы так же купим за наличку за миллион, а если через их программу, то это будет стоить 1 миллион 700 тыс. руб.» (№1, глава КФХ, Кузнецкий район ПО). Некоторые пензенские фермеры сталкиваются с тем, что

их бизнес-планы не получают одобрения на грантовую поддержку. «Мы ждём от государства, чтоб больше внимания обратили для сельских жителей, условия создали для сельского хозяйства. Субсидии там разные, кредиты. Всё на словах... Один у нас фермер получил грант. Несколько человек несколько лет бизнес-план готовили и не получили» (№ 13, глава поселения, Городищенский район ПО).

Помимо грантовой поддержки, фермеры получают субсидии на поддержку растениеводства, животноводства, модернизацию объектов агропромышленного комплекса, а также субсидирование затрат, связанных с уплатой процентов по кредиту. Но размер этих выплат, как считают главы, оставляет желать лучшего. «Нынче мне дали субсидию (погектарное финансирование. — *прим. авт.*) в размере 48 тыс. руб. — это на 160 гектаров ... У меня паевой земли, в том числе в собственности, осталось 260 га (т.е. субсидия на 1 га составляет около 185 руб. — *прим. авт.*). Я на эти деньги все могу купить — хоть комбайн за 4,5 млн руб., хоть что, но больше денег мне не дадут» (№ 4, глава КФХ, Алексеевский район РТ). «Солярку мы покупали по 37 рублей, а сегодня она стоит 43 рубля ... у нас 891 гектар, например, официально мы получили 110 тысяч (погектарное финансирование — *прим. авт.*)» (№ 1, глава КФХ, Кузнецкий район ПО).

Среди проблем, которые мешают успешному развитию фермерских хозяйств, главы КФХ отмечают нехватку земельных площадей и низкое качество выделяемой земли. В анализируемых регионах практически нет пустующих плодородных земель. И в республике, и в области многие фермеры выражали желание расширить свое хозяйство, но не могут, так как отсутствуют свободные земли. «Желание есть. Если дадут. Чуть-чуть кирэг иде (надо было бы. — *пер. с тат. яз.*), хотя бы 140 гектаров. ... Больше земли нет. Охота, есть настроение, а земли нет. А так хотел вот эту землю взять, не дали. Все вопросы в администрацию» (№ 7, глава КФХ, Каменский район ПО).

Фермеры используют свои паевые земли и земли родственников, а также арендуют или выкупают ее у односельчан. В Татарстане у фермеров иногда возникают сложности с оформлением земли:

«...это везде трудно земельный вопрос сейчас, не только от главы это зависит, законы такие сейчас, сложнее, сложнее становится оформление. Сейчас надо через тендер все идти, заявления, через аукцион сейчас пойдет. Все осложняется, осложняется. Когда-то было очень просто, лет двадцать тому назад. Но в нашем районе открытого такого, чтобы кто-то, кому-то земли не давал, такого не было еще» (глава КФХ, Высокогорский район РТ). В Пензенской области некоторые фермеры отметили, что при распределении земель им достались земли, разделенные на несколько частей, в не самых хороших местах и с низким бонитетом: «Когда распределяли землю, то фермерам давали поля на расстоянии от одного поля до другого — 20 километров. Это можно было компактно сделать, а не сделали. Плюс по совхозу был средний балл бонитета почв. Вы знаете, наверно, что это оценка земли, ее качества — где-то 72, высокое было качество. А нам, фермерам, дали плохую землю. У меня было 26 баллов — где пески, где неудобья» (№1, глава КФХ, Кузнецкий район ПО). Фермеры области с досадой отмечали, что большинство хорошей земли их поселений сдано в аренду пришлым крупным хозяйствам, которые путем постоянной обработки посевов ядохимикатами получают высокие урожаи, при этом отравляя землю и жителей поселения, которые вынуждены дышать воздухом во время обработки. Именно с этим фактором они связывают возросшую смертность в поселениях, в том числе среди молодого поколения. «В хозяйстве дают удобрения по 300–400 кг на гектар. ... Они получают урожай 60 ц/га, а мы, ну пускай 40 ц/га. Но зато их пшеницу, если насыплешь курам, то они ее не клюют, там химия. Нашу даешь — они кушают. Простой пример. Это же мы едим и в магазинах — там же продукты так же все с химией. Вот смотришь, у них ничего не растет, а вчера мы проехали и видим: раз, и все выросло. ... это не только пестициды. Плюс ГМО американское. Почему раньше у нас в селе в год 3–4 человека только умирало, в основном пожилые. А сейчас в 2017-м году 36 человек из села умерло, из них 6 — пожилые, остальные — молодежь. Жалко. Откуда?» (№1, глава КФХ, Кузнецкий район ПО). «Мондажирлэр бирелгэн, можно сказать брошенные. Монда весь агачбасканиде, все восстановил. А яхшижирлэрнебирделэр можно

сказать бездельникларга, арендага. А безгэ шул, колганнары гына ('Здесь земли плохие, можно сказать брошенные. Здесь все деревьями заросло, все восстановил. А хорошие земли дали, можно сказать, бездельникам в аренду. А нам вот эти остатки плохие только' — *пер. с тат.яз.*). Растениеводство. На одной химии, дышать нечем. Черный пар, сжег узең яды белән ('сжег своим ядом' — *пер. с тат.яз.*). Трава сохнет. Авылны травить итеп бетерде ('деревню перетравил' — *пер. с тат.яз.*). Никакого здоровья нет. Вот шуны кирәк предусмотреть ('это необходимо предусмотреть' — *пер. с тат.яз.*). ... Кто виноват? Мы вот трудимся. ... зачем нам французы? Они день и ночь льют химию. Вот и у людей онкология. Раньше такого люди не знали, понятия не имели» (№ 7, глава КФХ, Каменский район ПО). «Гербициды, пестициды. Всё на удобрениях. До четырёх, до пяти раз они обрабатывают поля. Пшеница растёт. Уже даже таким препаратом обрабатывают, что клейковина растёт. В этой же пшенице клейковина растёт» (№ 5, глава КФХ, Кузнецкий район ПО).

Другая основная проблема для всех фермеров — это сбыт продукции, особенно если был высокоурожайный год. Производители вынуждены сдавать мясо, молоко и зерно по низким ценам, при этом они должны найти покупателя. Немного легче тем производителям, где в поселении имеется цех по переработке (например, колбасный, копильный, сыроварня и т.д.). «Вырастили мы урожай, все займутся скотиной и не знаешь, куда девать. Зерно — пшеница лежит-лежит, никому не надо. Кто берет подороже, тому и отдаем. То есть нет такого, чтобы каждый день предложения приходили. С Сызрани берут по 10 рублей, в Самаре — 9 рублей (за килограмм. — *прим. авт.*)» (№1, глава КФХ, Кузнецкий район ПО). Почти всегда фермеры могут продать свою продукцию перекупщикам, но по очень невыгодной цене. «Пшеницы в этом году вообще реализации нет. Перекупщики ижевские у меня брали 6,8 руб. за 1 кг пшеницы. На сегодняшний день потолок 7,5 руб. за 1 кг. Но это же перекупщик, там, где он сдает, цена тонны должна быть на 1000 руб. выше и даже больше. Иначе он покупать у меня зерно не будет, его затраты же все в перевозке. ... Раньше нас спасал Лаишевский птицекомплекс,

туда все сдавали, а сейчас его нет. Его закрыли из-за птичьего гриппа ... Поэтому остались перекупщики — из Удмуртии, они здесь пасутся. Не знаю, куда они возят, они не говорят. Я у них спрашивал, так как на своем Камазе мог бы свое зерно возить, но они не говорят» (№4, глава КФХ, Алексеевский район РТ). Еще одним вариантом реализации продукции для фермеров является личная продажа на сельскохозяйственных ярмарках, но и здесь возникают трудности: необходимо организовать доставку товара до ярмарки, получить справку от ветеринара, найти продавца, который будет в течение дня реализовывать продукцию. «... бренд сейчас фермерское хозяйство, потому что кидаются на это. Потому что на тех же ярмарках, там половину не фермеры ... у фермера нет времени стоять продавать свою продукцию. Сбыт надо. С реализацией тяжело»(№ 10, глава ИП, Дрожжановский район РТ). Пензенские фермеры также могут реализовывать свою продукцию в «фермерских уголках» — пунктах продажи местной продукции в торговых центрах г. Пензы. Татарстанские фермеры могут реализовывать свою продукцию в Агропромышленном парке «Казань».

Фермеры с сожалением вспоминают об ушедших временах плановой экономики, когда они уже при посадке знали, какую продукцию, сколько им надо вырастить и сколько они за нее получат. «Раньше планоно было все. Отводилось каждому хозяйству столько-то пшеницы вырастить, столько-то гречихи, столько-то подсолнуха. А сейчас мы смотрим: вот года три тому назад подсолнух стоил 27 рублей за килограмм, давай все засеем подсолнухом. Первый год удачный, удалось. А на второй год обратно все удалось, и раз, никому не стали нужны семечки. И цена упала, сгнил урожай — и там сырье пошло не на переработку в подсолнечное масло, а ... на производство олифы, смазочного материала» (№1, глава КФХ, Кузнецкий район ПО). Фермерам необходима работающая система обеспечения производства продукции, переработки, логистики и сбыта. «... нет системы у нас. Развитие крестьянско-фермерских хозяйств — до сих пор логистики нет у нас. Разве можно, вырастил крестьянин продукцию, а сбыть ее по нормальным ценам не может? Пример: в нашем КФХ выращивается

1500 тонн пшеницы, раньше картошку выращивали, сейчас бросили совсем. Совершенно не выгодно стало экономически. ... Тут предприниматели закупщиков не видят. Это посредники ездят. Вот не знают, сколько выращивать, чего. Как будет куплено? Кем будет куплено? Ни договор не составят: продашь вот за столько — купим, нет — так до свидания. Олигархи у них там все. Сейчас элеваторы купили сами. Муку делают сами. Выходят сейчас на инвестиции, на государственные закупки, армия там и т.д. Они выходят на кредиты льготные, на субсидии. Им в первую очередь все идет (крупные агрохолдинги. — *прим. авт.*). Банки, думаешь, крестьянину даст деньги? Не даст. По-честному, никогда. Все это никак не надо. Бедный крестьянин! Правда, свобода любая: хочешь вдоль паши, хочешь поперек, хочешь виноград сажай, хочешь горчицу. Дело твое. Продавать — тоже дело твое»(№ 15, глава КФХ, Городищенский район ПО).

Успешность КФХ зависит и от фактора конкурентоспособности хозяйства. Если в одном поселении несколько однотипных хозяйств с одинаковым конечным продуктом, то получать стабильные и высокие прибыли фермерам сложнее. «У нас же как? Если кто-то магазин построит, то все строят. Кто-то сыр начнет делать, то все тоже делают. ... А кто-то коптит мясо — тоже так же другие делают. Вот друг другу и мешают. Зачем? Не надо повторять» (№ 10, глава КФХ, Городищенский район ПО). Совсем по-другому обстоят дела в поселении, где присутствуют разнообразные виды деятельности. Предприимчивые жители поселения стараются выбирать такие виды деятельности, спрос на которые значительно превышает предложения. «... у нас система взаимных услуг развита из-за того, что большой населенный пункт. Действует узкая специализация, каждый находит свое место. Кто-то на тракторе оказывает услугу, кто-то на извозе, кто-то сваркой занимается. У нас электрики по всем областям ездят, токари у нас экстра-класса. Есть, значит, спрос. Кто-то открывается, пока этот рынок не перенасыщен. Чувствуют — перенасыщен, все, останавливаются. ... сильная система услуг саморегулирования. Есть спрос на это — обязательно работает один человек, у него дела очень хорошо идут. Следом за ним два-три человека начинают этим заниматься — и

так до тех пор, пока не насытят этот рынок» (№ 13, глава поселения, Городищенский район ПО).

Фермеры, которые занимаются животноводством, обязаны обращаться в ветеринарные службы. Не устраивает их высокая стоимость услуг ветеринаров. «Ветеринарная служба дорого, содержать один лошадь содержать среднюю машину. Вот я двадцать лошадей держу, двадцать машин содержу» (№20, глава КФХ, Елабужский район РТ). Помимо общего осмотра скота, прививания его, производителям необходимо оплачивать справку от ветеринара за каждую партию молока или мяса. Это, по мнению фермеров, должно происходить за счет государства, из оплаченных фермерами налогов: «...почему некоторые моменты именно за счет индивидуальных предпринимателей? Даже ветеринары, мы эти справки покупаем у них. Зачем мне покупать эту справку у них по идее? Зачем я должен тратиться? ... Они же надзирающие органы. Они же должны контролировать, смотреть. Я плачу налоги. Эти налоги там распределяются. ... Почему опять на нас идет нагрузка? ... За месяц 12–15 тысяч мы должны платить (за ветеринарное обслуживание. — *прим. авт.*) ... молоко, например, повезем в Казань, пятьсот рублей справочка. Второй день поедешь, пятьсот рублей, третий день поедешь, пятьсот рублей. А в другой регион выезжаешь, еще другой расценка. Ничего не поделаешь. ... Мы согласны — контроль он нужен, всегда, везде. Но только не за счет нас самих. Зачем мне платить? Я лучше ветеринара найму, пускай здесь сидит, аттестую его как положено раз в год и пускай он печатает мне эти справки. Еще могу соседям напечатать, лицензию возьму» (№ 10, глава ИП, Дрожжановский район РТ).

Также фермеры считают неоправданно высокой стоимостью электроэнергии в хозяйствах при гораздо более низких расценках для сельских жителей: «Я бы государству сказал, хотя бы за тех сельхозников, которые на самом деле хлеб выращивают, хотя бы как-то сбавили нам всем затраты. За свет платим около 6–7 рублей за киловатт-час. ... Плюс у меня трансформатор гудит — идёт расход. Если я 50 киловатт израсходовал, там ещё добавляется пять киловатт» (№ 5, глава КФХ, Кузнецкий район ПО). Недовольны фермеры и тем, что проводить электричество до хозяйственных построек они

должны полностью за свой счет (вплоть до установки опор, по которым будет проводиться линия электропередачи). «Сами протянули, все опоры сами покупали, сейчас каждый квартал платим. А раз столбы наши то? ... Им же надо электричество продавать, они должны были вложиться и потом с этого получать. Это же окупится у них в любом случае. А тут мы должны сами себе проложить и сами платить еще должны» (№ 10, глава ИП, Дрожжановский район РТ).

Главы КФХ активно участвуют в жизни села, оказывая спонсорскую помощь на проведение праздничных мероприятий (Сабантуй, День села, Новый год, День пожилых, День Победы и т.д.), поддержку мечети (в том числе помощь в проведении ифтаров — разговение, вечерний приём пищи постящимися во время месяца Рамадан. — *прим. авт.*), а также посильные вложения для администрации поселения в виде техники, готовых изделий, продукции и рабочей силы. «Помогают селу предприниматели. Когда мы к ним обращаемся, когда мероприятия такие (Новый год — новогодние ёлки, Сабантуй, день села, парад) они откликаются, никто не отказывается» (№ 10, экс-глава поселения, Городищенский район ПО). Обычно решение о необходимой спонсорской помощи принимается на собраниях, где глава поселения, зная возможности каждого предпринимателя своего села, обращается со списком проблем к ним. Большинство из них охотно отзываются на такие просьбы, поскольку сами являются жителями этих поселений. «Перед любым мероприятием у нас всё равно проходит собрание во главе с главой. Объявляют, что будет праздник такой, нужно подготовиться. Спрашивают: «Кто какой вклад может оказать?» ... За эти годы люди показали своё участие. Те, кто участвует активно, привлекаются. И мы смотрим, уже по итогам собрания, как ответственность распределяется: кто что делает, кто что может сделать» (№ 6, имам сельского поселения, Каменский район ПО). Помощь для поселения приветствуется в любом деле: «... мы в силу возможностей дороги делали, клуб, когда строили, мы помогали. Плюс медпункт — я сам лично в этом участвовал» (№ 1, глава КФХ, Кузнецкий район ПО).

В татарских селах РТ и ПО распространена практика, когда предприниматели, у которых дела идут наиболее хорошо, строят у себя в поселении мечеть. Причем это может быть не единственная

мечеть для села. Мы встречали поселения, где количество мечетей доходило до пяти–шести в одном селе. «Один меценат построит и другой начнет. Почему? Размышляют: «Я что хуже, что ли?» Есть вложения (взносы) от населения, не только спонсорские средства. То есть население, конечно, помогает» (№3, замглавы администрации поселения, Кузнецкий район ПО). Для предпринимателей — это как своеобразная выплата закята (это один из столпов ислама, который представляет собой определенную часть имущества, выплачиваемую в пользу нуждающихся. — *прим. авт.*) и получение одобрения на свою деятельность со стороны односельчан. «Это называется закят. Это значит, если у него есть прибыль, то от прибыли одну сороковую часть нужно отдать. И он как бы должен отдать безвозмездно, поделиться» (№ 2, руководитель благотворительного фонда в поселении, Кузнецкий район ПО). Строительство мечети «...добровольное дело. Вера Богу, денег оказалось, дал ему. ... Это же не откуда-нибудь деньги появились — Бог дал. Надо, значит, и Богу помогать, дорогу открыть другим, чтобы ты не один пользовался. ... Бог скажет: «Ты мне ничего не отдаешь, а ну-ка я обратно заберу» (№ 1, глава КФХ, Кузнецкий район ПО).

Малые формы хозяйствования на селе сегодня являются активно развивающимся доходным бизнесом. Главы КФХ — это патриоты своей малой родины: «Я люблю своё село. И здесь можно жить. Тяжело, очень тяжело, но можно жить. ... землю поцеловал и сказал: «Земля моя канадейская, я больше никуда не уеду» (№ 5, глава КФХ, Кузнецкий район ПО). Это люди, которые выросли в сельской местности, привыкшие к труду и желающие видеть свое село процветающим и наполненным жизнью: «Бизнес начинался ... Сказал: „Я село люблю“» (№ 5, глава КФХ, Кузнецкий район ПО). Основная часть фермеров сегодня — это люди советской закалки, имевшие опыт работы в колхозах и совхозах и желающие применить свои познания в сельскохозяйственном бизнесе с выгодой для себя и своей семьи: «Я воспитанный в таком духе, в 1970-е, нас воспитали родители: надо трудиться на земле. Я когда учился, все лекторы начинали свои лекции с того, что хлеб — все-му голова» (№ 1, глава КФХ, Кузнецкий район ПО). Фермерские хозяйства и Татарстана, и Пензенской области активно участвуют

в социальной жизни села, оказывая спонсорскую помощь на нужды села, посильную помощь сельхозтехникой (расчистка дорог зимой, вспашка огородов, подвоз рулонов сена и т.д.), предоставляя рабочие места для жителей поселения. Таким образом, они стараются участвовать в развитии сельских территорий.

Заключение

Обобщая данные по КФХ Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг., следует отметить, что развитие малых форм хозяйствования в рассматриваемых регионах идет по-разному. В Республике Татарстан произошло увеличение количества КФХ. Здесь следует отметить поддержку данным типам хозяйств в республике, которая оказывается в виде грантов, субсидий, программ и которыми главы КФХ стараются активно пользоваться для развития хозяйственной деятельности. В Пензенской области, наоборот, произошло сокращение количества КФХ. Материалы интервью показали, что в этом регионе фермеры не столь охотно вступают в программы поддержки, либо, наоборот, сталкиваются с тем, что квоты и финансы до них не доходят, распределяясь в более крупных хозяйствах. Можем предположить, что фермеры области недостаточно осведомлены о своих возможностях для получения субсидий, грантов, кредитов. Вероятно, властям муниципалитетов необходимо наладить информирование среди фермерских хозяйств обо всех формах государственной поддержки малых форм.

В Республике Татарстан количество работающих в хозяйствах данного типа сократилось почти на треть, видимо, на это оказывает влияние произошедшее в этом регионе укрупнение мелких хозяйств. В Пензенской области при двукратном сокращении количества КФХ численность занятых в них также сократилась.

За 2006–2016 гг. в фермерских хозяйствах регионов увеличилась общая земельная площадь и отводимая под сельхозугодия. В Татарстане она увеличилась на одну пятую часть, в Пензенской области — более чем в два раза. Произошло и увеличение общей площади обрабатываемой земли под посевы. За рассматриваемый период весомый вклад хозяйства республики и области сделали в выращивании зерновых и зернобобовых, технических, кормовых и

масличных культур. На территориях КФХ предпочитают выращивать картофель, овощи, плодовые и ягодные культуры. В республиканских хозяйствах значительно увеличились площади многолетних плодовых насаждений, а в области эти площади уменьшились. КФХ по количеству КРС молочного и мясного направления занимают третье место и в республике, и в области. При этом в этих регионах отмечен прирост КРС и лошадей за межпереписной период. Сократилось в данных хозяйствах и поголовье свиней. В области разведением овец и коз стали заниматься меньше, а в республике — больше. В анализируемых субъектах стали активно заниматься выращиванием сельскохозяйственной птицы. Значительно увеличилось поголовье кур, гусей, уток и индеек. Отмечен небольшой рост единиц сельскохозяйственной техники в хозяйствах республики и области: тракторов, плугов, косилок, сеялок, доильных установок.

К числу основных проблем, связанных с фермерской деятельностью, в обоих регионах следует отнести малое количество и низкое качество выделяемых земель под КФХ, устаревший технический парк и его недостаточное количество, неподъемные цены на новую технику, дефицит финансовых средств, высокие цены на производственное обслуживание (ветосмотр, коммунальные платежи и т.д.), трудности в получении льготного кредитования (в связи с отсутствием достаточного обеспечения) и, самое главное, — отсутствие постоянных каналов реализации сельскохозяйственной продукции. Все эти проблемы ограничивают раскрытие потенциала фермерских хозяйств в полной мере.

В сложившейся ситуации среди КФХ рассматриваемых регионов требуется усиление государственного регулирования, создание возможностей для фермеров более легкого вхождения в рынок, обеспечение эффективности их производства для импортозамещения в продуктовой сфере, создание здоровой конкуренции между хозяйствами, что будет способствовать повышению качества производимой продукции, улучшению сельской инфраструктуры и благоприятных условий для бизнеса.

Источники и литература

Агентство по сопровождению — Агентство по сопровождению программ государственной поддержки агропромышленного комплекса. URL:<http://www>.

fagps.ru/news/fermery-penzenskoj-oblasti-poluchili-5473-mln / (дата обращения: 04.02.2019).

Агропромышленный паспорт — Агропромышленный паспорт Республики Татарстан. URL: http://agro.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1758698.pdf (дата обращения: 16.04.2019).

Барлыбаев 2003 — *Барлыбаев А. А.* Социально-экономическая природа и типы фермерских хозяйств в России // Проблемы прогнозирования. 2003. №3. С. 74–82.

Барлыбаев, Барлыбаева, Барлыбаев 2011 — *Барлыбаев А. А., Барлыбаева Ф. Б., Барлыбаев У. А.* Многофункциональность семейных хозяйств на селе и устойчивое развитие сельской экономики // Аграрная наука. 2011. № 2. С. 8–10.

Башмачников 2010 — *Башмачников В.* Возрождение фермерства в России (взгляд очевидца и авангардного участника). М.: ООО «Престиж-пресс», 2010. 624 с.

Зинченко 2017 — *Зинченко А. П.* Сельское хозяйство России по итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года // Известия ТСХА. 2017. № 5. С. 124–137.

Иванюга 2017 — *Иванюга Т. В.* Сельскохозяйственные переписи в России: исторический и современный аспект // Вестник Брянской ГСХА. 2017. № 3(61). С. 49–54. URL: http://www.bgsha.com/download/education/library/v_3_2017.pdf (дата обращения: 04.12.2018).

Итоги ВСХП 2006 — Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. (Т. 1, кн. 2, Т. 2, Т. 6.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/news/perepis2006/totals-osn.htm> (дата обращения: 16.01.2019).

Итоги ВСХП 2016 — Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. (Т. 1, кн. 2, Т. 2, Т. 6.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2014/vsxp2016.html (дата обращения: 16.01.2019).

Калугина 2015 — *Калугина З. И.* Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с.

Кудряшов 2002 — *Кудряшов В. И.* Формы и типы крестьянских (фермерских) хозяйств // Достижения науки и техники АПК. 2002. № 6. С. 55–58.

Намруева 2017 — *Намруева Л. В.* Современное село Калмыкии: социологический срез. Элиста: КалМНЦ РАН, 2017. 180 с.

Нефедова 2018 — *Нефедова Т. Г.* Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1. С. 117–140.

Пензенская область 2018 — Пензенская область. Статистический ежегодник 2017. Пенза, 2018. 363 с.

Пензенское информационное — Пензенское информационное агентство. URL: http://www.penzainform.ru/news/economics/2019/01/11/penzenskie_fermeri_poluchili_granti_na_136_ml (дата обращения: 16.04.2019).

Петриков 2017 — *Петриков А. В.* Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: основные структурные изменения в сельском хозяйстве России за 10 лет [Электронный ресурс] // Московский экономический

журнал. 2017. № 4. URL: <http://qje.su/selskohozyajstvennyye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-4-2017-64/> (дата обращения: 26.02.2019).

Республика Татарстан 2018 — Республика Татарстан. Статистический сборник 2017. Казань, 2018. 191 с.

Семейные фермы 2013 — Семейные фермы в системе устойчивого развития сельских территорий / Т.В. Савченко, А.В. Улезько, Л.В. Киященко. Воронеж: ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ, 2013. 174 с.

Субботина 2016 — *Субботина Л. В.* Значение ВСХП-2016 для обеспечения развития сельскохозяйственного производства в личных подсобных хозяйствах населения Курганской области [Электронный ресурс] // Инновационная наука. 2016. № 5. С. 178–180. URL:https://elibrary.ru/download/elibrary_25994666_22160165.pdf (дата обращения: 26.02.2019).

Фадеева 2015 — *Фадеева О. П.* Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 264 с.

Фадеева 2018 — *Фадеева О. П.* Штрихи к фермерскому проекту: алтайская палитра // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1. С. 141–171.

References

[Agency for maintenance of programs of state support of the agro-industrial complex] Available at: <http://www.fagps.ru/news/fermery-penzenskoy-oblasti-poluchili-5473-mln/> (accessed: 04.02.2019). (In Russ.)

[Agroindustrial passport of the Republic of Tatarstan] Available at: http://agro.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1758698.pdf (accessed: 16.04.2019). (In Russ.)

Barlybaev A.A. Socio-economic nature and types of farms in Russia. *Problemyprognozirovaniya*. 2003. No3. Pp. 74-82. (In Russ.)

Barlybaev A.A., Barlybaeva F.B, Barlybaev U.A. Multifunctional family farms in the countryside and sustainable development of the rural economy. *Agrarnaya nauka*. 2011. No2. Pp. 8-10. (In Russ.)

Bashmachnikov V. [Revival of farming in Russia (the view of an eyewitness and avant-garde participant)]. Moscow.: ООО «Prestizh-press», 2010. 624p. (In Russ.)

Fadeeva O.P. [Rural communities and economic structures: from survival to development]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2015. 264p. (In Russ.)

Fadeeva O.P. Strokes to the farm project: Altai palette. *Krest'yanovedenie*. 2018. T.3. No1. Pp. 141-171. (In Russ.)

[Family farms in the system of sustainable rural development] T.V. Savchenko, A.V. Ulez'ko, L.V. Kiyashchenko. Voronezh: Voronezh State Agrarian University, 2013. 174p. (In Russ.)

Ivanyuga T.V. Agricultural Censuses in Russia: Historical and Modern Aspects. *Vestnik Bryanskoy GSKHA*. 2017. No3(61). Pp. 49-54. Available at: http://www.bgsha.com/download/education/library/v_3_2017.pdf (accessed: 04.12.2018). (In Russ.)

Kalugina Z.I. [Market Transformation of the Agrarian Sector of Russia: Sociological Discourse]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2015. 342p. (In Russ.)

Kudryashov V.I. Forms and types of peasant (farmer) farms. *Dostizheniya nauki i tekhniki APK*. 2002. No6. Pp. 55-58. (In Russ.)

Namrueva L.V. [Modern village of Kalmykia: a sociological slice]. Elista: KalmNC RAN, 2017. 180p. (In Russ.)

Nefedova T.G. Modern peasant economy in the rural-urban environment. *Krest'yanovedenie*. 2018. T.3. No1. Pp. 117-140. (In Russ.)

[Penza region. Statistical Yearbook 2017]. Penza, 2018. P. 229. (In Russ.)

[Penza news agency] Available at: http://www.penzainform.ru/news/economics/2019/01/11/penzenskie_fermeri_poluchili_granti_na_136_ml (accessed:16.04.2019). (In Russ.)

Petrikov A.V. The results of the All-Russian Agricultural Census 2016: the main structural changes in the agriculture of Russia for 10 years [Electronic resource]. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal*. 2017. No4. Available at: <http://qje.su/selskohozyajstvennye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-4-2017-64/> (accessed:26.02.2019). (In Russ.)

[Republic of Tatarstan. Statistical compilation 2017]. Kazan', 2018. P. 191. (In Russ.)

[Results of the All-Russian Agricultural Census 2006] (T. 1. Vol. 2, T. 2., T. 6.). Available at: <http://www.gks.ru/news/perepis2006/totals-osn.htm> (accessed: 16.01.2019). (In Russ.)

[Results of the 2016 All-Russian Agricultural Census] (T. 1. Vol. 2, T. 2., T. 6.). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2014/vsxp2016.html (accessed:16.01.2019). (In Russ.)

Subbotina L.V. The value of VSHP-2016 for ensuring the development of agricultural production in personal subsidiary farms of the population of the Kurgan region. *Innovacionnaya nauka*. 2016. No5. Pp. 178-180. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25994666_22160165.pdf (accessed:26.02.2019). (In Russ.)

Zinchenko A.P. Agriculture of Russia on the basis of the All-Russian Agricultural Census of 2016. *Izvestiya TSKHA*. 2017. No5. Pp. 124-137. (In Russ.)

Структура занятости сельского населения Калмыкии (по результатам социологического опроса)

*Ноган Вячеславовна Бадмаева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д.8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Научный сотрудник

E-mail: badmaevanv@kigiran.com

Аннотация. В статье представлены результаты социологического опроса по проблеме занятости сельского населения, проанализирована структура занятости. Результаты исследования показывают, что большую часть занятого населения составляют респонденты возрастной группы 50–59 лет. Респонденты в основном заняты в сфере образования и муниципального управления, менее 10% — в сельскохозяйственных предприятиях. Такое распределение занятого населения отражает состояние аграрного сектора республики.

Ключевые слова: занятость, безработица, структура занятости, Калмыкия, возрастные группы, сфера занятости

Благодарности: Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (Рег. № НИОКТР АААА–А19-1190111490037-8).

Для цитирования: Бадмаева Н.В. Структура занятости сельского населения Калмыкии (по результатам социологического опроса). Село России. 2019; (2): 73-83. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-73-83.

Structure of Employment of the Rural Population of Kalmykia (According to the Results of the Sociological Survey)

*Nogan V. Badmaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

E-mail: badmaevanv@kigiran.com

Abstract. The article presents the results of the sociological survey on rural employment and analyses the structure of employment. The results of the study show that the majority of the employed population are respondents at the age group 50-59. Respondents are generally engaged in education and municipal management, less than 10% — in the agricultural enterprises. This distribution of the employed population reflects the state of the agricultural sector of the Republic.

Keywords: employment, unemployment, employment structure, Kalmykia, age groups, employment

Acknowledgment: The study was carried out within the framework of the state assignment of KalmSC RAS “Development of rural areas of the South of Russia: integrated socio-economic and environmental monitoring” (Reg. No. Research and Technological Development AAAA-A19-119011490037-8).

For citation: Badmaeva N.V. Structure of Employment of the Rural Population of Kalmykia (According to the Results of the Sociological Survey). The village of Russia. 2019; (2): 73-83. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-73-83.

Введение

Структура занятости населения выступает одним из важнейших факторов экономического развития. Изменения в структуре занятости населения в значительной степени обусловлены соответствующими изменениями в динамике и структуре производства. Экономисты выделяют несколько этапов в развитии занятости: аграрный, индустриальный, сфера услуг. В их основе лежат важнейшие структурные изменения в экономической деятельности человека: в начале XX в. ведущее положение заняла индустриальная сфера, сменившая многовековое господство аграрной системы хозяйства, наблюдался рост занятости в этих отраслях народного хозяйства, в первую очередь за счет оттока работников из аграрного сектора. В современных условиях особое место в структуре экономики занимает сфера услуг. В этой отрасли экономики в развитых странах создается более 70 % ВВП и занято около 70 % экономически активного населения [Нанавян 2012: 45]. Она стала определяющей в формировании занятости населения во всем мире.

Динамичное развитие сферы услуг приводит к существенным структурным сдвигам в экономике, а темпы роста занятости в этих

отраслях в различных странах существенно отличаются. При этом аграрный и индустриальный секторы экономики также развиваются, их роль и значение в современных условиях не менее важны. В этих отраслях заняты миллионы людей, которые обеспечивают производство необходимого продукта. Исследователи отмечают, что изменения структуры отраслей народного хозяйства ведут за собой перестройку занятости и ее структуры [Сарычева 2012: 151].

Состояние в сфере региональной занятости зависит от социально-экономического положения региона и определяется рядом факторов. В первую очередь это состояние экономики, развитие бизнеса, а также демографической ситуации.

Изменение роли сельскохозяйственного производства в экономике регионов привело к тому, что значительная часть сельского населения вынуждена была переориентироваться на другие сферы занятости. Традиционная система занятости, характерная для сельских территорий, была практически полностью разрушена. Адекватной замены разрушенному выстроено не было. В сложившейся ситуации жители села все меньше и меньше склонны ассоциировать себя с сельскохозяйственными тружениками и, следовательно, с классическим образом сельского жителя [Соловченков 2013: 184].

Оставшись без «официальных» источников средств к существованию, сельское население вынуждено было само находить способы выживания, искать пути самообеспечения. Бывшим работникам сельского хозяйства пришлось принимать решения о смене профессиональной деятельности с учетом имевшихся немногочисленных рабочих мест на селе либо ограничиваться ведением личного подсобного хозяйства. Работники непродовственных сфер, такие, как фельдшеры, учителя, почтальоны и т. д., оказались в несколько лучшем положении. Помимо возможности заниматься личным подсобным хозяйством, хотя и с меньшей интенсивностью, они имели гарантированную занятость и источники дохода.

Цель данной статьи состоит в анализе влияния социально-экономического положения сельских территорий на структуру занятости сельского населения Калмыкии.

Основная часть

В статье представлены результаты социологического исследования, включающего опрос сельского населения (N=200). Исследование проведено отделом комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра РАН в 7 районах Республики Калмыкия в мае-июне 2019 г.

Вопросы занятости и безработицы сельского населения Калмыкии в последние годы приобрели хронический характер. Сложное социально-экономическое положение аграрной республики влияет на региональный рынок труда. Калмыкия относится к числу территорий с напряженной ситуацией в сфере занятости населения. Здесь отмечается самый высокий в Южном федеральном округе уровень безработицы. При этом мы также видим, что в республике уровень сельской безработицы выше, чем в городе (табл. 1).

Таблица 1. *Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет по виду поселения в 2017 г. [Уровень безработицы...]*

	Все население	Городское население	Сельское население
Южный федеральный округ	6,0	5,3	7,4
Республика Адыгея	8,8	4,5	12,7
Республика Калмыкия	10,0	9,3	10,5
Республика Крым	6,4	5,5	7,3
Краснодарский край	5,7	5,0	6,5
Астраханская область	7,5	6,3	10,0
Волгоградская область	6,0	5,5	8,1
Ростовская область	5,6	5,0	7,1
г. Севастополь	4,6	4,6	–

Результаты проведенного социологического исследования подтверждают вышеуказанное положение о том, что в сельской местности уровень безработицы выше, чем в городе. Опрос показал, что безработица занимает первое место среди перечисленных проблем жизни на селе. Следует также отметить, что второй актуальной проблемой сельской жизни является сложное материальное положение и связанные с ним финансовые проблемы сельского населения (табл. 2).

Таблица 2. *Распределение ответов на вопрос:
«Какие проблемы актуальны для Вашего села?»*

Проблемы	в %
наркомания	0,8
алкоголизм	8,3
безработица, проблемы трудоустройства	30,4
жилищные проблемы	7,1
финансовые проблемы (низкая заработная плата)	24,2
кризис морали в обществе	0,8
трудности с организацией досуга	3,8
трудности получения качественного образования	1,7
проблемы здравоохранения	14,6
трудности с детским дошкольным учреждением	0,8
наплыв мигрантов, выходцев из других стран	0,4
непонимание со стороны старшего поколения	0,4
политическая пассивность молодежи	0,8
неактивная позиция муниципальных властей	5,4
другое	0,4

Рассмотрим занятость населения по возрастным группам (табл. 3). Следует отметить, что при ответе на вопрос «Работаете ли Вы?» положительный ответ дали 84% опрошенных респондентов, соответственно 16% респондентов ответили, что не работают.

Таблица 3. *Занятость по возрастным группам, в %*

Работаете ли Вы в настоящее время?	18–20 лет	21–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70 лет и старше
да	1,1	4,3	22,6	17,2	41,9	11,8	1,1
нет	–	28,6	42,9	–	–	28,6	–

По результатам, представленным в таблице, видно, что молодые люди в возрастных группах 21–29 лет и 30–39 лет в большинстве своем не имеют работы, что объясняет и высокий процент миграции молодого населения за пределы своего сельского поселения. Большой процент занятого населения в возрастной группе 50–59 лет.

Рассмотрим, в каких сферах и отраслях хозяйствования заняты опрошенные респонденты (табл. 4).

Таблица 4. *Распределение по сферам занятости, в %*

Сферы занятости	в %
в сфере образования	45,1
в сфере здравоохранения	4,9
в сфере социального обслуживания населения	6,9
в сельскохозяйственном предприятии	8,8
в органах муниципального управления	17,6
в частном бизнесе, в частном фермерском хозяйстве	1
в сфере культуры	2
тех. персонал	1
личное подсобное хозяйство (ЛПХ)	1
другое	11,8

Распределение ответов показывает, что чуть менее половины респондентов (45,1%) заняты в сфере образования, на втором месте — сфера муниципального управления (17,6%), в сельскохозяйственных предприятиях работают 8,8% респондентов. Такое распределение занятого населения отражает состояние аграрного сектора республики. Подтверждаются факты, что «жизнеспособность» села обеспечивается за счет работающей школы, а также что при отсутствующем производстве население работает только в бюджетной сфере. При этом обращаем внимание, что острый дефицит медицинских кадров отражается в результатах ответа на данный вопрос — в сфере здравоохранения работают 4,9% опрошенных респондентов. Результаты различных социологических исследований также подтверждают, что доля занятых в сельском хозяйстве на настоящий момент невысока. Появившаяся за время экономических реформ тенденция любыми способами закрепляться в бюджетных и непроизводственных сферах привела к тому, что сельское хозяйство в полной мере утратило свою привлекательность как сфера занятости. Помимо этого, непривлекательность сельского хозяйства приводит к тому, что перспективы восстановления трудовых ресурсов сельскохозяйственного профиля становятся все призрачней [Соловченков 2013: 185].

Рассмотрим распределение занятых в разных сферах по возрастным группам (табл. 5).

Таблица 5. *Распределение по сферам занятости (по возрастным группам), в %*

Сфера занятости	18–20 лет	21–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70 лет и старше
в сфере образования	–	–	7,8	6,9	22,5	7,8	–
в сфере здравоохранения	–	–	2	2	1	–	–
в сфере социального обслуживания населения	–	1	1	2	2	–	1
на сельскохозяйственном предприятии	–	1	1	–	5,9	1	–
в органах муниципального управления	1	2	5,9	2	4,9	2	–
частный бизнес в частном фермерском хозяйстве	–	–	–	–	1	–	–
в сфере культуры	–	–	1	1	–	–	–
техперсонал	–	–	–	–	1	–	–
ЛПХ	–	1		–	–	–	–
другое	–	1	3,9	3	1	2	–

По результатам, показанным в данной таблице, выясняется, что в сфере образования более 22% респондентов представляют возрастную группу 50–59 лет, одинаковое число респондентов (7,8%) представляют возрастные группы 30–39 лет и 60–69 лет. Следует отметить, что именно в этой сфере возрастная группа 60–69 лет представлена наиболее массово.

Рассмотрим результаты опроса, связанные с опасениями по поводу возможной потери работы. Это могут быть потеря работы в результате сокращения штата предприятия или организации, потеря работы в связи с закрытием предприятия или организации и др. Рассмотрим опасения респондентов о возможном увольнении или сокращении штата организации (табл. 6).

Таблица 6. *Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, есть вероятность, что в ближайшее время на Вашем предприятии (организации) будут увольнения сотрудников по сокращению штата или такой вероятности нет?», в %*

Варианты ответов	в %
нет вероятности	25,5
есть вероятность	32,4
сокращение штата уже идет	7,8
затрудняюсь ответить	27,5
нет ответа	6,9

Более трети опрошенных респондентов встревожены, что есть вероятность увольнения сотрудников по сокращению штата. Чуть более 25% респондентов уверены, что увольнения и сокращения штата не будет. Менее восьми процентов опрошенных отметили, что сокращение уже идет.

Рассмотрим мнение респондентов о возможной потере работы в связи с закрытием предприятия или организации (табл. 7).

Таблица 7. *Опасения респондентов по поводу потери работы в результате возможного закрытия предприятия или организации, в %*

Варианты ответов	в %
есть опасения	30,4
нет опасений	44,1
затрудняюсь ответить	18,6
нет ответа	6,9

При ответе на данный вопрос мнения респондентов разделились: более 44% респондентов считают, что нет опасений закрытия предприятия или организации, есть опасения — у трети опрошенных респондентов.

При этом следует отметить, что более 46% респондентов опасаются потерять работу, более 28% — не имеют опасений, затруднилось ответить более 9% респондентов, не дали ответ 16% опрошенных респондентов, которые, скорее всего, не имеют работы.

Рассмотрим распределение ответов на вышеуказанный вопрос по возрастным группам (табл. 8).

Таблица 8. *Опасения респондентов по поводу потери работы по возрастным группам, в %*

Варианты ответов	18–20 лет	21–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70 лет и старше
опасаюсь	3,4	6,9	17,2	10,3	48,3	13,8	–
нет опасений	–	6,4	21,3	23,4	38,3	8,5	2,1

В большей степени опасаются потерять работу респонденты в возрастной группе 50–59 лет, меньше всего — респонденты от 18 до 20 лет. Респонденты от 70 лет и старше не выразили опасений о возможной потере работы. Среди не опасующихся потерять работу большую часть также составляют респонденты возрастной группы 50–59 лет, при этом важно отметить, что эта возрастная группа наиболее массово представлена в числе занятого сельского населения.

Рассмотрим основные причины потери работы, по мнению опрошенных респондентов (табл. 9).

Таблица 9. *Основные причины потери работы, в %*

Варианты ответов	в %
сокращение штата	18,6
закрытие предприятия	14,7
пенсионный возраст	22,5
увольнение за нарушение трудовой дисциплины	1
конфликтные отношения с коллегами	1
другая причина	5,9
затрудняюсь ответить	26,5
нет ответа	9,8

Основной причиной потери работы большая часть опрошенных респондентов считает вариант ответа «пенсионный возраст». Это связано с тем фактом, что большую часть занятого сельского населения составляют респонденты предпенсионного и пенсионного возраста.

Напряженность ситуации на рынке труда мы попытались выяснить с помощью вопроса о возможности устроиться на работу с имеющейся квалификацией, опытом в определенной возрастной группе (табл. 10).

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос: «В случае увольнения, лично с Вашей квалификацией, опытом и возрастом, удастся или не удастся в течение 2–3 месяцев найти работу примерно с такими же условиями и такой же зарплатой, как сейчас?», в %

Варианты ответов	в %
удастся	31,4
не удастся	23,5
затрудняюсь ответить	37,3
нет ответа	7,8

Рассмотрим распределение ответов на данный вопрос по возрастным группам и по полу (табл. 11).

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос, удастся ли найти работу по возрастным группам, в %

Варианты ответов	18–20 лет	21–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70 лет и старше
удастся	–	3,1	34,4	25,	34,4	3,1	–
не удастся	4,2	4,2	16,7	8,3	45,8	20,8	–

Уверены, что найдут работу в соответствии со своей классификацией, респонденты из возрастных групп 30–39 лет и 50–59 лет. В большей степени не уверены, что могут найти работу, в старших возрастных группах 50–59 лет и 60–69 лет.

В гендерном аспекте мужчины более не уверены, что смогут найти работу (мужчины — 7,8%, женщины — 12,4%), при этом большая часть из них затруднилась ответить.

Заключение

Занятость и ее структура отражают состояние социально-экономического положения того или иного региона. В Калмыкии, преи-

мущественно сельскохозяйственном регионе, проблемы занятости и безработицы являются наиболее обсуждаемыми и злободневными. Большую часть занятого населения составляют респонденты возрастной группы 50–59 лет. У трети опрошенных есть опасения потери работы. Респонденты в основном заняты в сфере образования и муниципального управления, менее 10% — в сельскохозяйственных предприятиях. Такое распределение занятого населения отражает состояние аграрного сектора республики. Результаты опроса подтвердили, что «жизнеспособность» села обеспечивается за счет работающей школы, а также что при отсутствующем производстве население работает только в бюджетной сфере.

Литература

Нанавян 2012 — *Нанавян А. М.* Структура занятости населения: динамика и тенденции развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 17. С. 45–56.

Сарычева 2012 — *Сарычева Т. В.* Анализ территориальной структуры занятости региона // Статистика и экономика. 2012. № 5. С. 150–155.

Соловченков 2013 — *Соловченков С. А.* Трансформация структуры занятости сельского населения Приамурья в современных российских условиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. Т. 16. С. 184–188.

Уровень безработицы — Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет по полу и виду поселения в 2017 г. // Федеральная служба государственной статистики. Электронный ресурс. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm

References

Nanavyan A. M. [Employment structure: development dynamics and trends] // National interests: priorities and security. 2012. №17. Pp. 45–56. (In Russ.)

Sarycheva T. V. [Analysis of the territorial structure of employment in the region]//Statistics and Economics. 2012. №5. Pp. 150–155. (In Russ.)

Solovchenkov S. A. [Transformation of the employment structure of the rural population of Amur River Region in modern Russian conditions//Journal of Sociology and Social Anthropology.] 2013. № 4. Vol. 16. Pp. 184–188. (In Russ.)

[Unemployment rate of the population aged 15-72 by sex and type of settlement in 2017//Federal State Statistics Service.] Electronic resource. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (In Russ.)

Сельское население старше трудоспособного возраста: основные характеристики (на материале Республики Калмыкия)

*Людмила Васильевна Намруева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д.8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID 0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

Аннотация. *Введение.* Тема старости в нашей стране с каждым годом актуализируется: население стареет, при повышении продолжительности жизни увеличивается группа, чей возраст старше трудоспособного. Различные социальные институты (власть, экономика, социальная защита, общественность, средства массовой информации) включены в обсуждение и решение вопросов, связанных с качеством жизни пожилых людей, их жизненной позицией, активностью. Определенная часть сельского населения старше работоспособного возраста с целью трудоустройства, желая материально помочь детям, родственникам вынуждена работать вдали от родной земли. Цель статьи — введение в научный оборот результатов авторского социологического исследования, проведенного в 2017 г. Материалы и методы. Автор использует качественные (углубленное интервью) и количественные (анкетный опрос, анализ статистических данных) методы исследования и привлекает статистические сведения для характеристики исследуемой группы сельских жителей старше трудоспособного возраста. Результаты. Эта возрастная когорта, постепенно увеличиваясь, играет важную роль на макро- и микроуровнях, в развитии народного хозяйства региона и стабильности семейных отношений. Пожилым людям приходится сложно от нерешенности разнообразных социальных проблем (отсутствие необходимой социальной инфраструктуры на селе, низкие доходы, одиночество, невостребованность на рынке труда, противоположное явление, когда пенсионеры вынуждены работать, так как в деревне нет молодых специалистов в сфере образования, культуры, здравоохранения). В статье автор, используя материалы своих исследований, рассматривает, как пенсионеры адаптируются к сложным условиям неопределенной реальности.

Одним из способов адаптации явилась выездная трудовая деятельность за пределами республики, в которой они себя зарекомендовали с лучшей стороны, как трудолюбивые, неприхотливые, честные, добросовестные труженики.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, пенсионер, старость, трудоспособный возраст, миграция, старшее поколение, материальная помощь

Благодарности: Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (Рег. № НИОКТР АААА–А19-1190111490037-8).

Для цитирования: Намруева Л.В. Сельское население старше трудоспособного возраста: основные характеристики (на материале Республики Калмыкия). Село России. 2019; (2): 84-98. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-84-98.

UDC 316.354:351/354

Rural Population over Working Age: Main Characteristics (as Exemplified by the Republic of Kalmykia)

*Lyudmila V. Namrueva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Cand.Sc. (Sociology), Leading Research Associate

ORCID 0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

Abstract. *Introduction.* The topic of old age in our country is updated every year: the population is aging, as life expectancy increases, the group whose age is older than the working age increases. Various social institutions (power, economy, social protection, the public, the media) are included in the discussion and resolution of issues related to the quality of life of older persons, their life position, activity. A certain part of the rural population is older than the working age for the purpose of employment, desire to help children, relatives are forced to work far from their native land. *The purpose* of the article is to introduce into scientific circulation the results of the author's sociological study carried out in 2017. *Materials and methods* The author uses qualitative (in-depth interviews) and quantitative (questionnaire survey, analysis of statistics) research methods and draws statistical information to characterize the group of rural residents over working age under study. *Results.* This age cohort, gradually increasing, plays an important role

at macro and micro levels, in the development of the national economy of the region and the stability of family relations. Older persons find it difficult to solve various social problems (lack of necessary social infrastructure in rural areas, low incomes, loneliness, lack of demand in the labour market, the opposite phenomenon, when pensioners are forced to work, as there are no young specialists in the field of education, culture, health care in the village). In the article, the author, using the materials of his research, considers how pensioners adapt to complex conditions of uncertain reality. One of ways of adaptation was exit work outside the republic in which they proved from the best side as hardworking, unpretentious, honest, conscientious toilers.

Keywords: Republic of Kalmykia, retired, old age, working age, migration, older generation, material assistance

Acknowledgement: The study was carried out within the framework of the state assignment of KalmSC of RAS “Development of rural areas of the South of Russia: integrated socio-economic and environmental monitoring” (Reg. No. Research and Technological Development AAAA-A19-119011490037-8).

For citation: Namrueva L.V. Rural Population over Working Age: Main Characteristics (as Exemplified by the Republic of Kalmykia) The village of Russia. 2019; (2): 84-98. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-84-98.

Введение

Возрастную группу населения старше трудоспособного возраста чаще всего рассматривают как нуждающихся в поддержке и уходе, как «потребителей» заботы и ресурсов семьи и общества [Рогозин, Ипатова 2016]. Однако большинство пенсионеров после выхода на заслуженный отдых продолжает активно трудиться, оказывая материальную помощь своим детям, внукам, ближайшим родственникам.

В данной статье рассматривается поколение родившихся в 1940–1950-е гг., которые вступили в активную социальную жизнь в 1960–1970-х гг. Именно это поколение социализировалось в период основных достижений советской страны, гордясь грандиозными победами «строителей государства нового типа». Представители этого поколения демонстрировали героический труд, восстанавливая послевоенную страну, затем выполняя грандиозные планы модернизации некогда крестьянского государства. Поэтому многие представители анализируемой возрастной группы

демонстрируют наибольшую приверженность к ценностям советского строя и испытывают постоянную ностальгию по нему.

Обзор научной литературы по проблематике населения старше трудоспособного возраста

Социальные и экономические катаклизмы 1990-х гг., продолжающиеся и в начале нового XXI в., разрушили систему социальной защиты в ее прежнем виде (сокращены социальные льготы и бесплатные услуги, снизился уровень пенсий, во многих регионах России являющийся крайне низким), привели к существенному ухудшению положения старшего поколения. Исследователи отмечают, что социальное самочувствие этой генерации вытекает из ощущения своего положения на обочине социальной жизни. Масштабные исследования ИС РАН показывают, что «эмоциональная самооценка состояния явно негативна: преобладает состояние угнетенности, близкое к самоощущению социальных изгоев» [Семенова 2002: 188]. Далее социолог В. В. Семенова пишет: «В самооценках преобладали такие определения: „никому не нужные“, „всеми забытые“, „обманутые“, „беззащитные“, „замученные“, „больные“» [Семенова 2002: 188]. Но материалы опроса этой категории населения также позволяют выделить такие характеристики самооценки, которые свидетельствуют о гордости за свое поколение и его прошлые достижения. Они называют себя «тружениками», «порядочными и ответственными людьми», «патриотами», «людьми старой закалки», «последними порядочными людьми, много лучше, чем теперешние» [Семенова 2002: 188].

С конца XX в. за рубежом на национальном и глобальном уровнях стали реализовывать программы социальной политики в поддержку пожилых людей, которые разработаны такими организациями, как Всемирный банк, ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) [Полтавская 2018: 50]. Так, Всемирная Организация здравоохранения в 2002 г. определила активное старение как «...процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей» [цит. по: Полтавская 2018: 50].

Концепция «успешного старения» (successful aging) подразумевает ведение образа жизни, позволяющего «достичь счастья» в зрелом возрасте. Этот образ жизни включает три важных компонента: во-первых, активная включенность в общественную жизнь, во-вторых, низкая подверженность болезням, а в-третьих, способность к умственному и физическому функционированию [цит. по: Полтавская 2018: 50]. Родоначальник концепции «успешного старения» Р. Хавигорст в 1961 г. выпустил одноименный труд, в котором пояснил, что успешное старение происходит, когда пожилой человек испытывает максимальную удовлетворенность жизнью без серьезных затрат для общества [цит по: Полтавская 2018: 51]. Рассмотрим в данной статье некоторые параметры старения сельских жителей Республики Калмыкия, используя статистические сведения, а также результаты авторских социологических исследований.

Методика исследования

Автор анализирует некоторые итоги проведенного им в 2017 г. опроса, в ходе которого было охвачено 700 человек, жителей сельских районов и столицы республики. Из них 50,7 % — мужчины, 49,3 % — женщины. 30,1 % респондентов проживают в сельских населенных пунктах, 26,5 % — в районных центрах, 43,4 % — в г. Элисте. Калмыки-респонденты составляют 73,0 %, русские-респонденты — 18,4 %, оставшиеся 8,6 % представляют другие этнические группы. Исследуемая группа состоит из 70 респондентов. В своем анализе автор также использует статистические данные по Республике Калмыкия.

Количественные и качественные характеристики сельского населения старше трудоспособного возраста.

Известно, что если в структуре населения 7 и более процентов представляют лица старше трудоспособного возраста, то это общество стареющее. Статистические сведения показывают, что уже в 2000 г. этот рубеж был перекрыт дважды и составил 14 % [Распределение численности]. Все последующие годы численность категории старше трудоспособного возраста постепенно увеличивается (см. табл. 1). На 01.01.2018 г. она составила 22,1 %, т. е. каждый пятый житель калмыцкого общества принадлежит к анализируемой когорте.

Таблица 1. *Распределение численности старше трудоспособного возраста по Республике Калмыкия*

Годы	2000	2005	2010	2014	2015	2017	2018
Все население	308347	293179	289672	282021	280564	277803	275413
60–64	15588	7620	9017	15432	16572	18365	19066
65–69	9706	12430	6385	5778	7727	10983	12398
70 и старше	14750	16635	20083	19166	18115	17161	17085
Из общей численности населения в возрасте, %							
моложе трудоспособного	27,1	22,3	20,2	21,3	21,5	21,9	21,9
трудоспособном	58,2	63,2	64,1	60,2	59,1	56,9	56,0
старше трудоспособного	14,7	14,5	15,7	18,5	19,4	21,2	22,1

Исследуемую социальную группу помимо определенного возраста характеризуют снижение доходов, так как многие ее представители не имеют иных доходов, кроме пенсии, уровень которой крайне мал, а также снижение статуса, невостребованность на рынке труда, физическое ухудшение состояния здоровья и работоспособности (с возрастом снижаются физические и психические возможности человека). Лица, вышедшие на пенсию по возрасту, утрачивают ролевые характеристики (профессиональные, квалификационные, должностные и т.д.), сложно адаптируются к суровым рыночным условиям жизни.

Социально-экономическая ситуация в сельских поселениях усиливает действие вышеуказанных факторов. Закрытие больниц, поликлиник в малых и средних селах, отсутствие врачей узкой специализации в райцентрах, низкие доходы способствуют высо-

кой подверженности представителей исследуемой группы болезням. В лучшем случае в деревне остается фельдшерский пункт с минимальным количеством работников и каретой «Скорой помощи», которую нуждающийся в помощи порой должен заправить бензином.

Об активной включенности большинства лиц пожилого возраста в общественную жизнь села говорить не приходится. В ситуации, когда половина сельских поселений осталась без селообразующих предприятий, представители анализируемой группы оказались ненужными сельскому социуму. Исключение составляет социальная сфера, так как в школу, детский сад, сельский Дом культуры, ФАП молодые специалисты не спешат трудоустраиваться по причине низкого уровня заработной платы. Поэтому в этих сельских учреждениях трудятся опытные специалисты — учителя, воспитатели, фельдшеры, художественные руководители творческих коллективов, имеющие опыт работы более 30–40 лет. Именно они организуют и участвуют в различных социокультурных мероприятиях, происходящих в селе. При этом зачастую профессионалы, имеющие такой солидный опыт, желают оставить работу, но в силу того, что в селе нет молодой смены, готовой трудиться на педагогической ниве, опытным работникам приходится продолжать работать в детском саду, школе, доме культуры.

Рассмотрим другой параметр успешного старения — максимальную удовлетворенность пожилого человека. Безусловно, одним из ее аспектов является материальный фактор. Рассмотрим распределение респондентов старшего возраста по уровню доходов, используя итоги авторского опроса 2017 г. Полученные в ходе анкетирования данные позволяют определить уровни материального благополучия (табл. 2). На уровне крайней бедности или бездоленности находится треть рассматриваемой группы — 34,3 %. По их признанию, они еле сводят концы с концами, им ни на что не хватает, постоянно берут продукты в долг.

У половины опрошенных (46,3 %) доходы свидетельствуют о средней бедности, такие граждане могут приобретать только самое необходимое. К группе имеющих достаток, позволяющий приобретать необходимое и бытовую технику (без ущерба для

бюджета), можно отнести 14,9 % респондентов, что почти вдвое меньше, чем по всей выборке (28 %).

Таблица 2. *Распределение ответов на вопрос «Ваши доходы позволяют Вам» (в %)*

Варианты	Группа
Еле сводить концы с концами, ни на что не хватает, постоянно беру продукты в долг	34,3
Приобретать только самое необходимое	46,3
Приобретать необходимое и бытовую технику (без ущерба для бюджета)	14,9
Приобретать качественные продукты питания, бытовую технику, отдыхать за границей (без ущерба)	4,5
Приобретать качественные продукты питания, автомобиль, недвижимость, отдыхать за границей (без ущерба)	–

Исходя из самооценок, следует, что только 4,5 % опрошенных считают себя обеспеченными, что тоже в два раза меньше, чем по всей выборочной совокупности. Этот уровень доходов позволяет приобретать качественные продукты питания, бытовую технику, автомобиль, отдыхать за границей (без ущерба).

Как видим, большинство, 80,6 % респондентов старше трудоспособного возраста, находится на уровне бедности (сумма 1 и 2 ответов). Бедное население не имеет возможности полноправно участвовать в экономических процессах (иметь доступ к рынкам товаров, финансовых ресурсов), общественной жизни. Люди, имеющие большие материальные проблемы, включены в них только на определенных патерналистских условиях. Безусловно, необходимы государственные программы для решения проблем бедности на селе, повышения качества жизни сельчан.

Рассмотрим на конкретном примере, как живет сельская женщина, 64 лет, на одну пенсию в 8 тыс. рублей. Интервью проведено во время одной из командировок в сельские районы республики. «Почти половина пенсии, четыре тыс. рублей, уходит на оплату коммунальных расходов (свет, газ, вывоз мусора), воду летом чаще заказываю, т. к. поливаю огород. Выращиваю огурцы, помидоры, зелень, надо и деревья поливать, ведь дожди в наших краях летом

крайне редки. На лекарство также надо потратиться. Здоровье подорвала во время работы в Москве, когда ухаживала за престарелыми людьми. На продукты уходит почти четыре тысячи, мясо (говядину, баранину) практически не покупаю. Очень дорого. Покупаем дешевую курятину. Итого пенсии не хватает на месяц. Приходится продукты брать в долг. Благо в магазинах идут навстречу пенсионерам, мы ведь исправно сразу после получения пенсии возвращаем долги. На одежду, обувь не трачу денег, т. к. мне мои родственники оказывают помощь в этом. Хорошо, что они у меня есть. Правда, большую помощь не могут оказать, т.к. сами в бесконечных кредитах или сидят в ипотеке.

Ремонт квартиры не могу провести по причине отсутствия финансов. Работа периодически в московских социальных службах, не могу накопить. За ценами на строительные материалы не угнаться. Провести воду в квартиру также не получается — такую сумму мне одной не поднять. Поехать в Москву, чтобы заработать, здоровье не позволяет. Да и женщин моего возраста уже не берут охотно, так как много безработных женщин младше меня. Вот и живу так, в постоянной нужде» [ПИМА 2019].

Несмотря на усиление экономической неопределенности, отсутствие радужных перспектив на благополучное настоящее и будущее, пенсионеры, в разной степени испытывая материальную нужду, по-разному адаптируются к сложностям жизни в условиях рынка. Разделяем мнение П. М. Козыревой и А. И. Смирнова, что во многом это объясняется тем, что «присутствие в их сознании психологических основ социального оптимизма и социально-психологической устойчивости, которые сформировались в предшествующие периоды, в определенной мере смягчают, амортизируют влияние реальной действительности» [Козырева, Смирнов 2017: 66].

Так, результаты на вопрос «На кого более всего Вы рассчитываете в решении своих насущных вопросов?» показывают, что подавляющее большинство опрошенных сельских жителей старше трудоспособного возраста в решении своих насущных вопросов рассчитывает на себя самого (более 79 %), на своих родственников и друзей (более трети опрошенных, 36,8 %), президента страны (19 %). Эти данные позволяют нам констатировать, что селяне ана-

лизируемого возраста, постепенно избавляясь от патерналистских ожиданий (надежд на различные органы власти, общину), тем самым постепенно адаптируются к суровым условиям рынка. Одним из выходов для многих селян стала миграция за пределы родного села в поисках средств существования. 1990-е гг. явились для большей части сельского населения, в том числе старше трудоспособного возраста, периодом, когда они, разуверившись, что жизнь вернется на прежние устоявшиеся позиции, стали рассчитывать только на себя.

С середины 1990-х гг., когда в совхозах месяцами не платили зарплату, разрушался привычный уклад жизни, началась активная миграция сельского населения из региона. Поначалу работали вахтовым способом, отработав 2 недели или 1 месяц, так как какая-то часть уехавших земляков, никогда не покидавшая свое село, безусловно, испытывала фобии к большому городу, незнакомым людям. Но жизнь заставляла их быстрее адаптироваться. Многие сельские женщины и мужчины, выйдя на пенсию, выезжают за пределы республики, трудоустриваясь в различных сферах, поскольку на крохотную пенсию прожить невозможно, а чтобы содержать свое личное подсобное хозяйство, необходимо вкладывать средства. Сотни женщин-селянок работают нянями, сиделками, став незаменимыми в этом деле. Наши женщины, обладая такими качествами, как владение многими хозяйственными навыками и умениями, душевность, сострадание, терпение, выносливость, выполняют очень тяжелые работы по уходу за немощными стариками, тяжелобольными инвалидами. Одна из моих родственниц заслужила большое уважение в социальном приюте, так как, оказывая подлинное внимание и заботу, смогла найти подход к подопечным, от которых отказывались прежние соцработники не только из-за тяжести заболеваний клиентов, но и их капризного характера. В результате эти люди прожили дольше, чем прогнозировали специалисты.

Не меньшее количество женщин работают поварами, посудомойщиками, кухонными рабочими, малярами. Причинами, препятствующими нашим селянкам занять более комфортное рабочее место, являются пенсионный возраст, невладение современными техническими средствами, компьютерными программами.

Сильное желание помочь детям выплатить кредиты, заплатить за обучение внуков, поддержать родственников не позволяет женщинам унывать, жалеть себя, жаловаться на судьбу. Конечно, земляки работоспособного возраста занимают более престижные места.

Сельские мужчины-пенсионеры, покинув на время семью, трудоустраиваются в строительных, торговых организациях, дорожных управлениях, коммунальных хозяйствах. Проживание в вагончиках, неприспособленных помещениях, длительная разлука с родными, плохое питание, порой недоброжелательное отношение принимающей среды усугубляют пребывание наших земляков в мегаполисах, регионах, привлекательных для трудовых мигрантов. Несмотря на все указанное, мужчины-селяне преодолевают огромные трудности ради большой цели — помочь своей семье. Рассмотренная постпенсионная занятость лиц старше работоспособного возраста является одним из основных способов решения материальных проблем семьи.

Если «в западных странах граница активной занятости сдвинута, что связано с лучшим медицинским обслуживанием, социальной инфраструктурой, общими представлениями об активном старении» [Рогозин 2018: 92], то в нашей стране постпенсионная занятость вызвана острейшей необходимостью поддержать взрослых детей, имеющих скромную зарплату, на которую невозможно поднять семью, дать образование внукам. В этой связи совершенно прав исследователь Д. Рогозин, утверждая, что «постпенсионная занятость в XXI веке должна рассматриваться не как средство от нужды, а как источник и условие активного долголетия» [Рогозин 2018: 92].

Во время широкого обсуждения, развернувшегося в результате повышения возраста выхода на пенсию в России, горячие дискуссии велись о целесообразности продления трудоспособной жизни, сложном состоянии пенсионного фонда. Однако крайне редко поднимались вопросы о наличии постоянной работы для лиц старше 60-ти лет, о повышении качества занятости, об улучшении условий труда, которые удовлетворяли бы здоровье и возможности представителей этой категории.

Одним из значимых факторов, оказывающих влияние на удовлетворенность пенсионеров отдельными сторонами жизни, является

чувство востребованности, необходимости для других людей. Эксперты отмечают, что «одиноким пожилым людям менее удовлетворены своей жизнью, чем семейным, что характерно для многих стран. Разрыв в уровне удовлетворенности жизнью между одинокими и семейными в России составлял в 1994–2000 гг. в среднем 2–3 процентных пункта, после 2000 г. этот разрыв увеличился до 7–8 процентных пунктов» [Воронин, Захаров, Козырева 2018: 49]. Другие исследователи также подтверждают, что социальное самочувствие пожилых людей в большей степени зависит не от демографических, материальных факторов, а от их включенности в социальную жизнь и семейные отношения [Бурко, Волкова 2017: 54]. Имеет место и такая миграционная тенденция, когда уезжают взрослые дети, оставив своих чад на воспитание родителям-пенсионерам. А когда подросшие внуки, желая получить профессиональное образование, тоже уезжают, то бабушки остаются одни. Согласно разделяемому нами мнению исследователей, разрыв привычных социальных связей (с друзьями, бывшими коллегами, близкими родственниками), уменьшение социальных контактов, происшедших в результате выхода на пенсию, миграции детей и внуков, порождают у пожилых чувства одиночества и ненужности окружающим людям [Бурко, Волкова 2017: 54]. Во избежание негативных последствий этого необходимо пожилых людей включать в какую-либо социальную общность (профессиональную, семейную).

В отдельных сельских поселениях успешно действуют клубы по интересам, народные коллективы, в которых активными участниками являются пожилые селяне. Общаясь друг с другом, выступая на различных сценических площадках, выезжая с концертами по районам республики и соседним регионам, самодеятельные артисты забывают о своем возрасте, недомоганиях, чувствуют прилив энергии. В беседе с автором многие из них признавались, что песни, общение помогают им жить, видеть новые грани своей жизни [Намуева 2013: 137].

Современные реалии (природные, социально-экономические условия) значительно изменили размеренный сельский уклад жизни. Многие сельские жители перестали разводить фруктовые сады, огороды, заниматься домашним подворьем, так как подорожали

вода, корма, сено, ветеринарные услуги. Как они сами признаются, дешевле купить молоко, мясо, овощи, фрукты, зелень в магазине, чем выращивать в своем подсобном хозяйстве. В селе Садовом бабушки сетовали, что нет возможности ухаживать за зеленью, так как поселок испытывает большие перебои с водой, которая добывается из артезианских скважин на огромной глубине. К тому же изменилось ее качество, она стала более соленой и минерализованной, что сделало ее непригодной для полива растений [Намруева 2017: 94]. Подобное наблюдается во многих селах, которые в недалеком прошлом утопали в зелени, а нынче лишь неприхотливые вязы являются единственными насаждениями вокруг сельских домов.

Заключение

Современное село, модернизируясь, трансформируясь, постепенно утрачивает многие характеристики, которые веками были свойственны сельскому сообществу. Старшее поколение не имеет физических сил заниматься разведением скота и выращиванием овощей, а молодое, в большинстве своем, не желает заниматься этими видами сельскохозяйственной деятельности. Им легче и дешевле приобрести мясо, молоко, зелень в магазинах, число которых в сельских поселениях с каждым годом увеличивается. Исчезли прикладные ремесла, почти никто не знает и как можно изготовить многие изделия, которые издавна использовались в крестьянском быту [Намруева 2017: 94]. К сожалению, ушло поколение, знавшее и умевшее все это выполнять.

Наряду с вышеперечисленными негативными явлениями есть и позитивные. Считаем положительным явлением то, что государство стало проявлять заботу, выражать своеобразную благодарность по отношению к тем россиянам, которые отработали 30 и более лет в сельском хозяйстве. С 1 января 2019 г. вступила в силу новая льгота — получение повышенной фиксированной выплаты к пенсии за «сельский» стаж. Такую надбавку на 25 % в республике получают 2488 неработающих, проживающих на селе пенсионеров, чей стаж в сельском хозяйстве составляет не менее 30 лет [В Калмыкии растет]. Безусловно, эта льгота явится своеобразным мотиватором для сельчан жить и работать в сельской местности.

И в дальнейшем необходимо разрабатывать региональные программы, которые позволили бы пенсионерам, пожилым гражданам вести активную жизнь, активно адаптироваться ко всем социальным вызовам, с которыми сталкивается общество. Целесообразно использовать их огромный жизненный опыт, большое желание быть включенными в социальную среду, а не быть социально отстраненными.

Литература

Бурко, Волкова 2017 — *Бурко В. А., Волкова Ж. В.* Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе (сравнительный анализ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 43–62.

Воронин, Захаров, Козырева 2018 — *Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М.* Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 3. С. 32–55.

В Калмыкии растет — В Калмыкии растет число пенсионеров, получающих «сельскую» надбавку [Электронный ресурс] / <http://kalmykia-online.ru/news/13959> (дата обращения: 20.05.2019).

Козырева, Смирнов 2017 — *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 64–73.

Намруева 2017 — *Намруева Л. В.* Современное село Калмыкии: социологический срез. Монография. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 180 с.

ПМА 2019 — Полевой материал автора 2019.

Полтавская 2018 — *Полтавская М. Б.* Социальная активность граждан «третьего возраста»: гендерный аспект (на примере г. Волгограда) // Logos et Praxis. Т. 12. № 2. С. 48–64.

Распределение численности — Распределение численности населения Республики Калмыкия по возрастным группам [Электронный ресурс] / http://astrastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/astrastat/ru/statistics/kalmStat/population/ (дата обращения: 10.04.2019).

Рогозин, Ипатова 2016 — *Рогозин Д. М., Ипатова А. А.* От редакторов // Старикам тут место: социальное осмысления старения: сб. науч. ст. / отв. ред. Д. М. Рогозин, А. А. Ипатова. — М.: Институт социологии РАН, 2016. 264 с.

Рогозин 2018 — *Рогозин Д. М.* Ограничения и возможности сельского старения // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 2. С. 86–101.

Семенова 2002 — *Семенова В. В.* Социальный портрет поколений // Россия реформирующаяся. Ежегодник. М.: ИС РАН, 2002. С. 184–212.

References

Burko V. A., Volkova Z. V. Social well-being of elderly people in modern Russian society (comparative analysis) // Bulletin of Perm national research Polytechnic University. Social and economic Sciences. 2017. No. 1. Pp. 43–62. (In Russ.)

bution of the population of the Republic of Kalmykia by age group [Electronic resource] / http://astrastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/astrastat/ru/statistics/kalmStat/population/ (date of application: 10.04.2019).

Field material of the author 2019. (In Russ.)

In Kalmykia the number of pensioners receiving “rural” allowance is growing [Electronic resource] / <http://kalmykia-online.ru/news/13959> (date of application 20.05. 2019). (In Russ.)

Kozyreva P. M., Smirnov, A. I., Russian pensioners in crisis. 2017. No. 1. Pp. 64 73. (In Russ.)

Namrueva L. V. Modern village of Kalmykia: a sociological slice. Monograph. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2017. (In Russ.)

Poltavskaya M. B. Social activity of citizens of the “third age”: gender aspect (on the example of Volgograd) // Logos et Praxis. Vol. 12. No. 2. Pp. 48 64. . (In Russ.)

Rogozin D. M. Limitations and possibilities of the rural aging // Christianaudigier. 2018. Vol. 3. No. 2. Pp. 86-101. (In Russ.)

Rogozin D. M., Ipatova A. A. From editors // Old people have a place here: social reflection on ageing: collection of scientific articles / edited by D. M. Rogozin, A. A. Ipatova – Moscow: Institute of sociology, RAS, 2016. – 264 p. (In Russ.)

Semenova V. V. Social portrait of generations // Russia is reforming. Yearbook. M.: IS RAS, 2002. Pp. 184-212. (In Russ.)

Voronin G. L., Zakharov, V. Ya., Kozyreva P. M. Lonely elderly: survive or live actively? // Sociological journal. 2018. Volume 24. No. 3. Pp. 32-55. (In Russ.)

Экономическое положение сельских семей Калмыкии в оценках подростков и их родителей

*Байрта Басанговна Нусхаева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д.8, ул. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-8003-2023. E-mail: nbairab@yandex.ru.

Аннотация. *Введение.* Современная семья с детьми находится в сложных социально-экономических условиях. Исследователи обращают внимание, что среди сельских семей с детьми высока доля малоимущих. *Цель.* В статье рассмотрена оценка экономического положения семьи сельскими подростками и их родителями. *Результаты.* Исследование показывает, что большая часть подростков дает оценку экономическому положению, соответствующую критерию «для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг» и выше. Оценка родителей показывает худшее положение семей: более 40 % указывают на крайне бедное положение: им не хватает денег до зарплаты или живут от зарплаты до зарплаты. Сравнение ответов показывает, что сельские семьи находятся в более сложных экономических условиях.

Ключевые слова: семьи с детьми, экономическое положение семей, среднедушевые денежные доходы, малоимущие

Благодарности: Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (Рег. № НИОКТР АААА–А19-1190111490037-8).

Для цитирования: Нусхаева Б.Б. Экономическое положение сельских семей Калмыкии в оценках подростков и их родителей. Село России. 2019; (2): 99-108. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-99-108.

Economic situation of rural families of Kalmykia in estimates of adolescents and their parents

*Bairta B. Nuskhaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-8003-2023. E-mail: nbairab@yandex.ru

Abstract. Introduction. A modern family with children faces difficult socio-economic conditions. Researchers note that among rural families with children there is a high percentage of the poor. Purpose. The article deals with the assessment of the economic situation of families by rural adolescents and their parents. Results. The study shows that the majority of adolescents give an assessment of the economic situation that meets the criterion “to buy expensive goods we use credit or we borrow” and above. The assessment of parents shows the worst situation of families: more than 40% point to an extremely poor situation: they do not have enough money before the next salary comes or live from payday to payday. Comparison of the answers shows that rural families are in more difficult economic conditions.

Keywords: families with children, economic situation of families, average per capita monetary income, the poor

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state assignment of Kalmyk Scientific Center of the RAS “Development of rural areas of the South of Russia: integrated socio-economic and environmental monitoring” (Reg. No. Research and Technological Development AAAA-A19-119011490037-8).

For citation: Nuskhaeva B.B. Economic situation of rural families of Kalmykia in estimates of adolescents and their parents. The village of Russia.2019; (2): 99-108. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-99-108.

Введение

Социально-экономическое положение семьи влияет на выполнение ею основных функций и жизнедеятельность семьи в целом. О. Л. Петрякова, анализируя экономическое положение современных семей, приходит к выводу, что «уже в 2014 г. люди стали несколько уменьшать свои расходы на отдых, сейчас они уже

экономят на образовательных услугах (инвестиции в детей), на платных услугах здравоохранения» [Петрякова 2016: 41]. Особенно в сложном положении находятся семьи с детьми. Как отмечают специалисты, семьи с несовершеннолетними детьми «сталкиваются с повышенным риском стать бедными» [Елизаров, Синица 2018: 26]. Согласно данным Росстата, в 2017 г. доля малоимущих домохозяйств с детьми в возрасте до 18 лет составляет 81,0 % в общей численности малоимущих домохозяйств. В том числе четверть домохозяйств, имеющих одного ребенка, треть домохозяйств, имеющих двух детей, и 22 % домохозяйств, имеющих троих и более детей [Доля малоимущих]. Региональные исследования показывают, что «уязвимой в социальном плане группой являются семьи с двумя детьми, среди которых "бедных" больше всего» [Каргополова и др. 2017: 45].

Особо остро проблема низкого экономического положения стоит перед семьями с детьми, проживающими в селе. Рассматривая факторы уязвимости малоимущих сельских домохозяйств, А. А. Вяльшина обращает внимание, что «более высокая иждивенческая нагрузка и зависимость от доходов трудовой деятельности, а также ситуация на сельском рынке труда в целом обуславливают высокую долю малоимущих и крайне бедных домохозяйств в составе семей с детьми» [Вяльшина 2016: 44].

В Калмыкии положение детей и семей с детьми усугубляется низким уровнем жизни в регионе. На совещании о социально-экономическом развитии регионов в своем вступительном слове Дмитрий Медведев выделил субъекты, «где ситуация наиболее сложная. Это: Калмыкия, Мордовия, Марий Эл, Республика Алтай, сюда же можно отнести Саратовскую, Курганскую, Пензенскую области и Тыву» [О социально-экономическом]. По данным Росстата среднедушевой доход населения Южного федерального округа по состоянию на 2017 г. составляет 26 928 руб. [Регионы России]. Среди субъектов ЮФО самые низкие показатели в Республике Калмыкия. Среднедушевые денежные доходы населения Республики Калмыкия в 2017 г. составили 14 730 руб., в 2010 г. зарегистрированы на уровне 7 774 руб. На протяжении последнего десятилетия среднедушевые денежные доходы в Республике

Калмыкия — самые низкие в Южном Федеральном округе, и среди субъектов Российской Федерации в 2017 г. республика занимает 84 место.

О сложном экономическом положении семей с детьми в Республике Калмыкия свидетельствуют другие показатели. Согласно Риа Рейтингу, по уровню благосостояния семей в 2016 г. Республика Калмыкия входит в группу «самых бедных» регионов, в которых у семьи с двумя детьми остается менее 10 тыс. рублей после минимальных расходов (7 628 руб). К этой группе отнесены 18 регионов [Риа Рейтинг].

Цель исследования. В рамках исследования проблем современной семьи в Республике Калмыкия была изучена оценка экономического положения подростками и их родителями.

Основная часть

Всего опрошено 524 ученика 6–10-х классов г. Элисты и трех сельских школ (п. Ики-Бурул, с. Приютное, с. Яшкуль), из них 279 девочек и 245 мальчиков. В том числе 237 подростков элистинских школ и 287 — сельских. Также опрошены 171 родитель подростков.

В анкете предлагалось оценить состояние семейного бюджета по следующей шкале:

1. Денег до зарплаты не хватает.
2. Живем от зарплаты до зарплаты.
3. На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения.
4. Денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг.
5. Покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины, дачи и т.п.
6. В настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать.

Распределение ответов школьников отобрано в таблице 1. Согласно опросу, треть сельских подростков считает, что в семье «денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг» (34,4 %). Чуть более 20 % опро-

шенных оценили состояние семейного бюджета как «покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины, дачи и т.п.» (20,8 %). И 22,1 % подростков выбрали вариант «в настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать». Почти 10 % подростков указали, что их семья живет от зарплаты до зарплаты и 11,1 % — на повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения. Незначительная доля респондентов (2,0 %) выбирают первый вариант в этой шкале: «денег до зарплаты не хватает». Таким образом, пятая часть сельских подростков дают низкую оценку экономическому положению семьи, когда денег до зарплаты не хватает и покупка одежды вызывает затруднения, но большая часть респондентов оценивают состояние семейного бюджета по критерию «денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг» и выше.

Таблица 1. Оценка подростками состояния семейного бюджета в зависимости от места проживания (в %)

Критерии оценки	Городские	Сельские
Денег до зарплаты не хватает	6,4	2,0
Живем от зарплаты до зарплаты	12,4	9,9
На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения	12,4	11,1
Денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг	31,7	34,4
Покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины, дачи и т.п.	21,1	20,6
В настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать	16,1	22,1

Сравнение ответов сельских и городских детей показывает, что оценка состояния семейного бюджета подростками не зависит от места проживания. Около трети городских и сельских подростков указывают, что в их семье «денег в основном хватает, но для

покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг» (31,7 % и 34,4 % соответственно). Более 20 % школьников, проживающих в столице и сельских поселениях республики, оценивают уровень семейного бюджета к варианту «покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины, дачи и т.п.» (21,1 % и 20,6 % соответственно). Сельских подростков, отнесших свою семью к самому высокому уровню благосостояния — «в настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать» — несколько больше, чем городских: 22,1 % напротив 16,1 %, но разница незначительная. А вот в случае выбора самого низкого уровня состояния семейного бюджета — «денег до зарплаты не хватает» — обратная ситуация. Среди городских детей этот вариант ответа указали 6,4 % опрошенных, а среди сельских — 2,0, но разница несущественная. В целом по опросу доля детей, давших самую низкую оценку состоянию семейного бюджета, среди городских и сельских школьников незначительная. Согласно ответам подростков, живут от зарплаты до зарплаты 12,4 % городских семей и 9,9 % сельских. Близкие значения и в варианте «денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг»: 12,4 % и 11,1 % соответственно. Как показывает анализ, оценка состояния семейного бюджета городскими и сельскими школьниками имеет близкие значения. Можно сделать вывод: место проживания не влияет на оценку подростком состояния семейного бюджета.

Подростки в большинстве своем не участвуют в обсуждении вопросов распределения семейного бюджета. Как показывает исследование, только 6,7 % детей участвуют в обсуждении этого вопроса. Кроме того, родители ограждают своих детей от семейных проблем, и соответственно более достоверную картину экономического положения семей могут дать родители. Родителям также предлагалось оценить состояние семейного бюджета по предложенной шкале. Распределение ответов родителей отражено в таблице 2. Согласно полученным данным, родители дают более низкие оценки экономическому положению семей, чем подростки. К первым двум критериям состояния семейного бюджета отнесено 41,8 % сельских семей. А именно 20,0 % респондентов-родителей

указывают, что «денег до зарплаты не хватает», и 21,8 % отмечают, что «живут от зарплаты до зарплаты». Незначительная доля родителей отнесли свою семью к высокому уровню экономического положения. Всего 4,5 % родителей оценили состояние семейного бюджета как «в настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать». И 8,2 % селян отмечают, что «недоступно пока приобретение имущества типа автомашины, дачи и т.д.». Около трети родителей, семьи которых проживают в сельской местности, указывают, что «для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг». Согласно ответам родителей, у 14,5 % семей покупка одежды вызывает затруднения. Таким образом, по оценкам родителей экономическое положение сельских семей Калмыкии можно назвать сложным.

Сравнение ответов родителей, семьи которых проживают в столице и сельских населенных пунктах, свидетельствует о влиянии места проживания на оценку экономического положения. Самую низкую оценку семейному бюджету («денег до зарплаты не хватает») в 2,3 раз чаще дают жители села. А самые высокие оценки семейному бюджету («покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины, дачи и т.п.» и «в настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать») чаще дают городские респонденты, чем сельские респонденты: 12,7 % и 20,7 % соответственно. И покупка одежды вызывает затруднения у 12,1 % горожан и 14,5 % селян. Около трети городских и сельских респондентов отмечают, что «для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг». Таким образом, анализ свидетельствует о более сложном положении сельских семей

Таблица 2. Оценка родителями состояния семейного бюджета в зависимости от места проживания (в %)

Критерии оценки	Городские	Сельские
Денег до зарплаты не хватает	8,6	20,0
Живем от зарплаты до зарплаты	24,1	21,8
На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения	12,1	14,5

Критерии оценки	Городские	Сельские
Денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг	34,5	30,9
Покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины, дачи и т.п.	12,1	8,2
В настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать	8,6	4,5

Недостаток денежных средств вынуждает родителей прибегать к дополнительному приработку. Согласно нашему исследованию, 28,6 % родителей, семьи которых проживают в селе, заняты дополнительным приработком постоянно, а 33,9 % родителей — изредка, и 37,5 % родителям не приходится заниматься дополнительным приработком. Стоит отметить, что возможность трудоустройства в сельских населенных пунктах ограничена. Сравнение ответов родителей по месту проживания показывает близкие значения по вопросу дополнительного приработка. Так, постоянно вынуждены заниматься дополнительным приработком 29,6 % городских и 28,6 % сельских респондентов. Изредка заняты дополнительным приработком 29,6 % горожан и 33,9 % селян. Отрицательный ответ указали 40,7 % родителей, семьи которых проживают в столице, и 37,5 % родителей, семьи которых проживают в селе.

Кроме оценки экономического положения семьи, родителям предлагалось ответить на вопрос о выборе статей расходов при увеличении дохода. Основными вариантами были предложены: ремонт квартиры/дома; крупная покупка (мебель, холодильник, телевизор и др.); покупка одежды; путешествие; посещение театров, концертов; на еду; на лучшее образование детей; другое (свой вариант). Согласно нашему опросу, селяне использовали бы эти средства на лучшее образование для детей (80,9 %), на ремонт квартиры/дома (64,5 %), на путешествие (41,8%), на крупную покупку (30,9 %). Также существует необходимость использования дополнительных средств на покупку одежды (18,2 %) и на покупку еды (15,5 %). Стоит отметить, что последние две статьи расходов в два раза чаще указывают сельские жители, чем городские. Так,

дополнительные средства на покупку одежды использовали бы 6,9 % городских респондентов и 18,2 % сельских респондентов. И на покупку еды: 8,6 % горожан и 15,5 % селян. Ответы родителей показывают бедственное положение сельских семей, которые имеют трудности в удовлетворении первоочередных нужд.

Таким образом, оценка родителями свидетельствует о низком экономическом положении семей, проживающих в сельских населенных пунктах. И главной причиной данной ситуации являются высокий уровень безработицы и низкая оплата труда. Для улучшения положения сельских семей с детьми в регионе необходимы меры по развитию аграрного сектора экономики и созданию рабочих мест в селах.

Литература

Вяльшина А.А. Влияние денежных доходов семьи на благополучие и развитие сельских детей // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. 2016. № 1. С. 37–46.

Доля малоимущих — Доля малоимущих домохозяйств с детьми в возрасте до 18 лет в общей численности малоимущих домохозяйств [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 05.03.2019).

Елизаров, Сеница 2018 — *Елизаров В. В., Сеница А. Л.* Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2. С. 24–33.

Каргаполова и др. — *Каргаполова Е. В, Коннова С. Н., Потапова И. И., Черемных Е. О.* Денежные доходы населения как индикатор качества жизни населения в регионе (на примере Астраханской области) // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2017. № 2. С. 37–49.

О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации. Государственный доклад. 2015. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. М., 2015. 419 с.

О социально-экономическом — О социально-экономическом развитии регионов. Вступительное слово Дмитрия Медведева [электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/36183/> (дата обращения: 02.04.2019).

Петрякова 2016 — *Петрякова О. Л.* Основные тенденции динамики доходов семей в период экономического кризиса // Статистика и экономика. 2016. Т. 13. № 5. С. 36–41.

Регионы России — Регионы России. Социально-экономические показатели — 2018 г. [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения: 20.02.2019 г.).

Риа Рейтинг — Рейтинг регионов по благосостоянию семей. Итоги 2016 года. [электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru/regions/20170515/630062559.html> (дата обращения: 02.04.2019).

Чистик О. Ф. Анализ доходов населения Российской Федерации и ее регионов // Проблема развития предприятий: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции. Отв. ред. С.И. Ашмарина. Самара: Изд-во Самарского гос. экономического университета, 2014. С. 259–262.

References

Chistik O.F. [Analysis of the population income in the Russian Federation and its regions] // Problem of enterprise development: theory and practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Ed. -in-chief S.I. Ashmarina. Samara: Publishing house of Samara State University of Economics. 2014. Pp. 259–262. (In Russ.)

Elizarov V.V.; Sinitza A.L. [Poverty of the families with children: the definition and measurement problems, the regional features] // Living standards of the Russian regions population. 2018. № 2. Pp. 24–33. (In Russ.)

Kargapolova E. V., Konnova S.N., Potapova I.I., Cheremnykh E.O. [Monetary incomes of the population as an indicator of life quality in the region (by the example of Astrakhan region)] // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: economics. 2017. № 2. Pp. 37–49. (In Russ.)

[On socio-economic development of regions. Opening remarks by Dmitry Medvedev] [electronic resource]. URL: <http://government.ru/news/36183/> (Access date: 02.04.2019). (In Russ.)

On the situation of children and families with children in the Russian Federation. State report. 2015. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. M. 2015. 419 p. (In Russ.)

Petriakova O.L. [Main tendencies of the family income dynamics during the economic crisis] // Statistics and economics. 2016. Vol. 13. № 5. Pp. 36–41. (In Russ.)

[Proportion of low-income households with children under 18 years in total number of low-income households] [electronic resource] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (Access date: 05.03.2019). (In Russ.)

[Ranking of regions for the welfare of families. Results of 2016.] [electronic resource] URL: <http://riarating.ru/regions/20170515/630062559.html> (Access date: 02.04.2019). (In Russ.)

[Regions of Russia. Socio-economic indicators - 2018.] [electronic resource] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (Access date: 20.02.2019). (In Russ.)

Vialshina A.A. [Influence of the family income on well-being and development of rural children] // Regularities of regional agrifood systems development. 2016. №1. Pp.37–46. (In Russ.)

Социальная безопасность сельского населения Республики Калмыкия: на материале анкетного опроса 2019 г.

*Людмила Васильевна Намруева¹,
Лаг Цаганманджиевич Бадмахалгаев²*

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д.8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д.11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор экономических наук, профессор
ORCID: 0000-0002-2603-5733. E-mail: bosx13@inbox.ru

Аннотация. *Введение.* Под социальной безопасностью понимается защищенность интересов каждой личности и социума от различных вызовов, рисков, угроз, обеспечение важнейших прав человека (на жизнь, на труд и его достойную оплату, на бесплатное лечение и обучение, на доступный отдых, на гарантированную социальную защиту и др.), поддержание условий жизни и деятельности, удовлетворяющих человека. *Цель* статьи — используя отдельные результаты анкетного опроса сельского населения Республики Калмыкия, проведенного в мае 2019 г. (N=253), рассмотреть: оценку селянами собственного материального положения, факторов, влияющих на его ухудшение или улучшение, мнение об экономической ситуации в республике, степень удовлетворенности сельчан от деятельности социальных учреждений в районе и т. д. *Результаты.* Проведенное исследование позволило определить пятерку наиболее актуальных социальных проблем сельских территорий республики: низкий уровень оплаты труда (ранг 1), безработица (2), пьянство (3), миграция молодежи, одиночество стариков (4), отсутствие селообразующего предприятия (5). Результаты опроса показывают сильную поляризацию сельского общества. Большинство (67 %) респондентов социально не защищены, в силу сложного материального положения им недоступны оптимальные или достойные условия жизни.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, сельское население, социальная безопасность, материальное положение, жизненные перспективы

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного в рамках проекта КалмГУ им. Б. Б. Городовикова «Обеспечение социальной безопасности сельского населения полиэтничных регионов России (на примере республик Калмыкия и Дагестан)», поддержанного в 2019 г. по итогам внутривузовского конкурса грантов.

Для цитирования: Намруева Л.В., Бадмахалгаев Л.Ц. Социальная безопасность сельского населения Республики Калмыкия: на материале анкетного опроса 2019 г. Село России. 2019; (2): 109-128. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-109-128.

UDC 316.354:351/354

Social security of the rural population of the Republic of Kalmykia: based on the questionnaire survey 2019

Lyudmila V. Namrueva¹, Lag Ts. Badmahkalgaev²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Cand.Sc.D. (Sociology), Leading Research Associate

ORCID 0000-0001-7805-8710. E-mail: namruevalv@kigiran.com

² B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Sc.D. (Economics), Professor

ORCID: 0000-0002-2603-5733. E-mail: bosx13@inbox.ru

Abstract. Introduction. Social security means protecting the interests of each individual and society from various challenges, risks and threats, ensuring the most important human rights (to life, to work and its decent wages, to free treatment and training, to affordable recreation, to guaranteed social protection, etc.), and maintaining living and working conditions that satisfy a person. The purpose of the article is to use some results of the questionnaire survey of rural population of the Republic of Kalmykia conducted in May 2019. (N=253), in order to consider: villagers' assessment of their own financial situation, factors affecting its deterioration or improvement, the opinion about the economic situation in the republic, the degree of villagers' satisfaction

with the activities of social institutions in the district, etc. Results. The conducted research allowed to identify five most urgent social problems in rural areas of the republic: low wages (rank 1), unemployment (2), drunkenness (3), youth migration, loneliness of elderly people (4), lack of a village forming enterprise (5). The survey results show strong polarization of a rural community. The majority (67%) of respondents are not socially protected, because of their difficult financial situation they do not have access to optimal or decent living conditions.

Keywords: Republic of Kalmykia, rural population, social security, financial situation, life prospects

Acknowledgements: The article is based on the results of the research conducted within the framework of the project of Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov “Ensuring social security of rural population of the polyethnic regions of Russia (on the example of the Republics of Kalmykia and Dagestan)”, supported in 2019 as a result of the intra-university grant competition. For citation: Namrueva L.V., Badmakhalgaev L.Ts. Social security of the rural population of the Republic of Kalmykia: based on the questionnaire survey 2019. The village of Russia. 2019; (2): 109-128. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-109-128.

Введение

В настоящее время в условиях затяжного экономического кризиса жизненно важные интересы личности, семьи и общества порой недостаточно защищены от растущих опасностей и угроз. Исследователи отмечают, что «способность людей им противостоять определяется как кризисным состоянием социальной сферы российского общества, так и наличием у граждан тех или иных ресурсов, определённых активов, которые позволяют противодействовать неблагоприятным условиям окружающей среды» [Козырева, Смирнов 2016: 97].

Ключевое понятие в нашем исследовательском проекте — «социальная безопасность» в узком смысле трактуется как «защита интересов личности, семьи, общества или других субъектов в социальной сфере, развитии социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни» [Кузнецов 2008: 48].

Социологи из ФНИСЦ РАН, трактуя социальную безопасность, предполагают защищенность интересов человека и общества от недопустимых или неприемлемых рисков, вызовов, опасностей и

угроз, обеспечение жизненно важных прав в социальной сфере (на жизнь; на труд и его оплату; на бесплатное лечение и образование; на доступный отдых; на гарантированную социальную защиту и др.), поддержание оптимальных или достойных, удовлетворяющих человека условий жизни и деятельности [Козырева, Смирнов 2016: 97].

В расширенном толковании социальная безопасность понимается как «состояние общества, обеспечивающее максимальный уровень предоставляемых социальных благ и социальных условий, которое определяет качество жизни общества в целом и гарантирует наименьший риск для жизни и здоровья людей» [Черникова, Черданцев, Вшивкова 2015: 836]. В зоне социальной безопасности находятся самые различные проблемы социальной жизни, прежде всего определяющие социальное положение человека.

В данной статье проанализированы некоторые результаты анкетного опроса сельского населения Республики Калмыкия, проведенного в мае 2019 г.

Характеристика выборки

В анкетном опросе участвовало 253 респондента, жителя республики Калмыкия: из них 48 % — мужчины, 52 % — женщины. Все участники опроса — сельские жители. Распределение по возрасту выглядит следующим образом: от 18 до 20 лет — 9,5 %; от 21 до 30 лет — 13,8 %; от 31 до 40 лет — 19,4 %; от 41 до 50 лет — 17,4 %; от 51 до 60 лет — 26,5 %; старше 60 — 11,1 %.

Выборочная совокупность по этнической принадлежности распределена так: калмыки составляют подавляющее большинство — 80,6 %; русские — 11,5 %; представители других этнических групп — 7,9 %. Заметим, что в ходе анкетирования были опрошены респонденты тех районов, где калмыцкое население доминирует в численном составе. Недостаточное количество опрошенных русских и представителей других этнических групп не позволяет нам их анализировать отдельно.

Выборочная совокупность разделена и по уровню доходов. Так, лишь 2,8 % не испытывают материальных проблем, ни в чем себе не отказывают, в том числе в приобретении автомобиля, недвижи-

мости, отдыхе за границей. 3,7 % респондентов также материально благополучны, покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у них трудностей, они могут позволить отдых за границей (без ущерба). Четверть выборки также не испытывает финансовых проблем (25 %), они могут приобретать необходимые продукты и одежду, также бытовую технику. Более половины респондентов (53 %) испытывают материальные затруднения, их средств хватает только на приобретение продуктов питания. Десятая часть выборки (10 %) находится в нищете, они вынуждены постоянно брать в долг для покупки самого необходимого.

Сфера занятости массива: работники бюджетной сферы составляют 28,1 % выборочного массива; предприниматели — 5,5 %; студенты — 10,7 %; безработные — 16,6 %; пенсионеры — 13,8 %; наемные работники — 19,4 %; находящиеся в отпуске по уходу за ребенком — 2,4 %.

Оценка социальной защищенности сельского населения Республики Калмыкия

Важной характеристикой социальной защищенности населения является оценка собственного материального положения. М. К. Горшков, директор ФНИСЦ РАН, отмечает склонность россиян объяснять низкий уровень жизни сложившейся в стране общей экономической ситуацией. «Основная проблема, с которой сталкиваются россияне, — это материальные трудности (43 %), к которым относятся плохое материальное положение (36 %), скудное питание (4 %), проблемы с одеждой и обувью (3 %), а также с жильем (12 %)» [Горшков 2016: 17].

Результаты проведенного исследования показывают, что мнение опрошенных относительно оценки экономической ситуации в республике для своей семьи в 2018–2019 гг. отличается разнообразием. Так, только 15 % считают ее благоприятной, при этом мужчины (21 %) в два раза чаще, чем женщины (9 %), дали эту оценку. Почти треть (32 %), независимо от гендерной принадлежности, называют ее вполне терпимой. Такое же количество респондентов (32 %), чье материальное положение только ухудшается, с трудом

терпят сложившуюся экономическую ситуацию в республике. Она крайне сложна для 8 % респондентов, они называют ее нетерпимой, в этом случае женщин (11 %) в два раза больше, чем мужчин (6 %) (табл. 1).

В данной ситуации действует тенденция, определенная российскими социологами, когда «наличие больших групп респондентов с завышенной или заниженной самооценкой своего социально-экономического положения может свидетельствовать как о существенных сдвигах в уровне материального благосостояния россиян, так и о глубокой противоречивости массового сознания, характерного для нестабильного общества» [Козырева, Смирнов 2016: 101]. Можно констатировать, что сельский социум достаточно противоречив в оценках экономической ситуации в регионе и ее влиянии на положение семьи.

Таблица 1. *Распределение ответов на вопрос «Как оцениваете экономическую ситуацию в республике для своей семьи в 2018–2019 гг.?» (в % по группе)*

№	Варианты	Муж.	Жен.
1	благоприятной	21,3	9,3
2	вполне терпимой	29,5	34,9
3	терпимой с трудом	33,6	31,8
4	крайне трудной, нетерпимой	5,9	11,1
5	затрудняюсь ответить	3,3	2,3

Результаты, характеризующие материальное положение респондентов за последние три года, показывают сильную поляризацию сельского сообщества (табл. 2). Отметим, что эти данные совпадают с вопросом «паспортички», где определялся уровень доходов респондентов. Так, у 5 % опрошенных жизнь значительно улучшилась, это те, кто имеет достаток и сверхдоходы (они богаты и сверхбогаты). Материальные возможности этой категории позволяют им быть социально защищенными.

Почти четверть выборки призналась, что стали жить несколько лучше. По уровню доходов они отнесены нами к среднему классу.

Таким образом, 30 % сельских респондентов, несмотря на продолжительный экономический кризис в стране, смогли улучшить семейное благосостояние.

Чуть менее половины опрошенных (46 %) призналась, что финансовые возможности семьи не изменились. Корреляция с уровнем дохода показывает, что эти респонденты находятся в сложном материальном положении, когда средств хватает только на покупку продуктов питания.

Исходя из полученных данных выявлено, что у 14 % респондентов жизнь несколько ухудшилась, 6 % стали жить намного хуже, а 1,5 % живут в крайней нужде. В общей сложности 21,5 % респондентов указали, что за последние три года их материальное положение ухудшилось.

Суммируя три варианта ответов, подытоживаем, что большинство (67 %) респондентов социально не защищены, в силу тяжелого материального положения им недоступны оптимальные или достойные условия жизни.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как изменилось материальное положение Ваше (вашей семьи) за последние три года?» (в % по группе)

№	Варианты	Муж.	Жен.
1	стали жить значительно лучше	9,8	1,6
2	стали жить несколько лучше	23,8	23,3
3	не изменилось	37,7	54,3
4	стали жить несколько хуже	18,0	10,1
5	стали жить намного хуже	7,4	6,2
6	жить стало невозможно, еле сводим концы с концами	0,8	2,3
7	затрудняюсь ответить	2,5	2,3

Материальное положение улучшилось благодаря повышению зарплаты (мнение 20 %), увеличению пенсии (9 %), помощи уехавших из республики детей (19 %). Более четверти нашей выборки отметили, что им помогает выжить свое подворье (27,5 %). Небольшое количество расширило свое ЛПХ, продукцию которого продает на рынке (табл. 3).

По мнению 9 % опрошенных, экономическое состояние семьи ухудшилось вследствие ликвидации предприятия, потери работы, основного источника доходов.

Таблица 3. *Распределение ответов на вопрос «Благодаря каким факторам улучшилось/ухудшилось ваше материальное положение?» (в % по группе)*

№	Варианты	Муж.	Жен.
1	повысилась зарплата	25,4	15,5
2	увеличилась пенсия	12,3	7,0
3	ликвидировано предприятие — мои близкие потеряли работу	13,1	5,4
4	дети стали зарабатывать, уехав из республики	17,2	22,5
5	свое подворье помогает выжить	23,8	32,6
6	расширили свое ЛПХ, продукцию продаем на рынке	0,8	3,1

Целый блок вопросов позволяет определить степень удовлетворенности от деятельности некоторых учреждений в районе. Сферой образования 36 % респондентов удовлетворены полностью, 25 % скорее удовлетворены, чем не удовлетворены. Можно отметить, что большая часть опрошенных (61 %) в разной степени удовлетворена деятельностью образовательных учреждений в районе. Пятая часть опрошенных (20 %) испытывает разную степень удовлетворенности в зависимости от ситуации. 7 % скорее не удовлетворены, чем удовлетворены. 4 % полностью не удовлетворены. Количество тех, кого не устраивает деятельность образовательных учреждений (11 %), гораздо меньше тех, кого эта деятельность удовлетворяет (61 %).

Таблица 4.1. *Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, степень удовлетворенности от деятельности некоторых учреждений в вашем районе» (в % по группе)*

№	Варианты	Муж.	Жен.
	Образование		
1	Удовлетворен полностью	36,1	36,4

№	Варианты	Муж.	Жен.
	Образование		
2	Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	23,0	27,9
3	Бывает по-разному	22,1	18,6
4	Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	8,2	7,0
5	Полностью неудовлетворен	4,1	3,9
6	Затрудняюсь ответить	2,5	3,1

Сельской сферой культуры четверть удовлетворена полностью, такое же количество, 25 % респондентов, скорее удовлетворены, чем нет. Можно заключить, что половину опрошенных (50 %) в разной степени устраивает деятельность культурных учреждений в районе. Пятая часть опрошенных (22 %) призналась, что бывает по-разному. 9 % скорее не удовлетворены. 8 % полностью неудовлетворены. Количество тех, кого не устраивает деятельность учреждений культуры в районе (17 %), гораздо меньше тех, кого эта деятельность удовлетворяет (50 %).

Таблица 4.2. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, степень удовлетворенности от деятельности некоторых учреждений в вашем районе» (в % по группе)

№	Варианты	Муж.	Жен.
	Культура		
1	Удовлетворен полностью	26,2	25,6
2	Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	26,2	25,6
3	Бывает по-разному	23,8	21,7
4	Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	9,8	8,5
5	Полностью неудовлетворен	7,4	10,1
6	Затрудняюсь ответить	2,5	3,1

Сферой здравоохранения района 20 % респондентов удовлетворены полностью, 24 % скорее удовлетворены, чем нет. Суммируя положительные ответы, отметим, что 44 % опрошенных в разной степени удовлетворены деятельностью учреждений здравоохранения. Пятая часть опрошенных (22 %) испытывает разную степень удовлетворенности в зависимости от ситуации. 11 % ско-

рее не удовлетворены, чем удовлетворены. Десятую часть (10 %) полностью не устраивает эта сфера. В целом их количество (21 %) в два раза меньше тех, кого удовлетворяет деятельность медицинских учреждений (44 %).

Таблица 4.3 *Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, степень удовлетворенности от деятельности некоторых учреждений в вашем районе» (в % по группе)*

№	Варианты	Муж.	Жен.
	Здравоохранение		
1	Удовлетворен полностью	21,3	20,9
2	Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	24,6	25,6
3	Бывает по-разному	25,4	20,2
4	Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	11,5	12,4
5	Полностью неудовлетворен	7,4	14,0
6	Затрудняюсь ответить	2,5	3,1

Сельской сферой социальной защиты 17 % респондентов удовлетворены полностью, 31 % скорее удовлетворены, чем нет. Можно отметить, что почти половину опрошенных (48 %) в разной степени устраивает деятельность учреждений социальной защиты в районе. Пятая часть опрошенных (20 %) по-разному оценивает свое отношение к исследуемой сфере. 7 % скорее не удовлетворены. 13 % полностью неудовлетворены. Исходя из полученных данных, можно заключить, что количество тех, кто удовлетворен деятельностью учреждений соцзащиты в районе, в 2,4 раза больше тех, кого она не устраивает.

Таблица 4.4. *Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, степень удовлетворенности от деятельности некоторых учреждений в вашем районе» (в % по группе)*

№	Варианты	Муж.	Жен.
	Социальная защита		
1	Удовлетворен полностью	15,6	19,4
2	Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	33,6	29,5
3	Бывает по-разному	23,8	16,3

№	Варианты	Муж.	Жен.
	Социальная защита		
4	Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	10,7	5,4
5	Полностью не удовлетворен	7,4	19,4
6	Затрудняюсь ответить	0,8	3,9

Сельской полицией 23 % респондентов удовлетворены полностью, 17 % скорее удовлетворены, чем нет. Суммируя положительные ответы, укажем, что 40 % в разной степени устраивает деятельность районной полиции. Пятая часть опрошенных (22 %) призналась, что бывает по-разному. 7,5 % респондентов скорее не удовлетворены, чем удовлетворены. 10 % полностью не удовлетворены. Таким образом, количество тех, кого устраивает деятельность полиции в районе, в 2,4 раза превышает численность недовольных ее работой.

Таблица 4.5. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, степень удовлетворенности от деятельности некоторых учреждений в вашем районе» (в % по группе)

№	Варианты	Муж.	Жен.
	Полиция		
1	Удовлетворен полностью	23,0	24,0
2	Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	17,2	18,6
3	Бывает по-разному	32,0	13,2
4	Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	7,4	8,5
5	Полностью не удовлетворен	7,4	14,0
6	Затрудняюсь ответить	8,2	16,3

Из таблицы 4.6, где приведены совокупные результаты по всем исследуемым социальным сферам, следует, что опрошенные в большей степени удовлетворены деятельностью учреждений, осуществляющих образовательные и культурные услуги. Респондентов в меньшей степени устраивает работа учреждений здравоохранения, социальной защиты и полиции. Соответственно, недовольность нарастает от сферы образования и культуры к тем сферам, чья деятельность не устраивает в большей мере.

Таблица 4.6. *Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, степень удовлетворенности от деятельности некоторых учреждений в вашем районе» (в %)*

№	Варианты	Образование	Культура	Здравоохранение	Соц. защита	Полиция
1	Удовлетворен	61	50	44	48	40
3	Бывает по-разному	20	22	22	20	22
4	Не удовлетворен	11	16	21	21	17

Можно резюмировать, что учреждения, предоставляющие социальные условия, которые определяют качество жизни людей и социума в целом, в недостаточной степени способны гарантировать улучшение качества жизни сельского населения республики.

Социальная безопасность предполагает защищенность интересов личности и социума от различных рисков, вызовов, опасностей и угроз. Жизненно важные права человека в социальной сфере (на безопасную жизнь; на труд и его достойную оплату; на качественное лечение и образование; на доступный отдых; на гарантированную социальную защиту и др.) должны быть обеспечены в любом обществе.

В вопросе анкеты, который определял актуальность социальных проблем, можно было указать не более 3 вариантов (табл. 5). Пятерка наиболее актуальных социальных проблем проранжирована следующим образом: низкий уровень оплаты труда (ранг 1), безработица (2), пьянство (3), миграция молодежи, одиночество стариков (4), отсутствие селообразующего предприятия (5). По мнению половины опрошенных, сильно влияют на их жизнь низкий уровень оплаты труда (55 %), отсутствие работы на селе (52 %). Треть респондентов указала на такое девиантное явление, как пьянство (32 %), которое, к сожалению, в последнее время активно распространяется в сельских поселениях республики. Отметим, что миграция молодежи и одиночество сельского пожилого населения в большей степени влияет на жизнь сельских женщин (23 %), нежели мужчин-селян (16 %). Мнение мужчин (17 %) и женщин (14 %) о влиянии отсутствия селообразующего предприятия сильно не различается. Отметим, что мужчины (21 %) в большей мере озабочены ухудшением экологической ситуации, чем женщины (9 %).

От 14 % до 8 % респондентов отметили такие социальные проблемы, как отсутствие культурных учреждений (14%), отсутствие воды, газа (12 %), отсутствие доступной медицинской помощи (12 %).

Социальные проблемы, которые особо не влияют на жизнь наших респондентов: преступность (6 %), отсутствие педагогических кадров в образовательных учреждениях (1,5 %).

Наше исследование подтверждает выводы по российской выборке, где «более всего россиян беспокоят сегодня такие экономические и социальные проблемы, как низкие заработки и мизерные пенсии, рост цен, угроза безработицы, невысокое качество и доступность медицинских и образовательных услуг» [Козырева, Смирнов 2016: 105]. Как показывают исследования Института социологии РАН, все их можно отнести к трем наиболее распространенным типам проблем, волнующим россиян в их личной жизни: характеризующий материальные трудности, повышающий социально-экономическую уязвимость и связанный со здоровьем [Российское общество... 2016: 69–72]. Обострение этих проблем во время экономического кризиса сказалось на уровне и качестве жизни большинства россиян.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какие социальные проблемы села сильно влияют на вашу жизнь?» (в % по группе)

№	Варианты	Муж.	Жен.	Ранг
1	Безработица	51,2	53,5	2
2	Низкий уровень оплаты труда	49,6	61,2	1
3	Распространение бедности	7,4	9,3	10
4	Пьянство	34,7	29,5	3
5	Преступность	5,0	7,0	11
6	Отсутствие воды, газа	8,3	17,8	8
7	Отсутствие селообразующего предприятия	17,4	14,0	5
8	Отсутствие педагогических кадров в образовательных учреждениях	1,7	1,6	12
9	Отсутствие культурных учреждений	13,2	15,5	7
10	Отсутствие доступной медицинской помощи	10,7	13,2	9

№	Варианты	Муж.	Жен.	Ранг
11	Молодежь покидает село, оставляя стариков	15,7	23,3	4
12	Экологическая ситуация ухудшается	20,7	8,5	6

В вопросе, как улучшилось село за последние 3 года, необходимо было указать не более 3 вариантов из предложенного списка (табл. 6). Около половины опрошенных (47 %) считают, что жизнь на селе не улучшилась. Большинство респондентов, напротив, наблюдает позитивные изменения. Среди них: проведение водопровода, газопровода, ремонт асфальтированных дорог. Следует заметить, что мужчин (29 %), указавших на эти положительные стороны, в два раза больше, чем женщин (14 %). Пятая часть выборки отмечает как позитивный результат развитие личных подсобных хозяйств (ЛПХ). И вновь мужчин (25 %) несколько больше, чем женщин (18,0 %). Каждый шестой респондент позитивно отмечает повышение цен на сельхозпродукцию (мясо, шерсть, зерно), решение вопросов социальной инфраструктуры (детсад открыт, построен стадион).

Малозаметными являются такие изменения, как получение жилья от хозяйства молодыми специалистами (8 %). Это изменение пока не распространено в республике, оно характерно лишь малому числу хозяйств, которые, таким образом, закрепляют молодые кадры. Лишь единицы заметили, что доходы односельчан повысились, что действительно является редкостным явлением.

Таблица 6. *Распределение ответов на вопрос «Какие изменения к лучшему в вашем селе произошли за последние 3 года?» (в % по группе)*

№	Варианты	Муж.	Жен.	Ранг
1	Условия жизни улучшились (водопровод, газ, асфальтированная дорога)	29,7	14,1	2
2	Развиваются личные подсобные хозяйства (ЛПХ)	25,4	18,0	2
3	Цены на сельхозпродукцию (мясо, шерсть, зерно) повысились	16,9	20,3	3

№	Варианты	Муж.	Жен.	Ранг
4	Молодые специалисты могут получить жилье от хозяйства	9,3	7,8	4
5	Решены проблемы социальной инфраструктуры (детсад открыт, построен стадион)	16,1	21,1	3
6	Доходы односельчан повысились	4,2	2,3	5
7	Никаких изменений к лучшему не произошло	42,4	53,9	1

Следующий вопрос определял, насколько улучшился быт сельских жителей (табл. 7). Полученные данные свидетельствуют, что 69 % респондентов имеют стиральную машину. Микроволновая печь, спутниковая антенна стали обыденным бытовым техническим средством для 63 % опрошенных. Значительно уступает вышперечисленным бытовым приборам наличие сплит-системы (48 %), автомобиля (42 %).

Стоит отметить, что сплит-система, на наш взгляд, должна стать необходимым оборудованием в каждой семье, так как в жарких климатических условиях Калмыкии без нее жизнь сельчанина гораздо ухудшается. Но не каждая семья в силу материальных затруднений может позволить приобретение этого нужного технического средства, многим сельским семьям оно просто не по карману.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос
«*Имеет ли ваша семья (в % по группе):*»

№	Варианты	Муж.	Жен.
1	стиральную машину	65,8	72,2
2	автомобиль	48,3	37,3
3	микроволновую печь	57,5	69,0
4	спутниковую антенну	62,5	64,3
5	сплит-систему	45,0	52,4

Эксперты отмечают, что «серьезное снижение реальных доходов и ухудшение жизненных условий после вступления в новый кризис, несмотря на всю их относительность и неравномерность, порождало у россиян, даже занимающих невысокие социальные

позиции, своеобразный комплекс ожиданий дальнейших негативных изменений не только в их экономическом, но и в социальном положении» [Козырева, Смирнов 2016: 110].

Далее рассмотрим полученные результаты на вопрос «Беспокоит ли Вас невозможность обеспечить себя, свою семью самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев?». Каждый седьмой опрошенный (14 %) заметил, что бывает по-разному, когда имеются материальные затруднения, то беспокойство существует, а когда положение улучшается, то и тревоги за ближайшее будущее исчезают.

В общей сложности только 12 %% респондентов не волнуют проблемы материального обеспечения семьи (не очень — 8%, совсем не беспокоит — 4 %).

Большую часть опрошенных — 66 % — беспокоит невозможность обеспечить себя, свою семью самым необходимым в течение текущего года. Из них 44 % сильно этим озабочены, 22 % это беспокоит в меньшей степени. Заметим, что женщин (73 %) больше, чем мужчин (61 %), беспокоит отсутствие средств для обеспечения семьи. Корреляция с уровнем доходов показывает, что эта группа испытывает сильные материальные затруднения. Снижение доходов приводит к изменению привычного образа жизни, лишению возможности реализовать на достойном уровне жизненно важные потребности. Эти процессы отражаются на настроении населения, усилении социального пессимизма.

Таблица 8. *«Беспокоит ли Вас невозможность обеспечить себя, свою семью самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев?» (в % по группе)*

№	Варианты	Муж.	Жен.
1	Очень беспокоит	45,9	44,2
2	Немного беспокоит	15,6	29,5
3	И да, и нет	16,4	12,4
4	Не очень беспокоит	9,0	7,0
5	Совсем не беспокоит	4,1	3,9
	Затрудняюсь ответить	8,2	1,6

Проанализируем результаты на закрытый вопрос «Как Вы оцениваете семейные жизненные перспективы?». В оценке семейных жизненных перспектив мужчины (18 %) более чем в два раза оптимистичнее, нежели женщины (8 %) (табл. 9). Четверть нашего выборочного массива реалистична в оценке своих перспектив. По мнению 27 %, ничего не изменится. 8 % опрошенных с осторожностью замечают, что, возможно, их жизнь немного ухудшится. 5 % респондентов считают скептически, что они, их семьи будут жить гораздо хуже, чем в настоящее время.

Общие средние данные позволяют констатировать, что настроенных позитивно (41 %) в три раза больше, чем настроенных отрицательно (13 %). Безусловно, позитивный настрой позволяет сельским жителям пережить сложные времена, адаптироваться к суровым рыночным условиям, пытаться найти выход в трудных ситуациях.

Именно группа оптимистов может участвовать в создании такого морального фона в обществе, который способен помочь в преодолении существующих трудностей и поддержке социальной и политической стабильности [Баженова и др. 2016: 234]. Один из авторов в своих статьях отмечает, что группа оптимистов адаптировалась к жизни в рыночных условиях. Полученные результаты также свидетельствуют, что сельский социум не находится в состоянии эмоционального напряжения, которое способно привести к протестным действиям и проявлению агрессии [Намуева 2018: 168].

Таблица 9. *Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете семейные жизненные перспективы?» (в % по группе)*

№	Варианты	Муж.	Жен.
1	Будем жить намного лучше	18,9	8,5
2	Будем жить немного лучше	32,0	34,1
3	Ничего не изменится	27,0	31,0
4	Будем жить немного хуже	9,8	6,2
5	Будем жить намного хуже	4,9	6,2
	Затрудняюсь ответить	7,4	13,2

Полученные в ходе анкетного опроса ответы пятой части опрошенных (10 %) свидетельствуют, что они находятся на уровне бедности или обездоленности, то есть еле сводят концы с концами, их средств ни на что не хватает, постоянно берут продукты в долг (табл. 10). Большинство опрошенных (57 %) живет бедно, они могут приобретать только самое необходимое. Безусловно, нахождение большинства опрошенных (67 %) на уровне бедности и ниже этой черты показывает, что эта солидная часть общества, не приспособившись к жестким условиям рынка, зависит от заработной платы и государственных трансфертных платежей, которые помогают уязвимым группам пережить в какой-то степени сложности кризисного периода.

25 % респондентов живет в достатке, обеспеченно, это позволяет им приобретать необходимое и бытовую технику (без ущерба для бюджета). 3,7 % опрошенных не имеют никаких материальных проблем, так как могут приобретать качественные продукты питания, бытовую технику, отдыхать за границей (без ущерба). 2,9 % из всей выборки имеют доходы, которые позволяют им ко всему вышеуказанному покупать недвижимость. Можно утверждать, что в совокупности треть (31 %) приспособилась к рыночным условиям и не испытывает особых материальных проблем [Намруева, Нусаева, Бадмаева 2018].

Таблица 10. Ваши доходы позволяют Вам:

№	Доходы позволяют Вам:	Муж.	Жен.
1	Еле сводить концы с концами, ни на что не хватает, постоянно беру продукты в долг	9,8	10,9
2	Приобретать только самое необходимое	49,2	56,6
3	Приобретать необходимое и бытовую технику (без ущерба для бюджета)	24,6	26,4
4	Приобретать качественные продукты питания, бытовую технику, отдыхать за границей (без ущерба)	6,6	0,8
5	Приобретать качественные продукты питания, автомобиль, недвижимость, отдыхать за границей (без ущерба)	2,5	3,1

Заключение

Анализ показал, что в Калмыкии связь между удовлетворенностью жизнью и социальной безопасностью тесная. Удовлетворен-

ность жизнью сельского населения определяется материальными возможностями семьи, степенью развития социальной инфраструктуры на селе, поддержкой ведения сельскохозяйственных предприятий, личных, фермерских хозяйств. При отсутствии указанных показателей население чувствует себя социально не защищенным и социально уязвимым от различных негативных угроз и рисков.

Основными характеристиками современного села стали поляризация сельского сообщества и распространение социального неблагополучия. Российские эксперты неоднократно утверждали о прямой зависимости неравенства от экономического роста, что большему неравенству чаще соответствуют низкие или отрицательные показатели экономического роста и меньший уровень развития человеческого потенциала [Вебер 2005].

Все это в конечном счете приводит общество к такому состоянию, где не обеспечиваются социальные условия, определяющие достойный уровень жизни, минимизирующие опасности для жизни и здоровья людей.

Приведенные в данной статье количественные оценки социальной безопасности, удовлетворенности жизнью сельского населения в Калмыкии противоречивы и не всегда убедительны. Поэтому дальнейшее междисциплинарное изучение субъективного благополучия, социальной защищенности нам представляется весьма востребованным.

Литература

Баженова, Васьков, Волков 2016 — *Баженова Е. Ю., Васьков М. А., Волков Ю. Г.* Ростовская область: адаптация к жизни в условиях кризиса // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. ст.] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 228–253.

Вебер 2005 — *Вебер А. Б.* Неравенство и развитие // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике / под ред. А.А. Галкина и Ю.А. Красина. М.: УКТФ, 2005. С. 69–76.

Горшков 2016 — *Горшков М. К.* О социальном ресурсе адаптации россиян к условиям кризиса (вместо предисловия) / М. К. Горшков // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. статей] / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. 496 с. С. 5–20.

Козырева, Смирнов 2016 — *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Социальная опасность среднедоходных групп в России // Вестник ИС РАН. 2016. № 4 (19). С. 94–120.

Кузнецов 2008 — *Кузнецов В. Н.* Безопасность социальная // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. 608 с.

Намруева 2018 — *Намруева Л. В.* О социальной адаптации сельского населения Калмыкии (по итогам опросов 2016 и 2017 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 2. С. 162–170.

Намруева, Нухаева, Бадмаева 2018 — *Намруева Л. В., Нухаева Б. Б., Бадмаева Н. В.* Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов. Научный отчет. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2018. 292 с.

Российское общество 2016 — Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков и др.; под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.

Черникова., Черданцев, Вшивкова 2015 — *Черникова С. А., Черданцев В. П., Вшивкова Г. А.* Современные проблемы социальной безопасности // Фундаментальные исследования. 2015. № 11. (часть 4). С. 836– 838.

References

Bazhenova E.Yu, Vaskov M. A., Volkov Yu. G. Rostov region: adaptation to life in crisis // Russia reforming: Yearbook [collection]. art.] / Rev. edited By M. K. Gorshkov; Institute of sociology RAS. Moscow: Novy chronograf, 2016. Vol. 14. Pp. 228-253. (In Russ.)

Chernikova S. A., Cherdantsev V. P., Vshivkova G. A. Modern problems of social security. Fundamental researches. 2015. N 11. (part 4). S. 836– 838. (In Russ.)

Gorshkov M. K. On the social resource of adaptation of Russians to the conditions of the crisis (instead of the Preface) / M. K. Gorshkov // Russia reforming: Yearbook [collection]. of articles] / ed. edited By M. K. Gorshkov; Institute of sociology RAS. Moscow: Novy chronograph, 2016. Vol. 14. Pp. 5-20. (In Russ.)

Kozyreva P. M., Smirnov, A. I. Social security of middle-income groups in Russia // Bulletin of the RAS IS. 2016. No. 4(19). Pp. 94-120. (In Russ.)

Kuznetsov V. N. Social Security // Sociological dictionary / Rev. the editorship of G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. Moscow: Norma, 2008. 608 Pp. (In Russ.)

Namrueva L. V. On social adaptation of rural population of Kalmykia (on the basis of polls of 2016 and 2017) // Bulletin of Kalmyk Institute of humanitarian studies, RAS. 2018. No. 2. Pp. 162-170. (In Russ.)

Namrueva L. V., Nuskhayeva B. B., Badmaeva N. V. Development of rural territories of the South of Russia: complex analysis of social and economic processes. Scientific report. Elista: Calmic wounds, 2018. (In Russ.)

Russian society and the challenges of the time. Book three / M. K. Gorshkov et al.; ed. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. M.: the Whole World, 2016. 424 Pp. (In Russ.)

Weber A. B. Inequality and development // Social inequality in Russia: challenges to society and public policy / ed. by A. A. Galkin and Y. A. Krasin. Moscow: UKGF, 2005. Pp. 69-76. (In Russ.)

Финансовая грамотность населения: город vs село?

*Дарья Викторовна Моисеева¹,
Надежда Васильевна Дулина²*

¹ Волгоградский государственный технический университет (д. 28, пр. им. Ленина, 28400005 Волгоград, Российская Федерация)
кандидат социологических наук, доцент
ORCID: 0000-0003-2044-3418. E-mail: Moiseeva-D@yandex.ru

² Волгоградский государственный технический университет (д. 100, Университетский пр., 400062 Волгоград, Российская Федерация)
доктор социологических наук, профессор
ORCID: 0000-0002-6471-7073. E-mail: nv-dulina@volsu.ru

Аннотация. *Цель.* В статье обсуждается один из аспектов финансовой грамотности населения России, а именно — наличие различий в уровне финансовой грамотности городского и сельского населения. *Актуальность.* Поднятая проблематика актуализирована как сложной социально-экономической ситуацией в российских селах, так и работой по повышению финансовой грамотности, которую координирует руководство нашей страны. *Материалы.* Анализ публикаций зарубежных авторов показал, что исследователи в разных странах отмечают наличие не только региональных различий уровня финансовой грамотности населения, но и ставят вопрос о разнице между жителями городов и сел. Российские исследователи фиксируют региональные различия, но в ракурсе городского и сельского населения финансовую грамотность не изучают. В работе представлен вторичный анализ данных всероссийского социологического исследования «Рейтинг финансовой грамотности населения регионов России», реализованного в 2018 г. по заказу Минфина России в рамках проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». *Результаты* исследования показывают различия в уровне финансовой грамотности в разрезе городского и сельского населения во всех 85 субъектах России. Для анализа были выбраны пять самых урбанизированных и пять наименее урбанизированных регионов. Построенные распределения сделали возможным описать различия, которые состоят в том, что:

1) и городское, и сельское население урбанизированных регионов демонстрирует более высокий уровень финансовой грамотности; 2) городское население чаще показывает более высокий уровень финансовой грамотности. Однако необходимо указать на ряд важных ограничений проведенного анализа: 1) отсутствие открытого доступа к массиву данных (результаты представлены в виде конечных распределений) не позволили провести оценку статистической значимости выявленных различий; 2) в ходе анализа выявлены резкие колебания в ответах респондентов, что также требует дополнительного изучения; 3) все выводы ограничены рамками методики, используемой во всероссийском исследовании, эта методика не является единственной, и, возможно, что при другом способе измерения результаты получились бы иными. Понимая и принимая все ограничения выполненного анализа, мы считаем, что понимание различий как в уровне финансовой грамотности, так и в финансовых практиках горожан и селян является важной научной проблемой, обладающей прикладной значимостью. Через решение подобных задач возможно обеспечение адресности программ повышения финансовой грамотности, а, следовательно, и их эффективности.

Ключевые слова: финансовое поведение, финансовая грамотность, доходы населения, кредит, сбережения, население, финансовая культура, финансовые навыки

Для цитирования: Денисова Д.В., Дулина Н.В. Финансовая грамотность населения: город vs село? Село России. 2019; (2): 129-147. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-129-147.

UDC 316.334.2

Financial literacy of the population: city vs village?

*Darya V. Moiseeva*¹, *Nadezda V. Dulina*²

¹ Volgograd State Technical University (28, Lenin Av., Volgograd 400005, Russian Federation)
Cand.Sc. (Sociology), Associate Professor,
ORCID: E-mail: Moiseeva-D@yandex.ru

² Volgograd State University (100, Universitetsky Av., Volgograd 400062, Russian Federation)
Dr. Sc. (Sociology), Professor
ORCID: E-mail: nv-dulina@volsu.ru

Abstract. The article discusses one of the aspects of financial literacy of the Russian population, namely, the differences in the level of financial literacy of urban and rural population. The raised problems are actualized both by the difficult socio-economic situation in Russian villages and by the work on improving financial literacy, which is coordinated by the leadership of our country. The analysis of publications of foreign authors showed that researchers in different countries note the presence of not only regional differences in the level of financial literacy of the population, but also raise the question of the difference between the inhabitants of cities and villages. Russian researchers fix regional differences, but from the perspective of urban and rural population financial literacy is not studied. The paper presents a secondary analysis of the data of the all-Russian sociological research “Rating of financial literacy of the population of the regions of Russia”, implemented in 2018. commissioned by the Ministry of Finance of the Russian Federation as part of the project “Promotion of financial literacy and development of financial education in the Russian Federation”. The results of the study show differences in the level of financial literacy in the context of urban and rural population in all 85 subjects of Russia. The five most urbanized and five least urbanized regions were selected for the analysis. The constructed distributions made it possible to describe the differences, which are: 1) both urban and rural population of urbanized regions show a higher level of financial literacy; 2) urban population often shows a higher level of financial literacy. However, it is necessary to point out a number of important limitations of the analysis: 1) the lack of open access to the data set (the results are presented in the form of final distributions) did not allow to assess the statistical significance of the differences; 2) the analysis revealed sharp fluctuations in the responses of respondents, which also requires additional study; 3) all conclusions are limited to the methodology used in the all-Russian study, this technique is not the only one, and it is possible that with another method of measurement, the results would be different. Understanding and accepting all the limitations of the analysis, we believe that understanding the differences in the level of financial literacy and financial practices of citizens and villagers is an important scientific issue with applied significance. Through the solution of such problems, it is possible to ensure the targeting of programs to improve financial literacy, and, consequently, their effectiveness.

Keywords: financial behavior, financial literacy, household income, credit, savings, population, financial culture, financial skills.

For citation: Moiseeva D.V., Dulina N.V. Financial literacy of the population: city vs village? The village of Russia. 2019; (2): 129-147. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-129-147.

Введение

Оценка уровня финансовой грамотности населения уже более десятилетия является предметом исследований социологов как в России, так и за рубежом. Большое число исследований проводится по заказу органов федеральной и региональной власти. Совершенствование методик исследования, наращивание числа исследований, появление и развитие мониторинговых исследований со сложными выборками и инструментарием позволяют ставить все новые и новые исследовательские задачи. Одной из таких задач стало изучение уровня финансовой грамотности сельского и городского населения, оценка значимости различий в нем. Ответ на обозначенный исследовательский вопрос имеет прикладное значение: эффективность работы по повышению финансовой грамотности, проводимая в нашей стране, зависит от адресности программ. Без четкого понимания финансовых проблем, с которыми сталкиваются сельские и городские жители, невозможно грамотно разработать мероприятия, содействующие повышению финансовой грамотности населения в местах их реального проживания. В качестве гипотезы можно выдвинуть тезис о том, что изолированность жителей села от финансовой инфраструктуры, лучше представленной в городах, более низкие доходы и более низкий уровень жизни обуславливают и более низкий уровень финансовой грамотности. Для проверки гипотезы был выполнен вторичный анализ данных исследования «Рейтинг финансовой грамотности населения регионов России» [Рейтинг 2019].

Обзор исследований и публикаций

Тему финансовой грамотности населения активно обсуждают российские и зарубежные исследователи. Важно отметить, что методики, широко используемые как в России, так и за рубежом, были разработаны при непосредственном участии профессора НИУ «Высшая школа экономики» О. Е. Кузиной [Кузина 2009; Kuzina 2011; Кузина 2015 а; 2015 б; Kuzina 2015]. Если можно так выразиться, О. Е. Кузина нарисовала картину финансовой грамотности населения России широкими мазками, оставив проработку отдельных моментов другим исследователям. В эту работу активно

включились специалисты Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), которые регулярно проводят исследования по заказу Минфина России, Банка России и других государственных ведомств. Они представили результаты исследований финансового поведения и финансовой грамотности отдельных социальных групп: детей [Антонян и др. 2017; Антонян 2017; Лобанова и др. 2015], пенсионеров [Аймалетдинов и др. 2017].

Авторами данной работы неоднократно поднимался вопрос о том, что при исследовании уровня финансовой грамотности, да и практически любого социального явления в нашей стране, необходимо делать выводы не только по России в целом, но и на уровне отдельных регионов [Дулина, Моисеева 2017, 2018 а, 2018 б, 2018 в; Моисеева, Дулина 2017, 2019]. Зарубежными исследователями регулярно анализируются региональные различия в финансовой грамотности [Bumcrot et al. 2013; Fornero, Monticone 2011; Jorgensen et al. 2017], более того есть работы, ставящие акцент на отличиях финансового поведения городского и сельского населения. В исследовании 2011 г. Дж. Панос и Л. Клаппер (США) показали, как дифференцировано финансовое поведение городского и сельского населения России [Panos, Klapper 2011], а вот российские исследователи практически обошли данную тему своим вниманием. В рамках нашей работы предпринята попытка обсудить данную проблематику.

Информационная база исследования

Базой для описания различий уровня финансовой грамотности населения стали данные исследования «Рейтинг финансовой грамотности населения регионов России», размещенные в открытом доступе. Прежде чем представить отдельные результаты указанного исследования, необходимо уделить внимание его методике. Целью исследования учеными было обозначено определение уровня финансовой грамотности каждого из регионов России посредством проведения социологического опроса населения.

В рамках исследования под «уровнем финансовой грамотности» понимается совокупность знаний, навыков и установок в области финансов, позволяющих принимать обоснованные решения в от-

ношении распоряжения личными финансами и финансовыми продуктами» [Рейтинг 2019]. Разработка методологии исследования, сбор и анализ данных проведены Аналитическим центром НАФИ. Для обобщенного измерения уровня финансовой грамотности населения был построен Индекс финансовой грамотности, методология расчета которого разработана Организацией экономического сотрудничества и развития. Он отражает способность человека к разумному управлению личными финансами. Индекс финансовой грамотности принимает значения в диапазоне от 1 до 21 балла и рассчитывается как сумма значений трех частных индексов:

а) частный индекс «Знания» отражает понимание человеком базовых свойств финансовых продуктов (вкладов и займов), инфляции, а также взаимосвязи риска и доходности. Индекс строится на основе анализа ответов респондентов на 7 вопросов: 4 вопроса по финансовой арифметике и 3 вопроса, касающиеся базовых финансовых концептов / понятий. За каждый правильный ответ на вопрос человек получает 1 балл, итоговое значение индекса Знания рассчитывается как сумма набранных баллов. Максимальное допустимое значение для индекса Знания составляет 7 баллов;

б) частный индекс «Навыки» отражает умение человека принимать взвешенные финансовые решения в повседневной жизни. Его расчет проводится на основе ответов жителей РФ на 9 вопросов о планировании расходов и доходов, ведении семейного бюджета, решении финансовых проблем, а также способах выбора финансовых продуктов и услуг. За каждый правильный ответ на вопрос респондент получает 1 балл, итоговое значение индекса Навыки рассчитывается как сумма набранных баллов. Максимальное допустимое значение для индекса Навыки составляет 9 баллов.

в) частный индекс «Установки» отражает ориентацию человека на достижение долгосрочных финансовых целей, понимание необходимости соблюдения разумного баланса трат и сбережений. Индекс строится на основании трех вопросов. По каждому из вопросов респондент может получить от 1 до 5 баллов. Итоговое значение индекса Установки рассчитывается как среднее арифметическое трех ответов. Максимальное допустимое значение для индекса Установки составляет 5 баллов.

Далее была выполнена группировка регионов по уровню финансовой грамотности.

I этап. Группировка регионов по частным индексам «Знания», «Навыки», «Установки».

Для каждого региона в соответствии с методикой ОЭСР проводится расчет значения частных индексов. По каждому частному индексу выстраивается упорядоченный список регионов — от наибольшего значения до наименьшего. Каждый из регионов получает свое место в этом списке — ранг. Регионы разбиваются на пять групп, и каждому региону присваивается буквенный код: «Группа а — Высокий» (ранги с 1 по 16), «Группа b — Выше среднего» (ранги с 17 по 33), «Группа с — Средний» (ранги с 34 по 52), «Группа d — Ниже среднего» (ранги с 53 по 69), «Группа е — Низкий» (ранги с 70 по 85).

II этап. Группировка регионов по Индексу финансовой грамотности.

Для каждого региона в соответствии с методикой ОЭСР проводится расчет значений Индекса как суммы значений трех частных индексов («Знания», «Навыки», «Установки»). По величине Индекса выстраивается упорядоченный список регионов — от наибольшего значения до наименьшего. Каждый из регионов получает свое место в этом списке — ранг (классификация по рангам аналогична описанной выше).

III этап. Присвоение буквенного кода финансовой грамотности для каждого из регионов.

Каждый регион получает свой буквенный код, состоящий из четырех символов — он записывается как «А | вас». Первый символ обозначает группу региона по величине Индекса финансовой грамотности, второй — группу по величине частного индекса «Знания», третий — группу региона по величине частного индекса «Навыки», четвертый — группу региона по величине частного индекса «Установки».

Описываемое исследование было реализовано в июле 2018 г. в каждом из 85 субъектов Российской Федерации. Опрос проводился методом личного формализованного интервью по месту житель-

ства респондента. Объем каждой региональной выборки взрослого населения составляет 1000 респондентов. Тип выборки — территориальная, стратифицированная, маршрутная. Максимальная статистическая погрешность при доверительном уровне 0,95 составляет $\pm 3,1$ %.

Всероссийская выборочная совокупность формируется путем объединения всех региональных выборок с применением весовых коэффициентов. Общий объем всероссийской выборки составляет 85 000 респондентов. Объединенная и взвешенная выборочная совокупность репрезентирует население РФ по полу, возрасту, типу населенного пункта, федеральным округам. Максимальная статистическая погрешность при доверительном уровне 0,95 составляет $\pm 0,4$ %.

Хотелось бы отметить, что на интерактивной карте по каждому региону представлено распределение ответов по типу населенного пункта, именно эти данные и стали предметом нашего исследовательского интереса. В ходе работы с данными исследования мы столкнулись с рядом сложностей:

1) отсутствие в открытом доступе самого исходного массива, а лишь визуализация результатов исследования. Доступ к массиву позволил бы сделать более содержательные выводы, оценить статистическую значимость выявленных различий. Нами были выбраны наиболее и наименее урбанизированные регионы России, например, доля сельского населения в Магаданской области, согласно статистическим данным, составляет 4,1 %, в рейтинге по данному региону также представлено распределение ответов на вопросы в разрезе городское / сельское население, при таком соотношении жителей города и села в регионе вряд ли различия будут статистически значимы. К сожалению, НАФИ не открывает свои данные, так как это делает, например, НИУ ВШЭ посредством Единого архива экономических и социологических данных;

2) по России данные представлены в разрезе размера населенного пункта, а на уровне регионов по типу населенного пункта, что также осложняет сравнительный анализ данных (рис.1–2).

Финансовая устойчивость семьи

Индикатор отражает продолжительность сохранения семьей привычного уровня жизни в случае потери основного источника дохода.

"Если Ваша семья потеряет основной источник дохода, как долго Вы сможете оплачивать все необходимые расходы, не занимая денег?" % ответивших "Не меньше месяца"

Рис. 1 Распределение ответов респондентов по России в целом в разрезе размера населенного пункта (скрин-шот страницы, на котором представлены результаты исследования)

Республика Калмыкия

Финансовая устойчивость семьи

Индикатор отражает продолжительность сохранения семьей привычного уровня жизни в случае потери основного источника дохода.

"Если Ваша семья потеряет основной источник дохода, как долго Вы сможете оплачивать все необходимые расходы, не занимая денег?" % ответивших "Не меньше месяца"

Рис. 2. Распределение ответов респондентов по Республике Калмыкия в разрезе типа населенного пункта (скрин-шот страницы, на котором представлены результаты исследования)

Несмотря на некоторые сложности при работе с результатами исследования, полученные материалы нам кажутся достаточно ценными и интересными не только для органов власти, но и широкого научного сообщества.

Представление результатов

Для анализа различий в уровне финансовой грамотности городского и сельского населения нами, как уже было упомянуто выше, было отобрано 10 регионов: 5 субъектов Российской Федерации с наибольшей долей сельского населения в регионе (согласно статистическим данным, это такие Республики: Алтай, Чеченская, Карачаево-Черкесская, Дагестан, Калмыкия) и 5 субъектов с наименьшей долей сельского населения в регионе (согласно статистическим данным, это следующие области: Магаданская, Мурманская, Кемеровская, Свердловская, Челябинская). Можно предположить, что регионы с высокой долей сельского населения будут демонстрировать сходный уровень финансовой грамотности и сходные финансовые практики, аналогично и для высоко урбанизированных регионов.

В табл. 1–2 представлены показатели, характеризующие уровень финансовой грамотности городского и сельского населения отобранных для сравнения регионов.

Таблица 1. Показатели, характеризующие уровень финансовой грамотности городского и сельского населения низко урбанизированных регионов России

Показатели, характеризующие уровень финансовой грамотности	Регионы с наибольшей долей сельского населения в регионе									
	Республика Алтай (71%*)		Чеченская Республика (65,1%*)		Карачаево-Черкесская Республика (57,3%*)		Республика Дагестан (54,8%*)		Республика Калмыкия (54,6%*)	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Индекс финансовой грамотности	B		E		E		E		A	
Частный индекс «Знания»	a		e		e		d		b	
Частный индекс «Навыки»	b		e		e		e		b	

Показатели, характеризующие уровень финансовой грамотности	Регионы с наибольшей долей сельского населения в регионе									
	Республика Алтай (71%*)		Чеченская Республика (65,1%*)		Карачаево-Черкесская Республика (57,3%*)		Республика Дагестан (54,8%*)		Республика Калмыкия (54,6%*)	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Частный индекс «Установки»	е		б		с		с		а	
1) продолжительность сохранения семьей привычного уровня жизни в случае потери основного источника дохода	33	29	34	18	30	42	44	36	36	32
2) финансово грамотное поведение, предполагающее регулярное пополнение сберегательной «подушки безопасности» в соответствии с принципом «сначала отложить, оставшееся потратить»	17	13	5	5	18	16	16	9	19	14
3) ориентация человека на формирование сбережений в виде банковских вкладов, различных инвестиционных инструментов	18	12	6	5	14	18	14	11	29	20
4) уровень использования банковских карт различных типов, включая дебетовые, кредитные и виртуальные платежные карты	74	71	34	17	61	56	56	42	84	83
5) доля населения, предпочитающая безналичную оплату покупок в повседневной жизни	13	12	1	0	6	2	3	2	19	6
6) доля населения, использующая мобильный- и интернет-банк для выполнения различных финансовых операций	27	13	16	11	28	19	32	9	48	39

Показатели, характеризующие уровень финансовой грамотности	Регионы с наибольшей долей сельского населения в регионе									
	Республика Алтай (71%*)		Чеченская Республика (65,1%*)		Карачаев-Черкесская Республика (57,3%*)		Республика Дагестан (54,8%*)		Республика Калмыкия (54,6%*)	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
7) доля населения, способная распознавать «финансовые пирамиды» — недобросовестные финансовые организации, использующие мошеннические схемы	23	18	14	15	16	13	13	13	37	19
8) доля населения, демонстрирующая ответственность и грамотность при заключении договоров в отношении финансовых продуктов и услуг	25	19	6	5	19	14	12	21	11	6
9) доля населения, доверяющая банкам	66	63	49	44	54	58	52	48	81	83

*доля сельского населения в регионе в 2018 г.

Таблица 2. Показатели, характеризующие уровень финансовой грамотности городского и сельского населения высоко урбанизированных регионов России

Показатели, характеризующие уровень финансовой грамотности	Регионы с наименьшей долей сельского населения в регионе									
	Магаданская область (4,1%*)		Мурманская область (7,7%*)		Кемеровская область (14%*)		Свердловская область (15,2%*)		Челябинская область (17,3%*)	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Индекс финансовой грамотности	А		В		D		B		C	

Показатели, характеризующие уровень финансовой грамотности	Регионы с наименьшей долей сельского населения в регионе									
	Магадан- ская область (4,1%*)		Мурманская область (7,7%*)		Кемеров- ская область (14%*)		Свердлов- ская область (15,2%*)		Челябин- ская область (17,3%*)	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Частный индекс «Знания»	d		a		d		b		b	
Частный индекс «Навыки»	a		d		c		c		d	
Частный индекс «Установки»	b		a		d		d		b	
1) продолжительность со- хранения семьей привычного уровня жизни в случае по- тери основного источника дохода	58	50	49	35	39	32	40	29	37	21
2) финансово грамотное по- ведение, предполагающее регулярное пополнение сбе- регательной «подушки без- опасности» в соответствии с принципом «сначала отло- жить, оставшееся потратить»	15	6	17	8	21	42	14	8	24	20
3) ориентация человека на формирование сбережений в виде банковских вкладов, различных инвестиционных инструментов	43	38	41	20	31	21	27	12	30	18
4) уровень использования банковских карт различных типов, включая дебетовые, кредитные и виртуальные платежные карты	78	76	83	88	76	73	79	61	75	74
5) доля населения, предпочи- тающая безналичную оплату покупок в повседневной жизни	36	20	29	24	24	18	18	9	17	10
6) доля населения, ис- пользующая мобильный- и интернет-банк для выполне- ния различных финансовых операций	45	46	35	38	34	24	36	25	34	24

Показатели, характеризующие уровень финансовой грамотности	Регионы с наименьшей долей сельского населения в регионе									
	Магадан- ская область (4,1%*)		Мурманская область (7,7%*)		Кемеров- ская область (14%*)		Свердлов- ская область (15,2%*)		Челябин- ская область (17,3%*)	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
7) доля населения, способная распознавать «финансовые пирамиды» — недобросо- вестные финансовые органи- зации, использующие мошен- нические схемы	47	40	31	14	30	21	26	22	31	29
8) доля населения, демонстри- рующая ответственность и грамотность при заключении договоров в отношении фи- нансовых продуктов и услуг	28	23	22	17	18	14	18	12	16	8
9) доля населения, доверяю- щая банкам	65	73	73	46	67	66	69	63	16	8

*доля сельского населения в регионе в 2018 г.

Надо отметить, что никакого «единодушия» в уровне финансовой грамотности населения в рамках выделенных нами групп низко и высоко урбанизированных регионов не наблюдается. Сельские регионы демонстрируют кардинальную разницу в уровне финансовой грамотности: Республика Калмыкия в этом рейтинге попала на первые строчки (группа А), а Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан — наоборот, на нижних строчках рейтинга (группа Е). По многим показателям финансовой грамотности эти три республики демонстрируют сходные значения. А вот Республика Калмыкия близка к Республике Алтай. Если посмотреть различия финансовой грамотности городского и сельского населения, то можно отметить, что «цифры» пляшут:

а) в отдельных случаях сельское население демонстрирует более высокий уровень грамотности. Например, в Карачаево-Черкесской Республике доля сельского населения, которая ответила,

что если семья потеряет основной источник дохода, то не меньше месяца сможет оплачивать все необходимые расходы, не занимая денег, составила 42 %, а городского — 30 %. Подобное соотношение ответов наблюдается только по названной республике;

б) по пяти показателям различия в ответах горожан и селян практически укладываются в заявленную статистическую погрешность — это финансово грамотное поведение, предполагающее регулярное пополнение сберегательной «подушки безопасности» в соответствии с принципом «сначала отложить, оставшееся потратить»; ориентация человека на формирование сбережений в виде банковских вкладов, различных инвестиционных инструментов; доля населения, предпочитающая безналичную оплату покупок в повседневной жизни; доля населения, демонстрирующая ответственность и грамотность при заключении договоров в отношении финансовых продуктов и услуг; доля населения, доверяющая банкам. Почти всегда значения ответов горожан чуть выше, чем селян;

в) наиболее «спорными» стали три вопроса, т. е. различия в ответах по ним между городом и селом доходят до 23 %. Рассмотрим подробнее этот момент.

В Чеченской республике 34 % горожан и только 18 % селян отметили, что продолжительность сохранения семьей привычного уровня жизни в случае потери основного источника дохода составит более месяца, по другим субъектам (кроме Карачаево-Черкесской республики, описанной выше) разница составляет 4–8 %. По Чеченской Республике и Республике Дагестан разница в ответах на вопрос об использовании банковских карт различных типов, включая дебетовые, кредитные и виртуальные платежные карты, составила 17 % и 14 % соответственно, по другим низко урбанизированным территориям такого разрыва нет. По Республикам Алтай и Дагестан наблюдаются различия в доле населения, использующей мобильный- и интернет-банк для выполнения различных финансовых операций, соответственно 14 % и 23 %. Описанные «выбросы» требуют особого объяснения, которое возможно было бы легко снять при непосредственной работе с массивом данных.

Разница в ответах по высоко урбанизированным регионам доходит до 27 %, что не вполне объяснимо в рамках выбранного

способа анализа, вопрос о репрезентативности региональных выборок по типу населенного пункта в этом исследовании ставился выше. В целом можно отметить, что в большинстве ответов городские жители чаще дают «правильные» ответы, а высоко урбанизированные регионы занимают более высокие строчки в рейтинге финансовой грамотности.

Обсуждение и результаты

Подводя итоги проведенного анализа, хотелось бы отметить, что гипотеза, лежащая на поверхности, о том, что городские жители более финансово грамотные, чем сельские, не подтвердилась полностью, но и опровергнуть ее не представляется возможным. В рамках методики, используемой в исследовании «Рейтинг финансовой грамотности населения регионов России», в среднем жители высоко урбанизированных регионов демонстрируют более высокий уровень, чем жители низко урбанизированных регионов. При этом Республика Калмыкия, где доля сельского населения в 2018 г. составляла 54,6 %, как и Магаданская область (доля сельского населения 4,1 %), признана регионом с высоким уровнем финансовой грамотности населения. Республика Алтай (71% сельского населения) вместе с Мурманской и Свердловской областями (7,7 % и 15,2 % сельского населения соответственно) попали в группу регионов с уровнем финансовой грамотности выше среднего. Разница в распределении ответов между городским и сельским населением по регионам колеблется от 21 % до 27 %, т.е. на ряд вопросов сельские жители гораздо чаще дают «правильные» ответы, и, наоборот, в некоторых случаях «гораздо грамотнее» городское население. Подобные колебания требуют дополнительного исследования.

Важно подчеркнуть, что решить поставленные задачи не удалось в полной мере, что нередко бывает при вторичном анализе данных. При этом полученные результаты в рамках поднятой проблематики говорят о необходимости дальнейших исследований в этом направлении, поиске новых подходов к измерению финансовой грамотности, глубокого анализа различий как в уровне финансовой грамотности, так и в финансовых практиках горожан и селян.

Литература

Аймалетдинов и др. 2017 — *Аймалетдинов Т. А., Антонян С. С., Баймуратова Л. Р., Имаева Г. Р., Томилова О. В., Шарова О. А.* Финансовое поведение пожилых людей в России в контексте цифровизации. Аналит. Центр НАФИ. М.: Изд-во НАФИ, 2017. 84 с.

Антонян 2017 — *Антонян С. С.* Деньги детям – не игрушка // *Банковское обозрение.* 2017. № 4 (219). С. 88–89.

Антонян и др. 2017 — *Антонян С. С., Имаева Г. Р., Аймалетдинов Т. А., Баймуратова Л. Р., Шарова О. А.* Дети и финансы 2.0: безопасность сбережений и расчетов. М., 2017. 72 с.

Дулина, Моисеева 2018 а — *Дулина Н. В., Моисеева Д. В.* Региональные различия в финансовых практиках и установках современного российского студенчества (по материалам прикладного социологического исследования) // *Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2018. № 44. С. 155–168.

Дулина, Моисеева 2018 б — *Дулина Н. В., Моисеева Д. В.* Финансовая грамотность населения: региональные отличия (на примере Республики Беларусь) // *Социологический альманах : научное периодическое издание / НАН Беларуси, Ин-т социологии.* 2018. Вып. 9. С. 226–235.

Дулина, Моисеева 2018 в — *Дулина Н. В., Моисеева Д. В.* Финансовое поведение населения: выявление региональных отличий // *Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования.* 2018. Т. 4. № 1. С. 95–112.

Кузина 2009 — *Кузина О. Е.* Финансовая грамотность молодежи // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2009. Т. 4. № 92. С. 157–177.

Кузина 2015 а — *Кузина О. Е.* Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты применения в России // *Вопросы экономики.* 2015. № 8. С. 129–148.

Кузина 2015 б — *Кузина О. Е.* Финансовая компетентность россиян: результаты международного сравнительного исследования // *Деньги и кредит.* 2015. № 5. С. 64–68.

Лобанова и др. 2015 — *Лобанова И., Имаева Г., Аймалетдинов Т.* Дети и финансы. М., 2015. 72 с.

Моисеева, Дулина 2017 — *Моисеева Д. В., Дулина Н. В.* Финансовая грамотность населения: региональные различия [Электронный ресурс] // *Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: материалы V Тюменского междунар. социол. форума (5–6 октября 2017 г.). Тюмень, 2017.* С. 869–872. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Моисеева, Дулина 2019 — *Моисеева Д. В., Дулина Н. В.* Финансовое поведение жителей Республики Калмыкия: экономико-статистический анализ // *Регионология.* 2019. Т. 27. No 3. С. 534–553. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.534-553>

Рейтинг 2019 — Рейтинг финансовой грамотности населения регионов России [электронный ресурс] // Национальное агентство финансовых исследований. URL: <https://www.karta.vashifinancy.ru/about> (дата обращения: 1.09.2019).

Bumcrot et al — *Bumcrot C. D., Lin J., Lusardi A.* (2013) The Geography of Financial Literacy. *Numeracy*, vol. 6, no 2, art. 2. Accessed on 23 November 2017. (In Eng.) DOI: 10.5038/1936-4660.6.2.2

Fornero, Monticone 2011 — *Fornero E., Monticone C.* (2011). Financial Literacy and Pension Plan Participation in Italy. *Journal of Pension Economics and Finance*, vol. 10, no 4, pp. 547–564. Accessed on 15 September 2018. (In Eng.) Available at: http://www.cerp.carloalberto.org/wp-content/uploads/2011/03/wp_111.pdf (accessed 10.03.2019).

Jorgensen et al. 2017 — *Jorgensen B. L., Foster D., Jensen J. F., Vieira E.* (2017). Financial Attitudes and Responsible Spending Behavior of Emerging Adults: Does Geographic Location Matter?. *Journal of Family and Economic Issues*, March, vol. 38, no 1, pp 70–83. (In Eng.) Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10834-016-9512-5> (accessed 20.03.2019).

Kuzina 2011 — *Kuzina O. E.* The Level of Financial Literacy of Russians: Before and During the Crisis of 2008-2009 // *Economic sociology – The European electronic newsletter*. 2011. Vol. 12. No. 2. P. 27–43.

Kuzina 2015 — *Kuzina O. E.* The Financial capability of Russians: Measurement and Policy Implication / NRU HSE. Series WP9 «Серия WP9 «Исследования по экономике и финансам»». 2015.

Panos, Klapper 2011 — *Panos G. A., Klapper L.* 2011. Financial Literacy and Retirement Planning: The Russian Case. Policy Research. Working Paper 5827. Accessed on 15 September 2018. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/3591/WPS5827.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 20.03.2019).

References

Aimaletdinov T. A., Antonyan S. S., Baymuratova L. R., Imaeva G. R., Tomilova O. V., Sharova O. A. [Financial Behaviour of Elderly People in Russia in Context of Digitalization]. Analytical NAFI Center. M. Moscow: NAFI Publishing House, 2017. 84 p. (In Russ.)

Antonyan S.S. [Money for children is not a toy]// *Bank Review*. 2017. № 4 (219). Pp. 88–89. (In Russ.)

Antonyan S.S., Imaeva G.R., Aimaletdinov T.A., Baymuratova L.R., Sharova O.A. [Children and Finance 2.0: Safety of Savings and Calculations]. Moscow, 2017. 72 p. (In Russ.)

Bumcrot C. D., Lin J., Lusardi A. (2013) The Geography of Financial Literacy. *Numeracy*, vol. 6, no 2, art. 2. Accessed on 23 November 2017. (In Eng.) DOI: 10.5038/1936-4660.6.2.2

Dulina, N.V., Moiseeva, D.V. [Regional distinctions in the financial practices and attitudes of the modern Russian students (on materials of the applied sociological research)] // *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2018. № 44. Pp. 155–168. (In Russ.)

Fornero E., Monticone C. (2011). Financial Literacy and Pension Plan Participation in Italy. *Journal of Pension Economics and Finance*, vol. 10, no 4, pp. 547–564. Accessed on 15 September 2018. (In Eng.) Available at: http://www.cerp.carloalberto.org/wp-content/uploads/2011/03/wp_111.pdf (accessed 10.03.2019)

Jorgensen B. L., Foster D., Jensen J. F., Vieira E. (2017). Financial Attitudes and Responsible Spending Behavior of Emerging Adults: Does Geographic Location Matter?. *Journal of Family and Economic Issues*, March, vol. 38, no 1, pp 70-83. (In Eng.) Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10834-016-9512-5> (accessed 20.03.2019)

Kuzina O.E. [Financial literacy of the youth // Public opinion monitoring: Economic and social changes. 2009. T. 4. № 92. Pp. 157–177. (In Russ.)

Kuzina O.E. Financial literacy and financial competence: definition, measurement methods and application results in Russia] // *Issues of Economics*. 2015. № 8. Pp. 129–148. (In Russ.)

Kuzina O.E. [Financial competence of the Russians: results of the international comparative research] // *Money and credit*. 2015. № 5. Pp. 64–68. (In Russ.)

Kuzina O. E. The Level of Financial Literacy of Russians: Before and During the Crisis of 2008-2009 // *Economic sociology – The European electronic newsletter*. 2011. Vol. 12. No. 2. P. 27–43.

Kuzina O. E. The Financial capability of Russians: Measurement and Policy Implication / NRU HSE. Series WP9 “Economic and Financial Studies”. 2015.

Lobanova I., Imaeva G., Aimaletdinov T. [Children and Finance]. Moscow, 2015. 72 p. (In Russ.)

Moiseeva D.V., Dulina N.V. [Financial literacy of the population: regional differences] [Electronic resource] // *Dynamics of the social transformation of Russian society: regional aspects: Proceedings of V Tyumen international social forum* (October 5-6, 2017). Tyumen, 2017. Pp. 869–872. 1 electronic optical disc (CD-ROM). (In Russ.)

Moiseeva D.V., Dulina N.V. [Financial behaviour of the inhabitants of the Republic of Kalmykia: an economic-statistical analysis] // *Regionologia*. 2019. Vol. 27, No 3. Pp. 534–553. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.107.027.201903.534-553>. (In Russ.)

Panos G. A., Klapper L. 2011. Financial Literacy and Retirement Planning: The Russian Case. Policy Research. Working Paper 5827. Accessed on 15 September 2018. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/3591/WPS5827.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 20.03.2019)

[Rating of Financial Literacy of the Population of Russian Regions] [electronic resource] // National Agency for Financial Research. URL: <https://www.karta.vashfinancy.ru/about> (Access date: 1.09.2019). (In Russ.)

Новые институты управления развитием сельских территорий: факторы и направления поиска

*Марина Васильевна Тарасова*¹

¹ Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, научный сотрудник

ORCID: 0000-0003-1716-2658. E-mail: tarasova_marina_01@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию факторов, определяющих развитие сельских территорий в годы после финансово-экономического кризиса первого десятилетия XXI в. На основе анализа государственных программ развития сельского хозяйства, состояния окружающей среды и протестной активности населения представлены выводы и предложения по институтам и инструментам управления территориальным развитием в условиях институциональных и структурных изменений в аграрной экономике России. *Цель.* Рассматриваются важнейшие изменения в социальном развитии сельских территорий с 2002 по 2018 гг. В настоящее время социальная политика государства в целом и государственная поддержка развития сельских территорий пока не позволяют российскому селу выйти из фазы своей системной деградации. В этой связи предпринята попытка адаптировать когнитивные модели к выявленным тенденциям развития сельских территорий, предложить их в качестве новых инструментов управления территориальным развитием. В статье использованы статистические и информационно-аналитические *материалы* Росстата, информационные базы Минсельхоза России, Минтруда Ростовской области, результаты мониторинга СМИ и экспериментальных расчетов, материалы научных центров. *Методы и приемы.* В исследовании применяется когнитивная модель, которая позволяет отражать быстрое изменение в социально-экономическом развитии территорий, устанавливать опорные точки, обеспечивающие гармонизацию структурных характеристик развития сельских территорий. *Результаты.* Проведен анализ социально-экономических тенденций в развитии сельских территорий в последнее десятилетие, а также анализ состояния экологии и уровня конфликт-

ности на селе. Отмечено, что, несмотря на обновление социальной инфраструктуры, продолжает снижаться уровень социального контроля сельских территорий. Особое внимание уделено протестной активности населения регионов, в том числе в сельской местности. Раскрыты возможности применения когнитивных моделей как инструментов управления развитием сельских территорий путем введения в них конфликтологического блока и включения в него таких концептов, как «протестная активность сельского населения», «протестный потенциал региона (муниципалитета), сельского поселения» (рейтинг Института региональной экспертизы); «рейтинг Центра экономических и политических реформ».

Ключевые слова: сельские территории, социальная инфраструктура, возобновляемые природные ресурсы, экономическое состояние региона, протестная активность населения, конфликтологический потенциал

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2019 г., № гр. проекта АААА-А19-119011190170-5.

Для цитирования: Тарасова М.В. Новые институты управления развитием сельских территорий: факторы и направления поиска. Село России. 2019; (2): 148-168. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-148-168.

UDC 316.334.55

New Institutions for Managing Rural Development: Factors and Trends in Search

*Marina V. Tarasova*¹

¹ Federal Research Center - Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov Av., Rostov-on-Don, Russian Federation).

Cand. Sc. (Sociology), Research Associate

E-mail: tarasova_marina_01@mail.ru;

ORCID: 0000-0003-1716-2658.

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of factors determining the development of rural areas in the years after the financial and economic crisis of the first decade of the XXI century. On the basis of the analysis of state programs of agricultural development, environmental conditions and protest activity of the population there are presented conclusions and proposals on institutions and tools of management of territorial development in conditions of institutional and structural changes in agrarian economy of Russia. *Purpose.* The

major changes in social development of rural areas from 2002 to 2018 are considered. At present, the state's social policy as a whole and state support for rural development do not yet allow Russian rural areas to leave the phase of their systemic degradation. In this connection, an attempt has been made to adapt cognitive models to identified trends in rural development and to offer them as new tools for managing territorial development. The article uses statistical and information-analytical *materials* of Russian Statistics Service (Rosstat), information bases of Ministry of Agriculture of Russia, Ministry of Labor of Rostov region, results of monitoring of mass media and experimental calculations, materials of scientific centers. *Methods and techniques.* The study uses a cognitive model, which allows to indicate rapid changes in the socio-economic development of territories, establish reference points to ensure the harmonization of structural characteristics of rural development. *Results.* The analysis of socio-economic trends in rural development over the last decade, as well as the analysis of the state of ecology and the level of conflict in rural areas was conducted. It was noted that despite the renewal of social infrastructure, the level of social control in rural areas continues to decline. Special attention has been paid to the protest activity of the population of the regions, including in rural areas. Possibilities of application of cognitive models as instruments of management of rural development through introduction of conflict block and inclusion of such concepts as "protest activity of rural population", "protest potential of a region (municipality), rural settlement" (rating of the Institute of Regional Expertise); "rating of the Center for Economic and Political Reforms" are revealed.

Keywords: rural areas, social infrastructure, renewable natural resources, the economic condition of the region, protest activity, conflictological potential

Acknowledgements: The publication has been prepared within the framework of implementation of the state assignment of South Scientific Center of the RAS for 2019, No. of the gr. project AAAA-A19-119011190170-5.

For citation: Tarasova M.V. New Institutions for Managing Rural Development: Factors and Trends in Search. The village of Russia. 2019; (2): 148-168. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-148-168.

Введение

Как свидетельствуют результаты исследований, в обозримой перспективе роль возобновляемых ресурсов будет возрастать в геополитическом и геоэкономическом плане. Территории, дающие продовольствие, чистую питьевую воду и воздух, аквакуль-

туру, лес, войдут в сферу геополитических интересов, и борьба за их контроль обострится. Помимо геополитических угроз консервирование действующих институтов управления территориальным развитием несет в себе и высокий конфликтологический потенциал. Ярким примером является череда акций экологического протеста. Так, 3 февраля 2019 г. протестами против «мусорной реформы» были охвачены, по разным данным, 25–30 регионов России [В России прошли 2019]. Жители Кагальницкого и Мясниковского районов Ростовской области до настоящего времени продолжают сопротивляться размещению в уникальных природных зонах этих сельских районов, вблизи населенных пунктов мусороперерабатывающих заводов. В Ростове-на-Дону 16 марта 2019 г. около 500 человек провели митинг с требованием отмены неоднозначной «мусорной реформы» [Мусорная реформа 2019]. Мониторинг региональных печатных и электронных СМИ показал, что в различных протестных акциях приняли участие в первые месяцы 2019 г. не менее 0,3 % жителей области, в Ростове-на-Дону — 0,09% [Хотят 2019]. Ряд социологов считают ситуацию с протестами не катастрофической. Однако опросы, проведенные центром «Центрум», свидетельствуют о том, что в Ростовской области 39% не исключили своего личного участия в протестах [Протестный потенциал 2019]. Снижение эффективности прежних институтов, геополитические и конфликтологические угрозы требуют поиска и разработки институтов управления развитием сельских территорий, адаптированных к современным условиям и долговременным тенденциям.

Цель статьи — на основании результатов экономических и социологических исследований рассмотреть возможности совершенствования политики управления развитием сельских территорий с использованием прогнозно-аналитического потенциала когнитивного моделирования.

Основная часть

Со времени реализации Национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса (сокр. «Развитие АПК»)), трансформировавшегося в 2008 г. в Государственные программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяй-

ственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. и на 2013–2020 гг., правительству России с помощью этих институтов удалось решить значительное число задач устойчивого развития сельских территорий. Вторая государственная программа предполагала реализацию в 2017 г. 12 мероприятий по обеспечению устойчивого развития территорий сельской местности Российской Федерации, основными из которых являлись мероприятия по развитию инфраструктуры сельской местности и улучшению жилищных условий людей, проживающих в сельской местности [Национальный доклад 2017]. На развитие сети автомобильных дорог, развитие водоснабжения и газификации было направлено 88% общего объема ресурсного обеспечения мероприятий Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» [Национальный доклад 2017]. В целом все запланированные на 2017 г. мероприятия были профинансированы с превышением плановых показателей на 123,4%, а к уровню 2016 г. — на 113,1% [Национальный доклад 2017]. По итогам 2017 г. плановые значения целевых показателей были достигнуты по 20 индикаторам из 21. Невыполненным целевым показателем оказался индикатор по вводу в эксплуатацию автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, ведущих от сети автомобильных дорог общего пользования к ближайшим общественно значимым объектам сельских населенных пунктов, объектам производства и переработки продукции сельского хозяйства. Уровень выполнения этого целевого показателя составил в 2017 г. 95,8% к плану [Национальный доклад 2017]. Результаты анализа выполнения целевых показателей Федеральной целевой программы устойчивого развития сельских территорий за 2014–2017 гг. свидетельствуют о том, что вопросы обеспечения сельских жителей жильем, вопросы инфраструктурного обустройства населенных пунктов в нашей стране находят свое решение [таб. 1]. Понижающая динамика приведенных в таблице показателей, количественно характеризующих результативность программных мероприятий, указывает на поэтапное сокращение остроты ситуации с социальным обустройством сельских территорий.

Таблица 1. Динамика выполнения основных мероприятий
Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских
территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 г. в % к 2016 г.
Ввод (приобретение) жилья для граждан, проживающих в сельской местности, тыс. м ²	889,54	709,78	609,1	565,3	63,5
В том числе для молодых семей и молодых специалистов, тыс. м ²	435,53	453,57	415,2	398,3	91,5
Ввод в действие общеобразовательных организаций, тыс. учебных мест	4,63	2,82	1,98	1,36	29,4
Ввод в действие фельдшерско-акушерских пунктов и (или) офисов врачей общей практики, ед.	159	146	129	102	64,2
Ввод в действие плоскостных спортивных сооружений, тыс. м ²	155,7	98,07	92,4	116,33	74,7
Ввод в действие учреждений культурно-досугового типа, тыс. мест	-	-	2,25	4,49	199,6
Ввод в действие распределительных газовых сетей, тыс. км	2,91	1,84	1,58	1,36	46,7
Ввод в действие локальных водопроводов, тыс. км	2,28	1,24	1,13	0,99	43,4

Источник: составлено автором по данным Министерства сельского хозяйства РФ [Национальный доклад 2017: 156] и расчетам автора

В целях активизации социальных инициатив сельского населения в рамках целевой программы в 2017 году финансовую поддержку федерального и консолидируемых бюджетов Российской Федерации получила 361 местная инициатива, что в 4,8 раза превысило плановый уровень и на 277,7% было выше показателей 2014 г. [Национальный доклад 2017]. В рамках реализации мест-

ных инициатив в сельских населенных пунктах силами жителей создавались зоны отдыха, спортивные и детские игровые площадки, проводились работы по сохранению и восстановлению природных ландшафтов, историко-культурных памятников, национальных культурных традиций, народных промыслов и ремесел. В целом на эти мероприятия было направлено 400 млн. рублей или 1,1% общего объема финансового обеспечения мероприятий Федеральной целевой программы устойчивого развития сельских территорий, что превысило уровень финансирования этого направления по сравнению с 2016 г. более, чем на 1/3. Так, с 691 тыс. руб. до 1108 тыс. руб. или на 60,3% в 2017 г. выросла и средняя сумма одного гранта на поддержку местной инициативы [Национальный доклад 2017].

Анализируя региональные особенности реализации мероприятий Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», следует отметить, что Южный федеральный округ по удельному объему привлеченных средств из бюджетных и внебюджетных источников в расчете на 1 руб. средств федерального бюджета занимает в РФ третье место (1,76 руб.), что составляет соответственно 75,5% и 80,7% от объема привлеченных средств в Уральском и Северо-Западном (лидирующим) федеральных округах [Национальный доклад 2017]. В разрезе субъектов Российской Федерации, расположенных на Юге России, крайне острая ситуация по финансированию программных мероприятий сложилась в Астраханской области. Наиболее высокие результаты в реализации программ по вводу (приобретению) жилья, газификации сельского жилищного фонда и вводу локальных водопроводов в 2017 г. обеспечил Краснодарский край, вошедший в пятерку лучших российских регионов по реализации программных мероприятий. Результаты анализа эффективности реализации мероприятий ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020-го года» приводят к неоднозначной оценке происходящих изменений в социально-экономическом развитии сельских территорий.

В 2017 г. по результатам реализации программных мероприятий жильем было обеспечено 6,2 тыс. сельских семей, на 7,6% сократилась численность учащихся, которые обучаются в школь-

ных зданиях, находящихся в аварийном состоянии, 347,3 тыс. человек получили территориальный доступ к первичной медицинской помощи, на 97,8 тыс. человек увеличилась обеспеченность сельского населения учреждениями культурно-досугового типа и на 366,4 тыс. человек — спортивными сооружениями, уровень газификации в сельской местности достиг 59%, уровень обеспечения чистой питьевой водой — 64,8%, было создано более 22 тыс. рабочих мест [Национальный доклад 2017].

В докладе руководителя Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, академика РАН А.В. Петрикова отмечается, что среднемесячный доход на одного члена домохозяйства на селе составляет 63,7% от уровня доходов города, 52,2% российских семей с доходами ниже прожиточного минимума проживают в сельской местности, уровень безработицы на селе в 2017 г. составил 8,0%, не остановлен процесс сокращения сети объектов социальной инфраструктуры, ожидаемая продолжительность жизни при рождении на селе в 2017 г. составила 97,6% от города, уровень рождаемости с 2015 г. в сельской местности на 3,4% уступает городскому [Петриков 2019]. Все это усиливает миграцию сельского населения в города, концентрацию сельского населения на пригородных территориях. За 2014–2018 гг. число сельских поселений сократилось на 4,2%, растет численность муниципальных районов с низкой плотностью сельского населения [Петриков 2019]. За 2002–2010 гг. число таких районов в России, по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., выросло на 22%. Вышеназванные тенденции приводят к потере социального контроля над сельскими территориями, создавая геополитические риски, особенно в трансграничных российских регионах, каковыми являются большинство субъектов РФ Южного федерального округа. Результаты анализа социально-экономического положения ЮФО за 2017 год [Социально-экономическое положение 2018] свидетельствуют о том, что отмеченные нами общероссийские тенденции развиваются и на Юге России, однако их динамика несколько ниже среднероссийских показателей, но это не снимает вопрос геополитических и конфликтологических рисков. Так, например, в Ростовской области численность сельского

населения за 2014–2018 гг. снизилась на 1,3%, с 2012 г. по 2017 г. плотность населения Ростовской области уменьшилась на 0,7%.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Ростовской области насчитывалось 2216 населенных пунктов, расположенных в сельской местности, из них 33 населенных пункта были без жителей (1,5 % от общей численности сельских населенных пунктов) и в 54 сельских населенных пунктах проживало менее 5 человек (2,4%) [Численность 2012]. По сравнению с данными Всероссийской переписи населения 2002 г. [Численность 2002] численность населенных пунктов сократилась на 0,4%, а численность населенных пунктов без населения выросла на 43,5%, выросло число сельских населенных пунктов с числом населения 5 человек и менее. В 2002 г. их было 51, в 2010 г. — 54, или рост составил 5,9%.

Приведенные данные и современные тенденции свидетельствуют о продолжающихся процессах «социального опустынивания» [Петриков 2019] сельских районов Ростовской области. В то же время Ростовская область располагает территориями, являющимися источником чистого воздуха лесов и чистой пресной воды, на которых можно производить продовольствие и аквакультуру. Структурно это выглядит так: 84,3% территории области — это сельскохозяйственные угодья; 2,9% — леса и 3,4% — воды. Природно-климатический потенциал позволил сельскохозяйственным товаропроизводителям Ростовской области за 2013–2018 гг. увеличить производство зерна (в весе после доработки) чуть более чем в 2 раза, семян масличных культур (в весе после доработки) — в 1,42 раза. В этот период времени среднегодовые сборы зерна составили 10,3 млн тонн. При этом максимальный урожай зерна превышал 13,3 млн тонн, семян масличных культур — 1,6 млн. тонн. За исследуемый период среднегодовое производство живой, свежей или охлажденной рыбы стабильно составляло более 10 тыс. тонн или не менее 5,0% общероссийского производства. Столь масштабное наращивание производства сельскохозяйственной продукции позволило Ростовской области выйти по итогам 2018 г. на первое место по объемам экспорта агропродовольственных товаров. Выручка от экспортных операций составила 5,4 млрд долл. США или 20,9% от российских экспортных операций с сельхоз-

продукцией. В структуре сельскохозяйственного экспорта Ростовской области 73% занимают злаки, 13% — масложировая продукция и 5% — кондитерские изделия. Агропродовольственная продукция поступает в 75 стран [На Дону 2019].

За последние 10 лет в Ростовской области создана мощная портовая инфраструктура. Основными портами, формирующими основной грузопоток и движение судов в Азовском морском бассейне, являются порты Ростов и Азов. В 2018 г. грузооборот этих морских портов достиг 37,8 млн тонн, увеличившись за последние 10 лет в 2 раза [В портах 2019]. В 2,8 раза увеличилось число заходов судов в порты [В портах 2019], их бесперебойное и устойчивое функционирование обеспечивают 26 операторов грузовых терминалов, 111 агентских компаний, 190 компаний, выполняющих бункеровку судов, предоставляющих услуги по снабжению, обслуживанию судов и портового оборудования [В портах 2019]. Всего в 2018 г. через все порты Ростовской области на экспорт было поставлено 20,6 млн тонн сельскохозяйственной продукции [Бондаренко 2019].

Существующий производственный потенциал в сельском хозяйстве и аквакультуре, наличие обустроенных международных торговых коридоров, высокий уровень внешнеторгового сотрудничества с рядом стран Евразийского экономического союза (Армения, Беларусь) придают особое геоэкономическое и геополитическое значение Ростовской области. В этой связи развивающаяся тенденция снижения уровня социального контроля территории области, особенно ее восточных и юго-восточных сельских районов, формирует геополитические риски, которые будут нарастать и в будущем.

Региональные власти планируют к 2024 г. увеличить годовой объем сельскохозяйственного экспорта донских производителей до 7,7 млрд долл. США [На Дону 2019]. Реализация этих планов будет зависеть еще и от таких факторов, как состояние экологии региона и уровень протестного потенциала региона.

Общий объем выбросов в атмосферный воздух от всех источников за 2015–2017 гг. увеличился на 8,3%, при этом доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем

количестве загрязняющих веществ от стационарных источников (27,6% всех выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух) стабильно составляет на протяжении ряда последних лет чуть более 85% [Экологический вестник 2018], что не может считаться удовлетворительным фактом в общей работе по обеспечению экологического благополучия на территории Ростовской области. За 2013–2017 гг. на территории Ростовской области наблюдалось 110 опасных гидрометеорологических явлений [Экологический вестник 2018], вызванных как особенностями физико-географического положения, так и хозяйственной деятельностью человека. В 2017 г. общий объем использования пресной воды составил 2374,4 млн м³ (50,4% квоты забора водных ресурсов из водных объектов), что на 7,3% больше уровня 2016 г. [Экологический вестник 2018], при этом 32,3% ее общего объема использовалось в сельском хозяйстве. Сброс сточных, транзитных и других вод составил в 2017 г. по Ростовской области 1387, 42 м³, что было больше на 16,9% уровня 2016 г. [Экологический вестник 2018]. При этом объем нормативно-чистых вод составил 82% от общего объема сброса. На сельское хозяйство и аквакультуру пришлось 10,1% от общего объема сброса [Экологический вестник 2018]. Результаты анализа значений интегрального показателя качества вод (удельного комбинаторного индекса загрязнения воды) на территории Ростовской области свидетельствуют о том, что вода в границах Ростовской области в различных гидрографических районах по своему качеству относится к II–III классу качества вод «Слабо загрязненная», «Загрязненная» соответственно. Следует отметить, что за 2013–2017 гг. значения удельного комбинаторного индекса загрязнения воды имели тенденцию к повышению.

Анализ результатов мониторинга земель Ростовской области свидетельствует о том, что продолжается рост овражно-балочных систем и их интенсивность возрастает, идут процессы подъема грунтовых вод и растет уровень их минерализации, от 2,5% до 14,7% уменьшилось количество гумуса по всему плодородному профилю [Экологический вестник 2018]. Все это указывает на то, что в почвообразовательном процессе сохраняется тенденция деградации почв. Содержание гумуса в почвах Ростовской области

с 1976 г. по 2005 г. в Северо-Западной природно-сельскохозяйственной зоне сократилось на 17,4%, в Северо-Восточной — на 11,9%, в Центральной — на 10,3%, в Приазовской — на 5,3%, в Южной — на 6,1%, в Восточной — на 16,8%. В среднем в настоящее время содержание гумуса в почвах Ростовской области колеблется от 3,2% до 3,5% [Экологический вестник 2018], что соответствует слабогумусированному типу почв, почвам, утратившим трансформируемое органическое вещество по отношению к его содержанию на пахотных землях.

Еще одним из негативных процессов, ухудшающих природные условия ведения сельскохозяйственного производства в Ростовской области, является эрозия почв. На конец 2017 г. водной эрозии было подвержено 3,79 млн га земель Ростовской области, водной и ветровой эрозии — 2,41 млн га, а площадь дефлированных земель достигла 10,17 млн га [Экологический вестник 2018].

Сложившаяся ситуация с земельными, водными ресурсами и состоянием атмосферного воздуха создает высокие риски ведения сельского хозяйства в Ростовской области, его устойчивости и экономической эффективности, уровню конкурентноспособности произведенной агропродовольственной продукции.

В последние несколько лет важнейшим фактором, влияющим на социально-экономическое развитие и политические процессы на региональном и муниципальном уровнях, стали различного рода протестные выступления, в том числе и напрямую относящиеся к проблеме устойчивого развития сельских территорий. К числу таких протестных акций мы относим протесты, связанные с экологическими протестами, «мусорной реформой» и оптимизацией объектов социальной сферы и здравоохранения на селе.

Исследованиями Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР) было установлено, что в период с 1 октября 2017 г. по 30 сентября 2018 г. в России было проведено 2526 протестных акций [Рост протестной активности 2018], сопровождавшихся значительным ростом протестной активности населения. В 7,3% случаев протестные акции были связаны с экологическими проблемами [Рост протестной активности 2018], при этом 3,5 % протестов были вызваны планами размещения мусорных по-

лигонов и мусоросжигающих заводов в сельской местности. В Кагальницком и Мясниковском районах Ростовской области в феврале–марте 2019 г. прошли митинги против строительства мусороперерабатывающих заводов. В одном из митингов против «мусорной реформы» приняли участие около двухсот человек [Рейтинг протестной активности 2019] или 0,04% от общей численности населения Мясниковского района.

В станице Кировской Кагальницкого района Ростовской области 30 апреля 2019 г. состоялся пикет численностью 50 человек против строительства мусороперерабатывающего завода. В протесте приняли участие 0,6% от общего числа жителей станицы [Рейтинг протестной активности 2019]. Определенное число социологов считают малочисленность протестных акций свидетельством низкого уровня конфликтного потенциала, ограниченностью перспектив протестной активности населения и масштаба их распространения. Однако если учитывать намерения людей поддерживать протест, то потенциал конфликтности значительно повышается. Институт региональной экспертизы провел оценку протестной активности российских регионов. Ее результаты свидетельствуют о том, что Ростовская область входит в режимы «оранжевой зоны» (регион с относительно высоким уровнем протестной активности) с рейтингом 10,75 [Рейтинг протестной активности 2019], а результаты исследований, выполненных ЦЭПР, свидетельствуют о том, что Ростовская область входит в 1-ю десятку регионов по числу протестных акций (2-е место) [Рост протестной активности 2018], а в двадцатку входят еще пять трансграничных регионов России. В рейтинге Института региональной экспертизы в группу регионов «красной зоны» (с максимальным уровнем протестной активности) входят пять трансграничных регионов России и в группу регионов «оранжевой зоны» еще 5 российских регионов, имеющих государственную границу с сопредельными государствами. Нахождение трансграничных регионов в «красной» и «оранжевой» зонах ставит под угрозу стабильность социально-экономического развития и повышает уровень геополитических рисков.

Несмотря на реализацию мероприятий государственных программ развития сельского хозяйства, Приоритетного националь-

ного проекта «Развитие АПК», на сельских территориях не прекращается процесс реструктуризации (сокращения) числа объектов социальной инфраструктуры, производств. Так, например, за 2000–2010 гг. число образовательных дошкольных учреждений в 2010 г. по сравнению с 2000 г. сократилось на 18,9%, число школ — на 32,8%, число учреждений культурно-досугового типа — на 14,6%, число участковых больниц к уровню 2010 г. составило чуть более 12% [Петриков 2019].

В докладе академика РАН А.В. Петрикова, прочитанном на заседании Вольного экономического общества России в марте 2019 г., отмечается: «В сельской местности продолжается процесс свертывания сети объектов социальной инфраструктуры, особенно в „сельской глубинке“» [Петриков 2019: 60]. Параллельно с этим продолжается и процесс закрытия производств как связанных с сельским хозяйством, так и относящихся к другим видам экономической деятельности. Все это приводит к росту социальной напряженности на селе, которая все чаще проявляется в форме акций протеста (митинги, пикеты, стихийные сходы и т.п.). Так, например, в Кагальницком районе Ростовской области за 2014–2018 гг. закрылись 80 предприятий, в том числе ООО «Молочный завод „На лугу“», работавший на мощностях обанкротившегося ОАО «Кагальницкий молочный завод» с численностью работников 400 человек. В п. Малиновка Кагальницкого района 21 августа 2018 г. состоялся митинг, на котором его участники числом около 150 человек (0,53% от общего числа жителей района) выступили против угрозы закрытия оставшегося единственным действующим предприятием ООО «Кагальницкий Кирпичный Завод» и плохого состояния автомобильных дорог в районе [Рейтинг протестной активности 2019].

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что российское село как социально-территориальная подсистема российского общества находится в фазе системной деградации. Суть этого социального явления характеризуется следующими процессами: утратой естественно-природной окултурности сельских территорий; ухудшением состояния возобновляемых природных ресурсов; свертыванием поселенческой сети;

снижением уровня доступности к объектам сельской социальной инфраструктуры. Еще одним фактором, серьезно влияющим на устойчивость развития сельских территорий, в последние годы стал конфликтогенный потенциал. Результаты нашего анализа свидетельствуют, что, например, в Ростовской области из общего числа сельских районов 32,6% имеют максимальный уровень социальной напряженности, при этом 28,6% от их общей численности имеют государственную границу с Украиной. По данным Центра «Центрум», 45% населения Ростовской области считают возможным проведение массовых акций протеста, а 39% — готовы принять в них личное участие [Протестный потенциал 2019].

Причины развивающейся социальной и экономической деградации сельских территорий носят исторический, организационно-экономический и политический характер. Среди организационно-экономических причин следует отметить отсутствие компетентности в управлении сельским развитием, несовершенство правовых и финансовых институтов и инструментов реализации политики территориального развития сельской местности, обеспечения ее комплексности, монопрофильность сельской экономики.

В исследовании, выполненном в творческом сотрудничестве с представителями научных учреждений и вузовской науки [Пространственное развитие 2019], в качестве одного из инструментов, призванных обеспечить комплексный подход к решению проблем устойчивого развития сельских территорий, нами были предложены два типа моделей — когнитивная и конфликтологическая. В результате проведенных исследований коллегами из Всероссийского научно-исследовательского института экономики и нормативов [Пространственное развитие 2019] было установлено десять факторов, существенно влияющих на развитие и эффективность управления сельскими территориями. Эти факторы были сгруппированы в четыре блока: институциональный (развитость рыночной инфраструктуры, развитие сельского самоуправления и местной инициативы); экономический блок (уровень диверсификации сельской экономики, число субъектов предпринимательства, объем инвестиций в основной капитал, доходы населения); социально-демографический блок (численность населения, уровень безработи-

цы, развитость социальной инфраструктуры); экологический блок (выбросы вредных веществ от стационарных источников). Между этими факторами были установлены корреляционные зависимости, построены цепочки причинно-следственных связей, определены направления векторов и степень влияния факторов на сельскую социально-территориальную систему, проведены опросы экспертов. Эта исходная информация легла в основу построения когнитивной матрицы, представляющей собой систему усредненных показателей (весов), характеризующих интенсивность межфакторного взаимодействия концептов, определяющих устойчивость и вектор развития сельских территорий. Когнитивная матрица графически может быть представлена нечеткой когнитивной картой, которая может стать одним из новых инструментов организации управления сельскими территориями. В рамках подготовки управленческих решений на основе решения когнитивной модели производятся прогноз-ные расчеты и анализ количественных характеристик модельных концептов, выполняется сценарное динамическое моделирование будущих состояний управляемой социально-территориальной системы. Результаты этих прогнозно-аналитических расчетов позволяют установить управляемые концепты (факторы), управляющие воздействиями, которые позволят обеспечить достижение целевых показателей развития той или иной сельской территории.

В ходе исследований [Пространственное развитие 2019, Тарасова 2018] установлено, что наибольший управляющий эффект может быть достигнут при воздействии государства, рыночных агентов на такие концепты (факторы) как «развитие рыночной инфраструктуры», «развитие сельского самоуправления» и «инвестиции в основной капитал». Экспериментальные расчеты [Пространственное развитие 2019] свидетельствуют о том, что государственное и рыночное влияние на эти три управляемых концепта одновременно позволяет обеспечить достижение желаемого уровня развития сельских территорий. Концепт «уровень безработицы» способен оказать наибольший отрицательный эффект при решении задач управления развитием сельских территорий. Все вышеназванные концепты оказывают влияние на уровень конфликтности в сельских поселениях и муниципалитетах так же, как

и уровень конфликтности влияет на уровень эффективности воздействия концептов «развитие рыночной инфраструктуры», «развитие сельского самоуправления», «инвестиции в основной капитал» на сельскую социально-территориальную систему.

В этой связи было бы целесообразным в когнитивную модель управления развитием сельских территорий включить и такие концепты, как «протестная активность сельского населения» (число участников протестных акций на 1000 человек сельского населения), «протестный потенциал региона (муниципалитета), сельского поселения» (рейтинг Института региональной экспертизы); «рейтинг Центра экономических и политических реформ» (рейтинг ЦЭПР), объединив их в конфликтологический блок модели.

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, когнитивная модель управления комплексным развитием сельских территорий как управленческий инструмент позволяет оперативно, количественно и качественно отражать изменения, происходящие в социально-экономическом развитии территории, устанавливать опорные точки (концепты), обеспечивающие гармонизацию структурных характеристик развития сельских территорий и достижение их целевых показателей.

Говоря о комплексности развития сельских территорий, постоянности их освоения, целесообразно вернуться к проработке вопроса создания государственной вертикально ориентированной структуры (государственный комитет, министерство и т.п.), отвечающей за уровень социально-экономического развития сельских территорий и обеспечение социально-политической стабильности на селе. Как нам представляется, эти институты позволят остановить деградацию российского села, как основного носителя национальных духовно-нравственных и культурных ценностей, создать систему противодействия геополитическим угрозам, не допустить роста протестного потенциала сельских территорий.

Заключение.

Когнитивное моделирование позволяет прогнозировать и планировать развитие сельских территорий, оперативно реагировать на изменения в социальной инфраструктуре, экономическом

состоянии природной среды, в протестных настроениях сельских жителей, организовать эффективное управление постоянным и комплексным освоением сельских территорий. В систему факторов (концептов) социально-экономического развития сельских территорий целесообразно включить показатели, отражающие состояние и динамику протестного потенциала сельских жителей. В дальнейшем при разработке политики устойчивого сельского развития необходимо исходить из вовлеченности в процессы обеспечения жизнедеятельности населения в сельской местности различных ведомств, стремящихся обеспечить достижения своих специфических целей, что определяет необходимость развития интеграционного взаимодействия всех участников освоения сельских территорий и предотвращения ведомственной разобщенности при поддержке со стороны специального органа государственной власти.

Литература

Бондаренко 2019 — *Бондаренко Е.* Птица расправляет крылья на экспорт // Молот. 2019. 30 апр. С. 4.

В России прошли 2019 — В России прошли митинги против мусорной реформы [электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/lenta/v_rossii_proshli_mitingi_protiv_musornoj_reformy_544.htm (дата обращения: 04.02.2019).

В портах 2019 — В портах прибавилось грузов // Молот. 2019. 30 апр. С. 4.

Мусорная реформа 2019 — «Мусорная реформа» в Ростовской области споткнулась о «человеческий фактор» [электронный ресурс]. URL: // <https://big-rostov.ru/musornaya-reforma-v-rostovskoj-oblasti-spotknulas-o-chelovecheskij-faktor/> (дата обращения: 14.05.2019).

На Дону 2019 — На Дону планируют увеличить экспорт продукции АПК на \$ 2,3 млрд к 2024 г. [электронный ресурс]. URL: // <https://www.rbc.ru/rostov/freewebs/5cadda539a794750db37674b> (дата обращения: 14.05.2019).

Национальный доклад 2017 — Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2017 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» [электронный ресурс]. URL: // <http://mcsx.ru/upload/iblock/ec8/ec8f3b2c7fa3b4642f76d3fbd07804b.pdf> (дата обращения: 04.02.2019).

Петриков 2019 — *Петриков А.В.* О приоритетных направлениях социально-экономического развития АПК России: от роста к качеству роста // Доклад на Экспертной сессии ВЭО России <http://www.viapi.ru/download/2019/Доклад%20АВ%20Петриков%20%20для%20ВЭО%2004.03.2019.pdf> [электронный ресурс] URL: (дата обращения: 04.02.2019) или <http://www.viapi.ru/news/detail.php?ID=227580>

Пространственное развитие 2019 — Пространственное развитие регионов России: тенденции и модели: монография / Антонова Н.И., Малюга А.Л., Тарасова М.В. и др., под. науч. ред. Тарасова А.Н. Ростов-н/Д.: Изд-во ООО «Мини-Тайп», 2019. 80 с.

Протестный потенциал 2019 — Протестный потенциал и рейтинг власти — обновление [электронный ресурс] URL: // <http://stolica61.ru/protestnyj-potentsial-i-rejting-vlasti-obnovlenie/> (дата обращения: 04.04.2019).

Рейтинг протестной активности 2019 — Рейтинг протестной активности Российских регионов (март 2019) [электронный ресурс] URL: // http://irex.group/uploads/article/pdf/227/%D0%98%D0%A0%D0%AD_%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_10042019-2.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

Рост протестной активности 2018 — Рост протестной активности в России результаты всероссийского мониторинга 2017-2018 гг. [электронный ресурс] URL: <http://cepr.su/wp-content/uploads/2018/11/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8B-%D0%B2-%D0%A0%D0%A4-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3.pdf> (дата обращения: 04.02.2019).

Социально-экономическое положение 2018 — Социально-экономическое положение Южного федерального округа в январе–декабре 2017 года: Информ. анал. мат. Ростов-н/Д.: Ростовстат, 2018. 249 с.

Тарасова 2018 — *Тарасова М.В.* Программное управление развитием сельских территорий как инструмент поддержки региональной политической стабильности // Село России. 2018. № 1. С. 148–157. DOI 10.22162/2658-5987-2018-1-148-157

Хотят 2019 — Хотят, но не участвуют: рассказываем об отношении дончан к протестным акциям [электронный ресурс]. URL: // <https://161.ru/text/god/66008044> (дата обращения: 14.05.2019).

Численность 2012 — Численность и размещение населения Ростовской области: статистический сборник. Ростов-н/Д.: Ростовстат, 2012. 144 с.

Численность 2002 — Численность и размещение населения Ростовской области: статистический сборник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Ростов-н/Д.: Ростовстат, 2004. 84 с.

Экологический вестник 2018 — Экологический вестник Дона «О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2017 году». Ростов-н/Д, 2018. 368 с.

References

Bondarenko Ye. [Bird spreads its wings on the export]//Molot. 2019.30 Apr. P. 4. (In Russ.)

[Ecological Bulletin of the Don “On the state of the environment and natural resources of the Rostov region in 2017”]. Rostov-on-Don, 2018. 368 p. (In Russ.)

[“Garbage” reform in the Rostov region, stumbled on the “human factor”] [electronic resource] URL://<https://big-rostov.ru/musornaya-reforma-v-rostovskoj-oblasti-spotknulas-o-chelovecheskij-faktor/>(Access date: 14.05.2019) (In Russ.)

[Growth of the protest activity in Russia the results of nationwide monitoring 2017-2018]. [electronic resource] URL: <http://cepr.su/wp-content/uploads/2018/11/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8B-%D0%B2-%D0%A0%D0%A4-%D0%B2%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3.pdf> (Access date: 04.02.2019) (In Russ.)

[National report “On the progress and results of implementation in 2017 of the State Program for agricultural development and regulation of agricultural products, raw materials and food markets for 2013-2020”] [electronic resource] URL: //<http://mcx.ru/upload/iblock/ec8/ec8f3b2c7fa3b4642f76d3fbd07804b.pdf> (Access date: 04.02.2019) (In Russ.)

[On Don they plan to increase exports of agricultural products by \$ 2.3 billion by 2024.] [electronic resource] URL: // <https://www.rbc.ru/rostov/freenews/5cadda539a794750db37674b> (Access date: 05/14/2019) (In Russ.)

Petrikov A.V. [On the Priority Directions of Social and Economic Development of Russian AIC: from Growth to Quality of Growth]// Report at the Expert Session of FEE of Russia <http://www.viapi.ru/download/2019/Доклад%20АВ%20Петриков%20%20для%20ВЭО%2004.03.2019.pdf> [electronic resource] URL: (Access date: 04.02.2019) (In Russ.)

[Protest potential and power rating - update] [electronic resource] URL://<http://stolica61.ru/protestnyj-potentsial-i-rejting-vlasti-obnovlenie/>(Access date: 04.04.2019) (In Russ.)

[Rating of the protest activity of Russian regions (March 2019)] [electronic resource] URL://http://irex.group/uploads/article/pdf/227/%D0%98%D0%A0%D0%A%D_%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_10042019-2.pdf the socio-economic situation of the southern federal district, January-December 2017 years: inform. Anal. Mat. Rostovstat: Rostov-on-Don. 2018. 249 p. (Access date: 04.02.2019) (In Russ.)

[Russia rallies against a reform] [electronic resource] URL: http://www.stoletie.ru/lenta/v_rossii_proshli_mitingi_protiv_musornoj_reformy_544.htm (date: 04.02.2019) the national report on the implementation and results of the 2017 year State programme for the development of agriculture and management of agricultural markets, raw materials and food to 2013-2020 years [electronic resource] URL://<http://mcx.ru/upload/iblock/ec8/ec8f3b2c7fa3b4642f76d3fbd07804b.pdf> (date: 04.02.2019) (In Russ.)

[Spatial development of Russian regions: trends and patterns:] monograph/Antonova N.I., Malyuga A.L., Tarasova M.V., et al. Edit. by Tarasov A.N. Rostov-on-Don: Izd-vo "MiniTaip LTD". 2019. 80 p. (In Russ.)

[Socio-economic situation of the Southern Federal District in January-December 2017]: Inform. Anal Mat. Rostovstat: Rostov — on- Don. 2018. 249 p. (In Russ.)

Tarasova M.V. [Programme management of rural development as a tool to support regional political stability]//Village of Russia no. 2018.1. C. 148-157. DOI 10.22162/2658-5987-2018-1-148-157. (In Russ.)

[There's been an increase in cargo at the ports] Molot-2019-30 Apr-4. (In Russ.)

[They want to, but they don't participate: we're talking about the Don residents' attitude towards protest actions.] [electronic resource] URL://<https://161.ru/text/gorod/66008044> (Access date: 14.05.2019). (In Russ.)

[The number and placement of the population of the Rostov region: statistical compendium]. Rostovstat: Rostov-on-Don, 2012. 144 p. (In Russ.)

[The number and placement of the population of the Rostov region: statistical compendium: results of population census of 2002 year]. Rostovstat: Rostov-on-Don, 2004. 84 p. (In Russ.)

Трансформация профессиональной деятельности работников сельских учреждений культуры в условиях коммерциализации

*Татьяна Анатольевна Власова*¹

¹ Удмуртский государственный университет (д.1, улица Университетская, 426034 Ижевск, Российская Федерация)
доцент
ORCID: 0000-0003-3600-3214. E-mail: tavlasova@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Сельские учреждения культуры, обладая ограниченными финансовыми и кадровыми ресурсами, испытывают сложности с внедрением новых форм работы, включающих грантозаявительную и проектную деятельность. В то же время они выполняют важные функции, связанные с обеспечением досуга сельского населения, а также способны интегрировать сельское сообщество. *Цель* настоящего исследования состояла в определении основных противоречий в профессиональных требованиях к работникам сферы культуры на селе. *Материалы.* Эмпирической базой исследования являются результаты опроса сотрудников учреждений культуры (N=206) и материалы группового интервью с руководителями учреждений культуры Игринского района Удмуртской республики. *Результаты.* Установлено, что кадровый потенциал учреждений культуры определяется социально-демографическими характеристиками сотрудников. Женщины среднего и старшего возраста, которые составляют основной контингент сотрудников, с одной стороны, склонны использовать устоявшиеся формы работы, с другой — способны реализовать инновационные стратегии, если они востребованы аудиторией. В сельских учреждениях культуры осваиваются проектные формы работы. Формируется представление о необходимости освоения проектных форм работы. При этом главная трудность, с которой сталкиваются сотрудники, состоит в способности предлагать новые проектные идеи. Большинство респондентов предпочитают быть исполнителями, а не инициаторами проектов. Экономические инструменты стимулирования используются недостаточно широко, но сотрудники учреждений культуры вовлекаются в новые формы работы благодаря широкой сети профессиональных и дружеских связей.

Несмотря на продвижение практик, ориентированных на туристов, сотрудники учреждений культуры предпочитают формы работы, рассчитанные на сельских жителей. Причиной таких предпочтений является низкая мобильность самих работников. Как и сельское население в целом, работники культуры совершают деловые поездки или навещают родственников. Но они не располагают средствами и временем, чтобы путешествовать, а запросы односельчан для них понятны и привычны.

Ключевые слова: социология села, учреждения культуры, профессии, проектная деятельность, волонтеры

Для цитирования: Власова Т.А. Трансформация профессиональной деятельности работников сельских учреждений культуры в условиях коммерциализации. Село России. 2019; (2): 169-188. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-169-188.

UDC 316.334:7(470.51)(045)

The Professional Activity Transformation of Rural Cultural Institutions' Employees in the Commercialization Conditions

*Tatiana A. Vlasova*¹

¹Udmurt State University (1, Universitetskaya St., Izhevsk 426034, Russian Federation)

Assistant Professor

ORCID: 0000-0003-3600-3214. E-mail: tavlasova@yandex.ru

Abstract. Rural cultural institutions with limited financial and human resources are experiencing problems when introducing new methods in their work such as fundraising and project development. At the same time, the staff of such institutions carry out important functions providing leisure activities for the rural population and potentially integrating the rural community. The purpose of the article was to identify main contradictions in the professional requirements to the culture professionals in the rural area. The empirical study is based on the results of a survey of culture professionals (N206) as well as focus-group discussion data. It was found out that the potential capacity of the culture professionals is determined by the socio-demographic characteristics of employees. On the one hand, women of middle and more advanced ages, who constitute the biggest group of employees, tend to use long-established methods in their work. On the other hand, they try to implement innovative strategies if it is demanded by the audience. In rural cultural institutions, design forms of work are being

settled. An idea is formed about the need to master design forms of work. However, the main difficulty that employees face is the ability to propose new design ideas. Most respondents prefer to be practitioners rather than initiators of projects.

Economic incentive tools are not used widely enough, but employees of cultural institutions are involved in new practices due to a wide network of professional and personal connections. Despite the promotion of tourism programs, culture professionals prefer methods targeting rural residents. The reason for such preferences is the low mobility of the employees themselves, they do not have the finance and time to travel.

Keywords: rural sociology, culture institution, profession, design activity, volunteers

For citation: Vlasova T.A. The Professional Activity Transformation of Rural Cultural Institutions'Employees in the Commercialization Conditions. The village of Russia. 2019; (2): 169-188. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-169-188.

Введение

К наиболее острым проблемам развития села относится отток трудоспособного населения. Одним из факторов, который приводит к отъезду молодежи, является неудовлетворительное состояние социальной сферы, в частности учреждений культуры. Сферы образования и здравоохранения привлекают государственное финансирование в рамках государственных национальных проектов, а также в них формируется сектор платных услуг. Учреждения сферы культуры располагают меньшим объемом ресурсов. Ограничения бюджетного финансирования могут компенсироваться либо за счет расширения платных услуг населению, предоставляемых учреждениями культуры, либо за счет туристических программ, востребованных горожанами. Для коммерческого продвижения культурной продукции необходимо было изменить содержание и формы клубной работы. В ходе этого процесса в сельской местности актуализировалась проблема подготовленности работников к созданию востребованных культурных программ. В то же время местные и региональные органы власти рассматривают внутренний туризм как основной способ преодоления дефицита средств в сфере культуры, особенно на селе. Работникам сферы культуры в настоящее время требуется комплекс знаний и навыков, чтобы на базе учреждений организовать программы, привлекательные для разных категорий населения.

Постановка задач исследования

В настоящей статье анализируются результаты социологического исследования, направленного на изучение профессиональных установок работников сельских учреждений культуры. В рамках исследования ставились следующие задачи: описать типичные социальные и профессиональные характеристики работников учреждений культуры; оценить степень вовлеченности сотрудников сельских учреждений культуры, занимающих различные должностные позиции, в новые формы работы, включая грантозависимую и проектную деятельность, установить способы взаимодействия работников как внутри организации, так и с представителями общественности.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования являются материалы группового интервью (февраль 2019 г.) и данные опроса (N=206), проведенного в марте 2019 г. по сплошной выборке. В ходе более раннего исследования весной 2018 г. проводилась серия экспертных интервью с представителями министерств и руководителями крупнейших учреждений культуры республики. В ходе изучения был сформулирован ряд проблем, который касался принципов работы учреждений культуры. Опираясь на материалы полуструктурированных интервью, удалось установить наиболее распространенные проблемы сельских учреждений культуры. Эксперты назвали Шарканский и Игринский район Удмуртской Республики лидерами процесса, связанного с применением проектных методов работы и развитием туристических программ в сельской местности. Для проведения исследования был выбран Игринский район, где местная администрация проявила заинтересованность в результатах анкетирования. В учреждениях культуры Игринского района Удмуртской Республики работают 284 сотрудника, чья деятельность связана с основными направлениями работы в сфере культуры. В опросе не принимали участия технические служащие. Выборочная совокупность составила 206 человек. Для интерпретации результатов опроса использовались материалы группового интервью с сотрудниками учреждений культуры поселка Игра.

Теоретические подходы к анализу профессиональной деятельности работников учреждений культуры в сельской местности

Изучение профессиональной деятельности работников сельских учреждений культуры связано прежде всего с социально-экономическими показателями эффективности [Давыдова 2011, Пашаева 2015]. С точки зрения теории управления были значимы статистические показатели организации досуга селян [Оленина, Фролова 2018, Сменцарев 2013].

Содержание деятельности работников сельского учреждения культуры (клубы, дома ремесел, библиотеки, музеи) ориентировано на образ российской интеллигенции. Этот идеологический концепт включает элементы как советского, так и постсоветского периода. Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин рассматривали советскую интеллигенцию как элемент системы массовой бюрократии. В отличие от высшей партийной и государственной номенклатуры, достаточно замкнутой, представители советской интеллигенции обеспечивали связь высших эшелонов власти и населения [Гудков, Давыдов 2009: 5]. Это было возможно благодаря тому, что основное содержание деятельности представителей интеллигенции заключалось в процессе транслирования идеологии. Поскольку идеологические постулаты в позднесоветское время становились неоднородными и противоречивыми, постольку формируется дискурс противостояния официальной власти или отдельным ее представителям (политикам или партиям). Представители сельской интеллигенции переживали эту ситуацию в специфических условиях небольших поселений. И. Освальд замечает, что в результате процессов коллективизации все те вопросы, которые прежде находились под контролем семьи или общины, перешли в ведение местного административного аппарата. Те же процессы происходили и в городе. Но, если горожане не подлежали тотальному контролю за счет «непрозрачности» образа жизни, то селяне не имели никаких способов выйти из полных коммуникативных сетей. В условиях советского политического режима они не могли рассчитывать на участие в альтернативных формах образовательных и культурных практик [Освальд 2013: 10–11]. Такой альтернативы нет и в совре-

менной деревне. При этом современная деревня оказалась в положении, когда она находится «далеко от власти». Но и институты самоуправления остаются слабыми.

Степень адаптации работников к инновационным методам деятельности легла в основу типологии профессиональных траекторий Д. С. Попова [Попов 2007: 73–75]. Выделены четыре основных типа идеальных конструкций:

1. Траектория следования исторической дореволюционной традиции, которая была ориентирована на просветительские идеалы и бескорыстное служение.

2. Траектория, основанная на советских ценностях. Важную роль в рамках этой установки играет коллективизм. Предполагается, что работник занят в государственном секторе с минимальным влиянием рыночных механизмов.

3. В рамках третьей траектории начинают утверждать ценности индивидуальных достижений в рамках занятости преимущественно советского типа. В то же время работники учитывают запросы потребителей, адаптируются к условиям рынка.

4. Четвертая категория противопоставлена установке «бюджетника». Она полностью опирается на рыночные отношения. Напряженный ритм работы компенсируется относительно высоким доходом сотрудников. Культивируются такие качества работников, которые предполагают генерирование новых идей, конкурентоспособность, нацеленность на результат.

В отношении видов занятости, связанных с символическим производством, особенно часто разворачиваются дискуссии о применимости к ним характеристик классических профессий. В американской социологии классическими профессиями признаются те, которые предполагают получение специального образования, исключительное право или полномочия осуществлять профессиональные действия, наличие собственного этоса, автономии, основанной на правиле оценки действий профессионала коллегами [Хьюз 2012: 33–35]. Этот последний фактор заставляет представителей классических профессий ориентироваться скорее на коллег, нежели на тех, кто является клиентами, потребителями или представителями общественности. Но в условиях занятости в сельских

социальных учреждениях сотрудники, имея высшее и среднее специальное образование, лишены возможности сделать карьеру. Они, как правило, сочетают профессиональную деятельность с ведением приусадебного хозяйства. Даже специфические виды работы, связанные с задачами учреждения, оцениваются их социальным окружением как квазипрофессиональные. Сотрудники учреждений культуры признавались, что они сталкивались с представлением о своей работе как попытке «увильнуть» от настоящего крестьянского труда. Таким образом, характер автономности профессионалов в сфере культуры зависит от конфигурации сетевых связей среди коллег и позиции представителей местной власти.

Финский социолог Л. Гранберг замечает, что недостаток бюджетных средств в сельских поселениях — давняя проблема, часто именно с ней связывают пассивность населения. Но это утверждение не является бесспорным. Люди демонстрируют разную степень активности, которая зависит от региональных различий, от многих социальных факторов, от возраста, пола, образования, вида занятости. Например, женщины занимают более активную позицию, чем мужчины. Объяснение, которое обычно дается этой ситуации, состоит в том, что мужчины заняты зарабатыванием денег, поэтому у них нет свободного времени для социально значимой активности.

Тем не менее большинство активистов — это сотрудники социальных учреждений (клубы, школы, библиотеки, музеи). Работая в своих организациях, они разделяют общие установки и категории организационной культуры. Э. Шейн в рамках анализа организационной культуры замечает, что все группы и организации, независимо от их размера, сталкиваются с двумя типами проблем: во-первых, выживание, рост и адаптация к окружающим условиям, во-вторых, внутренняя интеграция, которая позволяет ежедневно функционировать [Schein 2004: 18]. Благодаря организационной культуре складывается комплекс разделяемых базовых допущений, на основе которых члены выучивают способы решения проблем, внешней адаптации и внутренней интеграции, которой обучаются новые члены как правильному способу понимания, мышления и чувствования в отношении различных проблем. Используя тер-

минологию Э. Шейна, в настоящем исследовании рассматривался уровень артефактов, то есть универсум фиксируемых организационных структур и процессов. Предполагается, что этот уровень создает основу для стратегии изменений структуры профессиональной деятельности работников учреждений культуры.

Характеристики профессиональной деятельности культурных работников на селе

Сельские учреждения культуры часто сталкиваются с кадровым дефицитом, связанным с демографическими характеристиками основного состава работников. Об этом писали и калмыцкие социологи [Намруева 2014, 2015]. Противоречие заключается в том, что, имея высокий уровень образования, сотрудники, среди которых преобладают женщины среднего и старшего возраста, ориентированы на устоявшиеся формы профессиональной деятельности. В анализируемом анкетировании приняли участие 206 респондентов, большая часть которых занимают должность специалиста в учреждениях культуры (59,1 %). Руководители подразделений составили 17,7 %, а руководители учреждений — 7,6 %. Отнесли себя к другим категориям сотрудников 15,7 % участников исследования.

В выборке в примерно равных долях представлены сотрудники с разным стажем работы в сфере культуры: 18,4 % — со стажем работы менее 5 лет, 18,4 % — со стажем работы от 5 до 10 лет, 15,2 % — со стажем работы от 10 до 15 лет, 17,7 % — со стажем работы от 15 до 20 лет, 11,8 % — со стажем работы от 20 до 25 лет и 19,1 % — со стажем работы более 25 лет. Очевидно, что часть работников старшего возраста имеет опыт работы в другой сфере.

Участники исследования указывали, что работа в сельском учреждении культуры связана с широким спектром задач. Так, 71 % респондентов, характеризуя условия работы, выбрали вариант ответа, согласно которому сотрудники, имея определенные должностные обязанности, также берут на себя и часть обязанностей своих коллег. 18,5 % респондентов заявили, что должностные обязанности строго разделены и выполняются только теми сотрудниками, которые ответственны за их выполнение. Еще 6 % участ-

ников опроса сообщили об отсутствии практики строгого распределения обязанностей, но с условием, что работники выполняют привычный объем работы. 4,5 % респондентов описывали такие условия работы в учреждении, когда любой сотрудник может быть заменен другими в разных сферах деятельности.

Оценка распределения обязанностей между сотрудниками зависела от занимаемой должности. Так, руководители учреждений реже выбирали вариант ответа, описывающий ситуацию, когда сотрудники, имея собственные задачи, выполняют также обязанности других сотрудников: 61,5 % руководителей по сравнению с 71 % в целом по выборке. С другой стороны, такой вариант ответа чаще выбирали руководители подразделений и методисты: 76,5 % по сравнению с 71 % в целом по выборке. Вероятно, некоторые практики перераспределения обязанностей происходят на низовом уровне организации. Напротив, рядовые специалисты чаще, чем в целом по выборке, выбирали вариант ответа о четко закрепленном за ними объеме работы: 21,6 % по отношению к 18,5 %. Это, вероятно, также закрепляется на неофициальном уровне, так как руководители чаще сообщали об отсутствии четко определенных обязанностей для сотрудников.

При этом ситуации, не предполагающие строгого разделения труда, не приводят к острым конфликтам. Лишь 5 % респондентов отметили, что конфликты в учреждении случаются часто. С другой стороны, о полном отсутствии конфликтов сообщили 9 % участников опроса. Остальные респонденты отметили, что конфликты бывают не часто (32,7 %) или крайне редко (47,7 %). Вероятно, в небольших коллективах, какие складываются в сельских учреждениях, работники ценят стабильность межличностных отношений, предпочитая избегать потенциально конфликтных ситуаций.

Чаще ответ об отсутствии конфликтов встречается у руководителей учреждений: 20 % по сравнению с 9 % в целом по выборке. Также среди руководителей учреждений больше количество ответов, описывающих конфликт как крайне редкое явление (53,3 %) по отношению к 47,7 % в целом по выборке. О том, что конфликты случаются, чаще сообщили руководители подразделений (36,4 %) и рядовые специалисты (35 %). Хотя отличие от показателя в целом по выборке не существенное.

Типична ситуация, когда трения внутри коллектива не выходят на уровень конфликта. Например, когда энтузиасты берут всю работу на себя:

Они (другие сотрудники. — Т.В.) не понимали. И в конце этого проекта, как-то вот так получилось, что нас и так было немного в команде, вообще осталась одна с Аленой. Доделявала уже вот так. Они так к этому относились, что вот это отвлекает от работы и так далее и так далее (методист районной библиотеки).

С другой стороны, отрицая существование открытых конфликтов, работники учреждений культуры выражали желание пройти курсы повышения квалификации по психологии и конфликтологии. Вероятно, часть противоречий внутри коллектива не находит явного выражения, превращаясь в скрытое недовольство. Низкий уровень конфликтности может быть связан с небольшой дифференциацией доходов сотрудников в сельских учреждениях культуры.

Внедряющаяся система эффективного контракта, предполагающая выплату стимулирующих надбавок, становится все более понятной сотрудникам. Хотя эту систему как совершенно понятную и прозрачную охарактеризовали лишь 6 % опрошенных. Тем не менее две трети работников разбираются в системе материальных выплат «в целом» (37,5 %) или «частично» (28,5 %). 9 % участников опроса оценили систему материального стимулирования как совершенно не прозрачную для них. 10 % респондентов отметили, что система материального стимулирования отсутствует в учреждении, где они работают. Еще 9 % ничего не знают о ней. Лучше информированы о системе эффективного контракта руководители учреждений культуры: 27,7 % (4 человека из 15), по сравнению с 6 % в целом по выборке, сообщили, что система стимулирующих выплат для них совершенно понятна и прозрачна. Еще 27,7 % (4 человека из 15) — что система эффективного контракта для них понятна в целом. Для руководителей отделов и методистов система выплат и материального стимулирования также понятна в целом (37,1 %) или частично (37,1 %).

Прозрачность системы баллов зависит от внутреннего регламента учреждения. В рамках групповых интервью информанты отмечали, что в некоторых учреждениях руководитель начисляет баллы, тогда как в других работает специальная комиссия, состоящая из работников:

Мы прямо прописываем (виды работы. — Т.В.), а баллы ставит уже директор (методист Дома культуры).

Например, мы же всех знаем, небольшие коллективы, у меня к этому вопрос есть, я их приглашаю. Либо я сама убираю эти баллы, либо я, наоборот, добавляю (Директор Центра ремесел).

Чиркова: А у нас комиссия. (...) И мы обсуждаем в комиссии (Директор музея).

Информанты отмечали, что оценка продуктивности собственной деятельности заставляет сотрудников и руководителей подвергать рефлексии процесс и результаты профессиональной деятельности.

Формы участия в проектной деятельности

Участие в проектной деятельности довольно часто является основанием для материального стимулирования сотрудников. Расширение сферы деятельности учреждений культуры ориентировано не только на коммерческие интересы, в этом процессе формируется имидж дома культуры, позволяя проводить крупные мероприятия и обеспечивать приток туристов. Региональные и муниципальные органы управления мотивируют руководителей и работников учреждений на активное участие в проектной деятельности. Но степень вовлеченности работников разная. Часть респондентов (7,3 %) сообщила, что они реализуют собственные проекты. Но существенно больше доля тех, кто подключается к проектам других и разрабатывает идеи коллег (32,7 %). Примерно столько же респондентов (35,2 %) выбрали вариант ответа, согласно которому они пока не участвуют в проектной деятельности, но хотели бы освоить этот тип профессиональной деятельности. С другой стороны, четверть опрошенных (25 %) принадлежат к числу тех, кто не считает проектную деятельность необходимой.

Основную работу по проектам выполняют руководители отделов и методисты: 20,6 % респондентов предлагают собственные проекты, 41,2 % являются исполнителями. Рядовые специалисты реже участвуют в проектной деятельности: 4,4 % иницируют проекты, 36,3 % работают в проектах коллег. Большая часть руководителей пока не участвует в проектной деятельности, но хотела бы подключиться. С другой стороны, среди руководителей учреждений наименьшая доля тех, кто не считает проектную деятельность необходимой — 13,3% (Таблица 2).

Таблица 2. *Участие разных профессиональных категорий сотрудников учреждений культуры в проектной деятельности (% ответивших)*

	Руководитель учреждения	Руководитель подразделения/методист	Специалист	Всего по выборке
Да, предлагаю собственные проекты	13,3%	20,6%	4,4%	7,4%
Да, подключаюсь к реализации и разработке идей других сотрудников	26,7%	41,2%	36,3%	32,8%
Нет, в проектной деятельности не участвую, но хотел бы подключиться	46,7%	20,6%	35,4%	34,9%
Нет, не считаю этот тип деятельности необходимым	13,3%	17,6%	23,9%	24,9%
Итого по категории	100%	100%	100%	100%

Как отмечалось выше, участие в проектной деятельности стимулируется дополнительными выплатами сотрудникам учреждений культуры. Это предположение подтверждается при соотношении активного участия респондентов в проектной деятельности и понимания ими принципов системы эффективного контракта и материального стимулирования. Так, более понятной и прозрачной система дополнительных выплат кажется тем сотрудникам, кто инициирует собственные проекты: 21,4% по сравнению с 9% в целом по выборке. Вариант ответа «система эффективного контракта и стимулирующих выплат понятна в целом» выбрали 40,3% тех, кто выступает в качестве исполнителей проектов, хотя количество тех, кто полностью понимает систему выплат, почти такое же (8,1%), как в целом по выборке (9%).

Основной сложностью для работников в рамках проектной деятельности является поиск интересной идеи для проекта: 38,5% респондентов отметили эту трудность. Цифра существенно повышается для руководителей учреждений культуры (42,9%). Отметим также, что чаще сложности с генерацией проектных целей

испытывают работники со средним профессиональным образованием (30,4%), чем работники с высшим образованием (16,2%). В равной степени проблематичными участники опроса считали такие аспекты проектной работы как обоснование актуальности проекта (25%), составление конкурсной документации (25%) и расчет финансовой сметы (25%). В меньшей степени сложность для потенциальных авторов проектных заявок представляют ситуации сжатых сроков подачи заявок (17,7%) и трудности с подбором исполнителей (13,5%) (Диаграмма 1). Эти критерии кажутся менее значимыми, во-первых, потому что они могут быть решены по мере успешной подготовки заявки. Во-вторых, судя по распределению ответов на предыдущий вопрос, сотрудники учреждений культуры охотнее берут на себя функции исполнителей в рамках проектной деятельности. Специалисты в профильных министерствах также фиксируют проблемы, связанные с дефицитом ярких и неординарных проектных идей. Наименьшую сложность для респондентов представлял процесс поиска грантовых возможностей и фондов (11,5%). Можно предполагать, что процесс информирования работников о грантовых возможностях уже сформировался.

Диаграмма 1. Сложности проектной деятельности по мнению сотрудников учреждений культуры (% от ответивших)

В зависимости от степени вовлеченности в проектную деятельность различается осознание значимости разных типов проблем. В частности, большая часть сотрудников, которые сами предлагают проекты, основной трудностью назвали расчет финансовой сметы (31,8%), тогда как исполнители проектов испытывали сложности с обоснованием актуальности (20,3%) и составлением конкурсной документации (20,3%). У наибольшего количества сотрудников, которые только хотели бы подключиться к проектной деятельности, были трудности с поиском проектной идеи (27,1%). Таким образом, чем активнее работники учреждений культуры участвуют в проектной деятельности, тем более необходимы им специализированные консультации.

Круг дружеских и профессиональных связей

Отметим также, что сотрудники, вовлеченные в проектную деятельность, имеют более широкий круг общения. На момент планирования исследования были основания предполагать, что обмен информацией и профессиональным опытом происходит как по официальным, так и по неофициальным каналам. В ходе исследования подтвердилось предположение о большом значении дружеских связей как между сотрудниками одного коллектива, так и между сотрудниками различных учреждений. Дружеские связи предполагают взаимную помощь, обмен информацией. Участники опроса имеют обширные и устойчивые дружеские связи среди коллег: 34,8% респондентов сообщили, что у них много хороших друзей в других учреждениях культуры. Еще 12,8% опрошенных определили число друзей от 5 до 10, а 14,7% — от 3 до 5 друзей. Четверть (25%) респондентов сообщили о небольшом числе друзей (один–два друга), что может свидетельствовать о разных явлениях: либо об их персональных чертах характера, либо о том, что их друзья работают в том же учреждении, либо о том, что они разграничивают дружеские и профессиональные отношения. 12,8% респондентов указали на то, что у них нет друзей среди работников других учреждений культуры.

Широта и интенсивность дружеских связей связана с рядом социальных характеристик сотрудников. Можно говорить о том, что мужчины легче завязывают и поддерживают дружеские связи, чем женщины. О том, что у них много хороших друзей, сообщили

40% мужчин и 34% женщин, о 5–10 хороших друзьях — 26,7% мужчин и 9,2% женщин. Возможным объяснением может быть более высокая интенсивность дружеских связей женщин внутри коллектива. Так как в штате конкретных учреждений культуры мужчины в меньшинстве, их дружеские связи распространяются за пределы собственного коллектива.

В выбранном для исследования Игринском районе 61% населения составляют удмурты. Среди работников культуры к удмуртам себя отнесли 44,4% респондентов. Еще 21,4% считают себя частично удмуртами, частично русскими. О русской идентичности сообщили 29,1% респондентов. Имеет место тенденция причисления себя к удмуртам у людей старшего поколения. Если в поколении до 25 лет 30% (3 человека из 10) причисляют себя к удмуртам и 20 % (2 человека из 10) — частично к удмуртам, частично к русским, то в возрастной страте от 56 до 65 лет 51,5% (17 человек из 33) респондентов отнесли себя к удмуртам и 12,1% — частично к удмуртам, частично к русским.

На удмуртском языке свободно говорят 34,9% респондентов. Большинство удмуртского населения билингвально, 93,8% респондентов назвали русский язык в качестве основного языка общения. В меньшей степени удмуртский язык используется в профессиональной деятельности: 13,8% участников отметили, что удмуртский язык является для них основным в рабочей обстановке. Безусловно, русский язык используется в профессиональном общении чаще, чем удмуртский: 95,9 говорят на работе на русском языке. Это тем более важно потому, что население в сельской местности продолжает говорить на удмуртском языке. Оценивая распространенность удмуртского языка среди односельчан, 27,7% респондентов указали на то, что жители их села отдают предпочтение удмуртскому языку в повседневном общении (Таблица 1).

Таблица 1. *Использование языка в повседневной жизни и в профессиональном общении (% опрошенных)*

	удмуртский	русский
Предпочитаемый язык общения респондента	34,9%	93,8%
Основной язык на работе	13,8%	95,9%
Основной язык в селе/деревне	27,7%	89,7%

Использование удмуртского языка в повседневном общении в большей степени распространено среди удмуртов (44,1%). То же количество респондентов-удмуртов сообщили, что удмуртский язык является для них основным в профессиональной коммуникации. Кроме того, респонденты-удмурты чаще склонны считать, что удмуртский язык используется в общении большинством односельчан: 39,4% в соотношении к 27,7% в целом по выборке.

По результатам интервью в разных районах Удмуртской республики работники учреждения культуры видят свою миссию в сохранении национального языка и традиций. Респонденты-удмурты чаще сообщали, что у них много друзей среди коллег из других учреждений культуры (43%), чем респонденты-русские (28,8%). Это объясняется, вероятно, большим количеством мероприятий, посвященных этнической культуре, когда учреждения приглашают коллег в качестве приглашенных участников.

Косвенно это подтверждается тем, что круг дружеских связей расширяется с возрастом. О том, что у них нет друзей среди сотрудников других учреждений культуры, сообщили 54,5% респондентов моложе 25 лет, напротив, на то, что у них много друзей, указали 40,4% респондентов в возрастной категории от 46 до 55 лет и 41,2% в возрасте от 56 до 65 лет. Безусловно, многочисленные профессиональные контакты официального и неофициального характера увеличивают частоту и интенсивность общения между коллегами из разных учреждений.

Эффекты мобильности

В рамках проектной деятельности сельских учреждений культуры большое значение в последние годы придается развитию туризма. В рамках настоящего исследования предполагалось, что реализация туристических программ, в частности, и проектная деятельность в целом будет тем успешнее, чем выше мобильности работников учреждений культуры. Выяснилось, что респонденты часто совершают поездки по району. Так, в райцентр 82,4% ответивших на вопрос приезжают раз в месяц и чаще. В Ижевск респонденты приезжают реже: 35,8% — раз в три месяца, 18,5% — раз в месяц и чаще, 16,8% — раз в полгода, 19,1% — раз в год. Еще

реже работники учреждений культуры совершают поездки за пределы республики: больше половины из тех, кто ездил (52,2%) — реже, чем раз в год, 29,9% — раз в год. Из общей выборки ответ на этот вопрос не дали 67,3% участников исследования. Можно предполагать, что они никогда не выезжали за пределы Удмуртии. Подобным образом 83,4% участников не ответили на вопрос о поездках в Санкт-Петербург и Москву, что также может свидетельствовать о том, что респонденты не бывали в столичных городах, а значит, в центральных музеях. В Москве и Санкт-Петербурге были 34 человека, из них всего 6 человек бывают в этих городах раз в год или чаще. За границей побывал 21 человек, из них 19 — один раз.

Большая часть поездок имеет деловые цели. Так, в районный центр раз в месяц и чаще совершают поездки 100% руководителей учреждений, 80% руководителей подразделений и методистов, 77,6% — специалистов. При этом в Ижевск и за пределы республики сотрудники учреждений культуры выезжают даже чаще, чем руководители. Вероятно, речь идет о поездках, связанных как с бытовыми, так и профессиональными проблемами. Лишь небольшая часть работников имеет собственный туристический опыт: 56,7% респондентов сообщили, что они не совершали поездок, будучи в отпуске. Те, кто уезжали отдыхать, путешествовали по России: 13,4% — по Удмуртии, 29,4% — за пределами Удмуртии. Лишь 5 человек (2,4%) отдыхали за границей.

Некоторые руководители открывают позитивный эффект от поездки и стремятся закрепить практику корпоративного туризма.

В прошлом году мы ездили в Дом-музей Чайковского в Воткинск. И заходили сразу же в Воткинский краеведческий музей. Нам было интересно. Сотрудники провели экскурсию не с точки зрения обмена опытом, а с точки зрения, как это можно, чтобы посмотреть, увидеть. Просто обмен опытом — это совершенно не то. Они показывают то, что хотят показать, а, если ты идешь как посетитель, то ты уже видишь, как обычный человек (Директор музея).

По результатам опроса выяснилось, что отказ от поездок не связан с уровнем доходов. С одной стороны, можно предполагать

отказ от поездок в отпуск из-за отсутствия денег. Так, 75% сотрудников с доходом ниже 15 000 руб. не ездили отдыхать, тогда как среди сотрудников с доходом выше 30 000 руб. отдыхали дома 43,8%. С другой стороны, нельзя говорить о тенденции к увеличению количества поездок по России или за границу сотрудников, имеющих более высокий доход. Следовательно, можно говорить именно о стиле жизни селян, который не предусматривает затрат на поездки в отпуск.

Заключение

Профессиональная деятельность работников сельских учреждений культуры определяется как особенностями сельской инфраструктуры, так и специфическими чертами, характерными для представителей постсоветской сельской интеллигенции. Решающее значение также имеют принципы организационной культуры, направленные на внутригрупповую интеграцию сотрудников социальных учреждений, что важно в условиях современной России.

Особенности работы в учреждениях культуры людей разных возрастных групп и с различным стажем работы способствуют установке сочетать различные типы деятельности, готовность брать на себя обязанности коллег, если это необходимо. Сотрудники готовы находить общий язык с коллегами и предотвращать конфликты. Система стимулирования работников при помощи методики эффективного контракта позволяет им более ответственно относиться к содержанию и результатам своей деятельности, но оказывается недостаточно прозрачной.

Работники культуры постепенно включаются в новые формы работы, которые предполагают проектную деятельность. Однако большая часть работников предпочитает позицию исполнителей. Ощущается дефицит методической и консультативной поддержки инициативных проектов. Предполагается, что возможным методом решения проблем может быть, во-первых, расширение сети профессиональных связей. Для этого можно использовать уже налаженные дружеские контакты. Во-вторых, возможным ресурсом развития можно считать дополнительные возможности для мобильности как профессиональной, так и досуговой.

Литература

Гудков, Дубин 2009 — *Гудков Л. Д., Дубин Б. В.* Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 305 с.

Давыдова 2011 — *Давыдова А. В.* Роль управленческой культуры в формировании системы эффективного управления образовательной средой // *Философия образования*. 2011. № 6. С. 74–81.

Оленина, Фролова 2018 — *Оленина Г. В., Фролова А. С.* Актуальные социально-экономические аспекты формирования организованного досугового пространства жителя отечественной сельской территории // *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств)*. 2018. № 1(15). С. 17–31.

Освальд 2013 — *Освальд И.* Новые методологические подходы к исследованию и пониманию села // *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой*. СПб: Алетей, 2013. С. 8–27.

Пашаева 2015 — *Пашаева М. Р.* Управленческая культура в учреждениях культуры и искусства: анализ микросоциологических показателей // *Вестник Южно-Российского государственного политехнического университета*. 2015. № 2. С. 161–166.

Попов 2007 — *Попов Д. С.* Основные направления концептуализации понятия «интеллигенция» // *Профессии. doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри*. М.: ООО «Вариант», 2007. С. 57–78.

Сменцарев 2013 — *Сменцарев Г. В.* Социология свободного времени и вопросы оценки эффективности учреждений культуры // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013. Т. 1. № 2. С. 54–59.

Средняя заработная плата — Средняя заработная плата работников в организациях социальной сферы и науки в Удмуртской Республике за январь-декабрь 2018 года // URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/resources/7c386000449cfcfaebbaede4cdebdf4/%D0%A2%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0+8.%D0%A2%D0%B5%D1%80_Ter%3D94.pdf (дата обращения 20.04.2019).

Чефонова 2015 — *Чефонова Е. А.* Социальное партнерство в социально-культурной сфере: контекст развития проектной деятельности в условиях муниципального образования // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Вып.1(156). С. 158–170.

Хьюз 2012 — *Хьюз Э. Ч.* Профессии // *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности*. М.: ООО «Вариант», ЦГСПИ, 2012. С. 31–46.

Schein 2004 — *Schein E. H.* Organizational Culture and Leadership. Danvers: Jossey-Bass A Wiley Imprint, 2004. 437 p.

References

[Average salary employees social and science institutions in Udmurt Republic since January until December 2018] // URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/resources/7c386000449cfcfaebbaede4cdebdf4/%D0%A2%D0%B

0%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0+8.%D0%A2%D0%B5%D1%80_Ter%3D94.pdf (accessed 26.08.2018). (In Russ.)

Chefonova E.A. [Social partnership in social and culture area: context of development project activity in municipal education environment] Bulletin of Adygeya State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies. 2015. Issue1(156) Pp.158-170. (In Russ.)

Davydova A.V. [Role of managerial culture in development of system effective management in educational environment]// *Filosofiya obrazovaniya*. 2011. №6. Pp.74-81. (In Russ.)

Gudkov L.D., Dubin B.V. [Intellectuals. Notes about literature and Political illusions]. SPb: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2009. 305 p. (In Russ.)

Hughes E.C. Professions. // *Anthropology of professions: borders of employment in the epoch of instability*. Moscow: OOO "variant", ЦГСПИ, 2012. Pp.31–46. (In Russ.)

Olenina G.V., Frolova A.S. [Pertinent social and economic respects for development organized leisure space for resident of native rural territory]// *Transactions (Altai State Academy of Culture and Arts)*. 2018. №1(15). Pp.17–31. (In Russ.)

Oswald I. [New methodological approaches to investigation and understanding rurality]. *Vdaliotgorodov. Zhizn' postsovetskoy derevni*. = Away from cities. The life of the post-Soviet village. / Edit.by Bogdanova, O. Brednikova. St. Petersburg, 2013. P. 8–27. (In Russ.)

Pashaeva M.R. [Managerial culture in culture and art institutions: analysis microsociological markers]// *Bulletin of South Russian State Polytechnical University*. 2015. №2. Pp. 161–166. (In Russ.)

Popov D.S. [The main directions of conceptualization of the concept of "intelligentsia" // *Professions. doc. Social Transformations of Professionalism: Views from the outside, Views from the inside. Main directions excoigation of the definition "Intellectuals"*] M.: OOO «Variant», 2007. Pp.57-78. (In Russ.)

Schein E. H. Organizational Culture and Leadership. Danvers: Jossey-Bass A Wiley Imprint, 2004. 437p.

Smencarev G.V. [Sociology of leisure and items of evaluation effectiveness of culture institutions] // *Bulletin of Cherepovetsk State University*. 2013. Vol.1. № 2. Pp.54-59. (In Russ.)

Shhepanskaja T.B. [Anthropology of professions] // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2003. Vol.VI. №1 (21). Pp.139-161. (In Russ.)

Современное состояние и общественная значимость родных языков коренных народов Севера в контексте социологических исследований: на примере с. Угут Сургутского района Югры

Саид Хамдамович Хакназаров¹

¹ Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (д. 14А, ул. Мира, 628011 Ханты-Мансийск, Российская Федерация)

кандидат геолого-минералогических наук, заведующий отделом
ORCID: 0000-0003-4887-2687. E-mail: s_haknaz@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются современное состояние и общественная значимость родных языков коренных малочисленных народов Севера на локальном уровне на примере с. Угут Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. *Основная цель исследования:* изучить современное состояние уровня владения родными языками коренных малочисленных народов Севера с. Угут Сургутского района Югры. В качестве *материала* в работе были использованы результаты социологического опроса, проведенного в 2018 г. на территории рассматриваемого населенного пункта, а также результаты ранее проведенных исследований по данной тематике. *Методика:* исследования проводились анкетным методом. Анкета содержала 28 вопросов с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те из них, которые они считали приемлемыми. Результаты мониторинга обработаны в программе для обработки социологической информации «Vortex». *Результаты* социологического исследования показывают достаточно благополучную ситуацию по владению родными языками гражданами из числа коренных малочисленных народов Севера, проживающими на территории с. Угут Сургутского района. Абсолютное большинство респондентов считают своим родным языком хантыйский язык. При этом чуть более половины респондентов не ассоциируют родной язык с сегодняшним своим самоопределением и оценивают его либо как историческую связь с предками, либо как язык близких, друзей и знакомых. В семейном общении чаще всего используют русский язык. На родном языке в семье общается лишь незначительная часть респондентов. Касаюсь

вопроса жизнестойкости родных языков, большинство респондентов полагают, что их родные языки находятся под угрозой исчезновения и их положение вызывает опасения. Лишь незначительная часть респондентов отметила, что их родной язык находится в безопасности.

Ключевые слова: родной язык, уровень владения, общественная значимость, жизнестойкость, респонденты

Благодарности. Автор благодарит сотрудников Обско-угорского института прикладных исследований и разработок за помощь в проведении эмпирического опроса на местах и компьютерную обработку результатов опроса.

Для цитирования: Хакназаров С.Х. Современное состояние и общественная значимость родных языков коренных народов Севера в контексте социологических исследований: на примере с. Угут Сургутского района Югры. Село России. 2019; (2): 189-209. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-189-209.

UDC 39; 811.511:142

Current state and social significance of native languages of indigenous peoples of the North in the context of sociological research: Case of Ugut village of Surgut district, Ugra

*Said Khamdamovich Khaknazarov*¹

¹ Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (14A, Mira Str., Khanty-Mansiysk 628011, Russian Federation) Cand.Sc. (Geology and Mineralogy), Head of Department ORCID: 0000-0003-4887-2687. E-mail: s_haknaz@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The article considers the current state and public importance of native languages of small-numbered indigenous peoples of the North at the local level on the example of Ugut village, Surgut region, Khanty-Mansi Autonomous District in Ugra. The main *purpose* of the research was to study the current state of the level of native language proficiency of small-numbered indigenous peoples of the North in the village of Ugut, Khanty-Mansi Autonomous District in Ugra. The results of the sociological survey, conducted in 2018 on the territory of the settlement under consideration, as well as the results of the previous researches on this topic were used as the material. *Methodology:* the research was

conducted by questionnaire method. The questionnaire contained 28 questions with variants of answers. The respondents were to choose only those that they considered acceptable. The monitoring results were processed in the “Vortex” program for processing sociological information. The *results* of the sociological survey show quite a favorable situation with regard to the knowledge of native languages by the citizens of indigenous peoples of the North living in the territory of Ugut village, Surgut district. The absolute majority of the respondents claim Khanty language as their native language. At the same time, a little more than half of the respondents do not associate their native language with their current self-identification and assess it as a historical link with their ancestors, or as the language of relatives, friends, and acquaintances. The Russian language is most often used in family communication. Only a small part of the respondents communicate in their native language in the family. Regarding the issue of the vitality of mother tongues, most respondents believe that their mother tongues are endangered and their situation is alarming. Only a small proportion of the population lives in the village of Ugut in the Surgut region. The absolute majority of respondents consider Khanty language their native language. At the same time, a little more than half of respondents do not associate their native language with their current self-determination and assess it as a historical link with their ancestors, or as the language of relatives, friends, and acquaintances. The Russian language is most often used in family communication. Only a small part of respondents communicate in their native language in the family. Regarding the issue of the vitality of mother tongues, most respondents believe that their mother tongues are endangered and their situation is alarming. Only a small proportion of the respondents reported that their mother tongue was not threatened.

Keywords: native language, level of proficiency, social significance, resilience, respondents

Acknowledgements. The author thanks the staff of Ob-Ugorsk Institute of Applied Research and Development for their assistance in conducting the empirical field survey and for computer processing of the survey results.

For citation: Khaknazarov S.Kh. Modern state and public significance of native languages of indigenous peoples of the North in the context of sociological research: Case of Ugut village of Surgut district, Ugra. Village of Russia. 2019; (2): 189-209. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-189-209.

Введение

Самая большая ценность для любого народа — это язык, который связан с культурой, историей и бытом этноса. Любовь к родному языку, родному краю, родной культуре начинается с малого — с любви к своей семье, своему дому. Благодаря языку продолжают жить традиции, он пробуждает интерес к познанию мира и способствует проявлению уважения к нашему прошлому [Международному дню родных...].

Социологические методы исследования являются важными инструментариями для получения информации по разным проблемам от сообществ. Использование мнения населения о сложившихся языковых ситуациях осуществляется на разных уровнях (от локального до глобального) и по разным направлениям.

Проведение социолингвистических исследований, основной целью которых является определение реальной картины языковой компетенции потенциальных носителей родного языка, становится необходимым. Более того на основе анализа проведенных исследований разрабатываются рекомендации, в которых нуждаются законодательные, исполнительные органы власти для принятия эффективных решений относительно реализации языковой политики в регионе [Намруева 2014].

В данной работе мы остановимся несколько подробнее на рассмотрении результатов таких социологических исследований. Использование социологических методов как одного из основных «инструментов» по изучению восприятия людей широко применяется в современной науке.

Как отмечает Б.И. Цыбденова, проблема языковой ситуации является объектом изучения и пристального внимания не только ученых-гуманитариев, но и общественности и правящих кругов. Этот всеобщий научный и практический интерес к данному явлению обусловлен необходимостью решения актуальных социолингвистических проблем, проблем сознательного регулирования языковой ситуации [Цыбденова 2003: 3].

Использование родного языка является базовым условием сохранения этнокультурной идентичности, так как многие компоненты этнокультуры (устное народное творчество, народная песенная

культура, национальная литература, национальный театр и т.д.) существуют благодаря его функционированию.

Значимость родного языка в общественном плане выступает как комплексный показатель восприятия населением его роли в общественной жизни. В него входит степень владения родным языком большинством населения, а в некоторых субъектах страны и эффективность его функционирования как государственного.

Статус языка — результат, сформировавшийся на основе функций языка, признания ценности его роли. Поэтому, как правило, говорят о высоком статусе языка (не принято говорить о низком статусе языка). Статус и престижность языка выражают отношение власти через восприятие говорящих людей.

В последнее время отмечается тенденция снижения среди коренных малочисленных народов Севера (КМНС) количества людей, признающих родным язык своего народа. Национальный язык как отличительный признак данного этноса утрачивает свою функциональную роль, поскольку вытесняется не только из производственной сферы, но и из бытового общения. Однако факт признания при опросах родным языком языка своей национальности гораздо большим количеством респондентов, чем реально владеющих им, говорит о высоком уровне этнического самосознания, ставящем барьер этнической ассимиляции. Данный факт выявляет реально существующую ценность родного языка для этнического коллектива, осознание которой выступает своеобразной «защитной реакцией» этноса на угрозу полной этнической ассимиляции.

Н. Б. Вахтин в своей работе подчеркивает, что возрождение национальных языков происходит тогда, когда возникает мотивация их использования, возрастает их престиж и, соответственно, укрепляется приверженность к ним. Мотивация бывает разной: идеологической, социально-психологической, даже экономической. Человек может захотеть говорить на родном языке для того, чтобы подчеркнуть свою этническую идентичность, чтобы выделить себя среди соседних народов, просто в знак протеста. Именно этот процесс начался в 1990-е гг. XX в. и происходит сейчас повсеместно на Севере, и не только на Севере [Вахтин 2004].

Как считают М. М. Бауэр и Ю. М. Беспалова, для развития и сохранения национальных языков в регионе необходима реализация комплекса мер [Бауэр, Беспалова 2007]:

- законодательных (законодательное обоснование языкового развития, его нормативно-правовое регулирование);
- образовательных (расширение возможностей по развитию и изучению национальных языков);
- пропагандистских (повышение значимости национального языка в социуме).

Основной *целью* работы является исследование современного состояния уровня владения и общественной значимости родных языков коренных малочисленных народов Севера с. Угут Сургутского района Югры. Материалом нашего исследования послужили результаты социологического опроса, проведенного в 2018 г. на территории с. Угут Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, а также результаты ранее проведенных исследований по данной тематике (в том числе социологического исследования, проведенного сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок в 2011 г. в с. Угут Сургутского района¹). В 2018 г. на базе отдела социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) были проведены этносоциологические исследования² среди жителей с. Угут Сургутского района Югры, целью которых явилось выяснение современной языковой ситуации у представителей коренных малочисленных народов Севера.

Основной метод исследований: анкетирование. Опросы проведены посредством анкетного опроса с выездом непосредственно в места проживания респондентов. Сроки проведения исследования: май–август 2018 г. Объем выборки: 57 респондентов. Анкета содержала 28 вопросов с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те из них, которые они считали приемлемыми. Результаты мониторинга обработаны в программе для обработки социологической информации «Vortex».

¹ Руководителем указанных проведенных социологических исследований является автор статьи. Обработку результатов в программе для обработки социологических и маркетинговых исследований «Vortex» выполнил инженер-исследователь отдела СЭРиМ ОУИПИиР В.А. Рудаков.

² Автором и организатором проведения исследований является автор статьи.

Основная часть

Характеристика территории исследований

Сельское поселение Угут расположено в южной части Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ХМАО — Югры).

С 1924 по 1926 г. территория входила в Юганский сельсовет, затем в Угутско-Юганский Туземный район, в 1931 г. переименованный в Угутско-Юганский сельсовет. В 1941 г. был образован Угутский сельсовет. 1 января 2006 г. на этой территории образовано новое муниципальное образование сельское поселение Угут [Сельское поселение...]. Административный центр поселения — самый крупный населенный пункт — с. Угут.

В состав сельского поселения Угут входят 5 населенных пунктов: село Угут, поселок Малоюганский, деревни: Таурова, Каюкова, Тайлакова. Численность постоянно проживающего населения — 2919 человек, из которых треть населения — представители коренных малочисленных народов Севера (1099 человек). Административный центр поселения — самый крупный населенный пункт — с. Угут [Общая информация; Население...].

Результаты исследований

В опросах приняли участие 46 респондента в возрасте от 17 до 60 лет. Из них: ханты — 52 (91,2%), ненцы — 3 (5,3%), другой национальности — 2 (3,5%). Мужчин — 10 (19,3%), женщин — 23 (80,7%). Все респонденты проживают в с. Угут Сургутского района Югры.

Образовательный уровень: большинство опрошенных имели среднее образование (50,9%); среднее специальное — 19,3%; незаконченное высшее и высшее — 17,6%; начальное — 12,3.

Социальный статус распределился следующим образом: работник в сфере традиционных профессий (рыбак, охотник, оленевод и др.) — 12,3%; работник образования и науки — 12,3%; работник культуры — 12,3%; работник здравоохранения — 8,8%; служащий и руководитель — 7,0%; школьник — 3,5%; пенсионер — 7,0%; безработный — 21,1%; работники других профессий — 15,7%.

По итогам исследований мы выяснили, что родной язык у респондентов: хантыйский — 77,2%, другой — 22,8%.

В ходе исследований немаловажно было узнать мнение респондентов о значении родного языка для них, и был задан соответствующий вопрос (таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «**Что означает для Вас родной язык?**», n* = 57 (2018 г.)

Варианты ответов	Частота ответов	% от числа ответивших
Мой родной язык	35	61,4
Язык моих предков	25	43,9
Язык близких друзей и знакомых	6	10,5
Чужой язык	1	1,8
Ничего не означает	3	5,3
Затруднялись ответить	1	1,8

*n — число респондентов

Как видно из данных (таблица 1), значительное большинство опрошенных 61,4% (в сравнении: в 2011 г. на этот вопрос данный ответ выбрали 57,8%) называют свой язык именно родным языком. В 2018 г. — 49,3%, в 2011 г. — 31,1% респондентов считали, что это язык их предков. Таким образом, называя хантыйский или мансийский язык своим родным языком, респондент сразу манифестирует прежде всего свое национальное (этническое) самосознание.

Затрагивая вопрос уровня (или степени) владения родными языками, отметим его особенную значимость, так как владение родными языками может быть различным. Данное обстоятельство указывает на важнейшую проблему престижности и статуса самих родных языков. Ответы респондентов с. Угут Сургутского района на поставленный в этой связи вопрос приведены в таблице 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «**Определите свой уровень владения родным языком**» (2018 г.)

Варианты ответов	Число ответивших	В %
Свободное владение (умею выражать свои мысли спонтанно, говорю бегло)	21	36,8

Самостоятельное владение (понимаю речь других, говорю бегло)	14	24,6
Элементарное владение (понимаю речь других и могу использовать простые фразы)	6	10,5
Пассивное владение (понимаю речь других, но не разговариваю)	6	10,5
Не владею	10	17,5
Итого	57	100

Как показывают данные, представленные в таблице 2, 51,4% ответивших респондентов с. Угут отметили, что на свободном или самостоятельном уровне владеют родным языком. Владеют на пассивном и элементарном уровне 21,0% респондентов. В целом, в той или иной степени, владеют родным языком, по данным 2018 г. — 82,5%, по данным 2011 г. — 80,0% ответивших респондентов. А по Сургутскому району аналогичные цифры составили в 2018 г. 91,9%, в 2011 г. — 97,0%, то есть в районе наблюдается незначительное снижение доли владеющих родными языками.

В качестве сравнения также на локальном уровне отметим, что более 80% респондентов д. Нумто Белоярского района, по данным 2011 г., также владели родным языком [Хакназаров 2012а; 2012в].

Далее, отвечая на вопрос, «Если не владеете родным языком, то почему?», 14,0% ответивших респондентов отметили, что нет языковой среды. Также респонденты отметили, что им не преподавали родной язык в школе (5,0%) и нет желания изучить родной язык (5,0%).

Как отмечают в работе Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина, знание и свободное владение родным языком наделяют человека особым статусом хранителя, носителя и транслятора традиционной культуры, традиционного образа жизни. Судя по результатам нашего опроса, к таковым можно отнести около трети коренного населения округа. Лучше всего родной язык знают чуть более четверти опрошенных, а родной язык и русский — каждый третий респондент. По результатам исследований Т. Г. Харамзина, Н. Г. Хайруллиной, авторы выявили, что языком владеют свободно, разговаривают и

пишут только 22,6% коренного населения. Почти такое же число респондентов (19,5%) могут разговаривать и читать, а 17,6% — могут только разговаривать [Харамзин, Хайруллина 2010].

Немаловажно отметить, что существенным институтом социализации является семья. О том, на каком языке общаются в семье и между собой, зависит вопрос сохранения и развития родных языков. Собственно в семье закладываются первые языковые навыки.

Отвечая на вопрос: «*На каком языке или языках Вы обычно общаетесь в семье?*», большинство респондентов (в 2018 г. — 43,9%, в 2011 г. — 52,2%) отметили, что дома между собой общаются в основном на русском языке. На родном языке и других языках в равной степени общаются дома 26,3% (26,1%) респондентов. На родном языке в семье общаются 21,1% (19,6%) (таблица 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «**На каком языке или языках Вы обычно общаетесь в семье?**», n*=57 (2018 г.)

Варианты ответов	Частота ответов	% от числа опрошенных
На русском языке	25	43,9
На родном и другом языках в равной степени	15	26,3
На родном языке	12	21,1
В традиционной среде — на родном (когда приезжаю к родным)	2	3,5
Больше на другом, чем на родном языке	2	4,3
Больше на родном, чем на другом языке	1	2,2
На другом языке	0	0,0
На родном только с пожилыми родственниками	2	3,5
Нет данных	3	5,3

*n — число респондентов

Примерно так же ответили на данный вопрос и респонденты Белоярского района в 2011 г. Здесь значительное большинство респондентов — 59,0% — ответили, что дома в основном общаются на русском языке, 14,6% респондентов — что дома общаются на

родном языке, в равной степени общаются дома на родном языке и других языках 13,2% респондентов, а общаются на родном языке в традиционной среде, когда приезжают к родным и родственникам, лишь 3,5% респондентов [Хакназаров 2012б].

Отвечая на вопрос: «*На каком языке с Вами общались Ваши родители?*», 43,9% респондентов отметили, что родители общались в основном на родном языке. В равной степени общались дома на родном языке и других языках 29,8% респондентов. На родном языке в семье общаются 24,6% .

Незначительное большинство респондентов (в 2018 г. — 42,1%, в 2011 г. — 20,0%), отвечая на вопрос: «*На каком языке или языках Вы обычно общаетесь на работе?*» (таблица 4), ответили, что общаются на работе между собой на родном и другом языке в равной степени. 36,9% респондентов отметили, что на работе общаются на другом (русском) языке. Лишь 14,0% респондентов ответили, что на работе общаются на родном языке.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «**На каком языке или языках Вы обычно общаетесь на работе?**» (2018 г.)

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа ответивших
На другом языке	21	36,9
На родном и другом языке в равной степени	24	42,1
На родном языке	8	14,0
Нет данных	4	7,0
Итого	57	100,0

Относительное большинство респондентов, 41,3%, отвечая на вопрос: «*Как Вам кажется, люди вокруг Вас за последние год–два в целом стали больше или меньше говорить на родных языках в общественных местах или ничего не изменилось?*», отметили, что в этот период люди стали меньше говорить на родных языках в общественных местах [Хакназаров 2015].

Отвечая на вопрос: «*Есть ли желание выучить родной язык?*», большинство ответивших респондентов (87,5%) из числа ханты

сказали, что хотели бы выучить хантыйский язык, а 12,5% ханты — что хотели бы выучить мансийский язык. Один ответивший из числа манси также ответил, что хотел бы выучить хантыйский язык.

Касаясь вопроса о доступности периодических изданий на родных языках, 7,0% в 2018 г. и 26,1% респондентов — в 2011 г. отметили, что не выписывают периодических изданий на родных языках, и лишь соответственно 15,8% в 2018 г. и 6,5% в 2011 г. ответили, что им доступна газета «Ханты ясанг» (на казымском диалекте хантыйского языка), а 7,0% респондентов — что им доступна газета «Айкал» (на сургутском диалекте хантыйского языка). Затруднились ответить на данный вопрос 75,4% (67,4%) опрошенных респондентов.

По данным проведенных ранее исследований, большинство опрошенных респондентов считают, что за последние год–два увеличился объем радио- и телевидения на родных языках. 17,4% отметили, что, наоборот, объем вещания на родных языках уменьшился, и 30,4% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос (таблица 5).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, за последние год–два объем радио- и телевидения на Вашем родном языке увеличился или уменьшился?»
[Хакназаров 2015]

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Увеличились	24	52,2
Уменьшились	8	17,4
Затруднились ответить	14	30,4
Итого	46	100,0

Как показывают данные, представленные в таблице 6, 32,6% респондентов полагают, что за последние год–два стало больше издаваться художественной и учебной литературы на их родных языках. Не увидели изменения ситуации 6,5% и затруднились ответить на данный вопрос 54,4% опрошенных респондентов.

Таблица 6. Как Вы считаете, за последние год–два стало больше или меньше издаваться художественной литературы и учебной литературы на вашем родном языке?
[Хакназаров 2015]

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Больше	15	32,6
Ничего не изменилось	3	6,5
Меньше	3	6,5
Затрудняюсь ответить	25	54,4
Итого	46	100,0

Другой значимый и важный вопрос в деле сохранения родных языков коренных народов Севера — это вопрос об общественной значимости родных языков. Отвечая на вопрос: «*Как бы Вы оценили общественную значимость вашего родного языка на сегодняшний день?*», в 2018 г. — 43,9%, а в 2011 г. — 78,2% опрошенных респондентов с. Угут оценивают общественную значимость своих родных языков как низкую и как недостаточно высокую. Оценивают ее как высокую и достаточно высокую соответственно 50,9% (в 2018 г.) и 17,4% (в 2011 г.) респондентов (таблица 7). Как видим, взгляды респондентов рассматриваемого поселения на данный вопрос поменялись: возросла доля респондентов, считающих общественную значимость своего родного языка высокой. Лишь 5,3% респондентов, по данным 2018 г., затруднились ответить на данный вопрос.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос:
«Как бы Вы оценили общественную значимость
вашего родного языка на сегодняшний день?»
по результатам исследований 2018 г. и 2011 г.

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Как недостаточно высокую	18 (25 ¹)	31,6 (54,3)
Как низкую	7 (11)	12,3 (23,9)
Как высокую	11 (4)	19,3 (8,7)
Как достаточно высокую	18 (4)	31,6 (8,7)

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Затруднялись ответить	3 (2)	5,3 (4,3)
Итого	57 (46)	100,0

Чтобы выяснить, читают ли респонденты газеты и журналы на родных языках, нами был задан вопрос схожего характера. Большинство респондентов села Угут — 49,0% в 2018 г., 50% в 2011 г. — отметили, что не читают газеты и журналы на родном языке. Иногда читают, по данным 2018 г., — 17,5% (по данным 2011 г. — 26,1%) ответивших респондентов. Нет такой возможности соответственно у 31,8% (2018 г.) и 23,9% (2011 г.) респондентов. Видимо, такие ответы респондентов связаны с тем, что национальная газета на хантыйском языке «Ханты ясанг» выходит на казымском диалекте хантыйского языка, а в Сургутском районе (в том числе в с. Угут) в основном проживают ханты, владеющие сургутским диалектом хантыйского языка.

Следует отметить, что, в отличие от респондентов Сургутского (в том числе и с. Угут), Нижневартовского и Нефтеюганского районов, опрошенные респонденты из Белоярского района во время опроса 2011 г. отметили, что иногда читают газеты и журналы на родном языке — 47,9%. Регулярно читали газеты и журналы на родном языке — 18,8% и их не читали — 25,7% респондентов. Как мы уже отмечали, это обстоятельство говорит о том, что жителям Белоярского района доступны газеты и журналы на родных языках, и хантыйская газета выходит в основном на казымском диалекте хантыйского языка [Хакназаров 2012а; 2012б].

Абсолютное большинство ответивших респондентов (79,0% в 2018 г., 72,8% в 2011 г.) хотят, чтобы их дети и внуки умели говорить на своем родном языке и понимать речь на нем, а желательно — и умели читать и писать (таблица 8). За то, что достаточно, чтобы дети и внуки просто понимали устную речь на родном языке², высказались 6,8% респондентов. Не видели в этом необходимости в 2018 г. 15,8%, в 2011 г. — 6,8% респондентов. Впрочем, важно отметить, что примерно так же думают и респонденты в других исследованных районах и населенных пунктах округа.

¹ В таблице в скобках даны сведения за 2011 г.

² Данный вариант ответа в опросе 2018 г. не рассматривался.

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, желательно или не желательно, чтобы ваши дети или внуки владели родным языком?» (2018 и 2011 гг.)

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа ответивших
Желательно, чтобы умели читать и писать	22 (16 ²)	38,6 (36,4)
Желательно, чтобы умели говорить и понимать	23 (16)	40,4 (36,4)
Достаточно понимать устную речь	3	6,8
Не вижу необходимости	9 / 3	15,8 / 6,8
Затруднялись ответить	6 / 6	10,5 / 13,6
Итого	57 / 44	100,0

Касаясь вопроса об изучении и сохранении родных языков коренных народов Севера, А.В. Кривошапкин в своем докладе «О работе Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» на V съезде коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), обращаясь к участниками форума, отметил следующее: «при этом не забывайте о состоянии овладения родными языками среди населения. В этих случаях ничто без внимания не останется, меры будут приниматься. Ни на миг не забывайте, что развитие родных языков — это и будущее и судьбы коренных малочисленных народов Севера» [Кривошапкин 2013].

Относительно вопроса, имеют ли значение общественные организации в деле сохранения родных языков, 43,5% респондентов, по данным нашего исследования 2018 г., дали утвердительный ответ. 8,7% высказали отрицательное суждение. Затруднялись ответить на данный вопрос 47,8% ответивших респондентов (таблица 9).

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос: «Играют ли роль общественные организации в деле сохранения родных языков?» (2018 г.)

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Да	20	43,5
Нет	4	8,7

¹ В таблице в скобках представлены данные за 2011 г.

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Затрудняюсь ответить	22	47,8
Итого	46	100,0

Отвечая на вопрос: «*Как Вы считаете, государством принимаются достаточные меры для сохранения и развития родного языка и культуры в РФ?*», 23,1% респондентов, опрошенных в 2018 г., отметили, что недостаточно. Доля респондентов, полагающих, что государством принимаются, безусловно, достаточные и скорее достаточные меры для сохранения и развития родного языка и культуры КМНС в РФ, составляет 12,8% (таблица 10).

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, государством принимаются достаточные меры для сохранения и развития родного языка и культуры в РФ?» (2018 г.)

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа ответивших
Безусловно, достаточно	5	12,8
Скорее достаточно	5	12,8
Ничего не изменилось	5	12,8
Недостаточно	9	23,1
Затрудняюсь ответить	15	38,5
Итого	39	100,0

Значительное большинство респондентов (63%), отвечая на вопрос: «*От кого, по Вашему мнению, в большей степени зависит сохранение и развитие родных языков?*», отметили, что сохранение и развитие родных языков в большей степени зависит от самих граждан. Примерно 14% респондентов полагают, что это зависит скорее от властей округа, района, поселения.

Отвечая на этот же вопрос, ранее большинство ответивших респондентов (54,8%) Белоярского района также отметили, что сохранение и развитие родных языков в большей степени зависит от самых граждан.

Взгляды респондентов с. Угут Сургутского района о возможности современной школы в деле сохранения и развития родного языка показаны в таблице 11.

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы оцениваете?» (2018 г.)

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа ответивших
Безусловно, увеличились	3	6,7
Скорее увеличились	15	33,3
Не изменились	6	13,3
Скорее уменьшились	4	8,9
Затрудняюсь ответить	13	28,9
Нет ответа	4	8,9
Итого	45	100,0

Относительно большое число респондентов (33,3%) считают, что возможности современной школы в сохранении и развитии родного языка и культуры скорее увеличились. 13,3% респондентов отметили, что роль школы по данному вопросу скорее не изменилась. 8,9% респондентов полагают, что возможности современной школы по данному вопросу скорее уменьшились. Примерно 30% респондентов затруднялись ответить на данный вопрос.

А вот в Нижневартовском районе во время ранее проведенного исследования были получены противоположные результаты: 31,5% респондентов, отвечая на этот же вопрос, отметили, что роль современной школы скорее уменьшилась. А 10,9% респондентов отметили, что роль школы по данному вопросу скорее не изменилась [Хакназаров 2012в].

Большинство опрошенных в с. Угут в 2018 г. — 50,0% — при ответе на вопрос: «Достаточно ли освещаются проблемы сохранения языков в окружных средствах массовой информации? (проблемы, необходимость изучения языков, о сохранении языков в семье, законы о языках и т.д.)», отметили, что данные проблемы освещаются на достаточном уровне. Затруднялись ответить на данный вопрос 41,7% респондентов села.

Респонденты также отметили следующие проблемы, которые часто освещают окружные средства массовой информации: освещение насущных вопросов семей, ведущих традиционный образ

жизни; вопросов необходимости проведения научных конференций и семинаров; вопросов недостаточного издания книг, которые позволяли бы знакомиться с ними носителям определенных диалектов.

Заключение

В заключение отметим: значительное большинство респондентов — 82,5% — во время опроса (82,5%) в с. Угут Сургутского района в 2018 г. показали, что в той или иной степени владеют родным языком. Данная цифра в целом по Сургутскому району составляет более 90,0%, что свидетельствует: этот район является лидером по количеству жителей, владеющих родным языком. В целом результаты опроса указывают на достаточно благополучную ситуацию по владению родными языками гражданами из числа КМНС, проживающими на территории Сургутского района (в том числе в с. Угут).

Большинство респондентов рассматриваемого населенного пункта (72,2%) считают родным языком хантыйский язык. Касаясь вопроса о значении родного языка, 61,4% респондентов отметили, что это их родной язык (то есть первый язык, усвоенный с раннего детства), однако при этом чуть более половины респондентов (54,3%) не ассоциируют родной язык с сегодняшним своим самоопределением и оценивают его либо как историческую связь с предками, либо как язык близких, друзей и знакомых.

Чуть менее половины респондентов (43,9%) в семье используют русский язык. На родном языке в семье общаются лишь 21,1% респондентов.

Как высокую и достаточно высокую общественную оценили значимость родного языка 50,9% опрошенных жителей с. Угут. Жизнестойкость родного языка респонденты определили преимущественно в негативных оценках. Респонденты в подавляющем большинстве высказали желание, чтобы их дети и внуки владели родным языком.

Как и в других исследованных районах, основными причинами, по которым не владеют родным языком респонденты с. Угут, являются, по их мнению, отсутствие обучения в школе, отсутствие языковой среды и т.п.

Вселяет оптимизм и надежду при всем том, то, что абсолютное большинство ответивших респондентов поселения Угут (79,0%) хотят, чтобы их дети и внуки умели говорить и понимать свой родной язык, желательно умели читать и писать, понимали устную речь на родном языке. Впрочем, важно отметить, что примерно так же думают и респонденты в других исследованных районах и населенных пунктах округа.

Литература

Бауэр, Беспалова — *Бауэр М. М., Беспалова Ю. М.* Современные трансформационные процессы в языковом пространстве Западно-Сибирского региона (на материалах Тюменской области) [Электронный ресурс] // URL: <http://law.admtuyumen.ru/noframe/nic?d&nd=466201480&nh=1> (дата обращения: 24.07.2012).

Вахтин 2003 — *Вахтин Н. Б.* Языки народов Севера // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 4. С. 301–309 [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VRAN/2004/VAKHTIN.HTM> (дата обращения: 16.10.2013).

Кривошапкин 2013 — *Кривошапкин А. В.* Долг народов Севера – идти в ногу со временем, с развитием Арктики и Севера / Доклад А.В. Кривошапкина о работе Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на V съезде коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] (дата публикации 22.03.2013) // URL: <http://www.vecherniy.com/smi-post-21328> (дата обращения: 15.10.2013).

Международному дню ... — Международному дню родных языков была посвящена республиканская конференция «Люблю тебя, Карелия!» [Электронный ресурс] // URL: http://www.gov.karelia.ru/News/2010/02/0227_16.html (дата обращения: 15.10.2013).

Намруева 2014 — *Намруева Л. В.* Состояние калмыцкого языка (по итогам социологических исследований 2008, 2013 гг.) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Казань, 25–27 сентября 2014 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 312–315.

Население — Население [Электронный ресурс] // URL: <http://угут-адм.рф/население/> (дата обращения: 11.10.2019).

Общая информация — Общая информация [Электронный ресурс] // URL: <http://www.admsr.ru/region/municipalities/91588/> (дата обращения: 11.10.2019).

Сельское поселение — Сельское поселение Угут [Электронный ресурс] // URL: <http://www.admsr.ru/municipalities/7/> (дата обращения: 16.10.2013).

Хакназаров 2012 а — *Хакназаров С. Х.* Владение родных языков у представителей коренных народов Белоярского района: социологический аспект // Вестник урологии. 2012. № 3(10). С. 102–110.

Хакназаров 2012 б — *Хакназаров С. Х.* О современном состоянии родных языков коренных народов Севера Нижнеартовского района Югры: по результа-

там социологических исследований // Язык, фольклор и традиционная культура финно-угорских народов: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. (30–31 мая 2012 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир», 2012. С. 201–216.

Хакназаров 2015 — *Хакназаров С. Х.* Современное состояние родных языков коренных народов Севера на локальном уровне: на примере с. Угут Сургутского района Югры // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: мат-лы дистанц.н. –практ. конф. XIII Югорские чтения (20 декабря 2014 г., г. Ханты-Мансийск). Воронеж: ООО «МАКС-ПРИНТ», 2015. С. 270–279.

Хакназаров 2012в — *Хакназаров С. Х.* Состояние родных языков коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2008–2011 гг. Ханты-Мансийск: Издат. дом «Новости Югры», 2012. 202 с.

Харамзин, Хайруллина 2010 — *Харамзин Т. Г., Хайруллина Н. Г.* Экологическое здоровье обских утров. Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2010. 270 с.

Цыбденова 2003 — *Цыбденова Б. Ж.* Особенности языковой ситуации национального региона Российской Федерации: На примере Республики Бурятия: автореф. дис. ...канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2003. 23 с.

References

Bauer M.M., Besalova Yu.M. [Modern transformational processes in the language space of the West Siberian region (on the materials of the Tyumen region)]. An Internet resource: <http://law.admtyumen.ru/noframe/nic?d&nd=466201480&nh=1> (Access date: July 07, 2012). (In Russ.)

[General information.] An Internet resource: <http://www.admsr.ru/region/municipalities/91588/> (Access date: November 10, 2019). (In Russ.)

Krivoshapkin A.V. [Duty of the peoples of the North is to keep up with the times, with the development of the Arctic and the North] [Report on work of Association of indigenous ethnic groups of the North of the Sakha (Yakutia) Republic at the V congress of indigenous ethnic groups of the North of the Sakha (Yakutia) Republic]. An Internet resource: <http://www.vecherniy.com/smi-post-21328> (Access date: October 10, 2013). (In Russ.)

Lantuh N.A. [Native language as a folk teacher and mentor]. An Internet resource: <http://sm.znaimo.com.ua/docs/62/index-487223.html> (accessed: October 10, 2013). (In Russ.)

Namrueva L. V. [Modern ethno-linguistic situation in the Republic of Kalmykia]. Elista: KIGI RAS, 2011. 217 p. (co-authored with Ochirova N. G.). (In Russ.)

Namrueva L.V. [State of the Kalmyk language (according to the results of sociological studies of 2008, 2013) Positive Experience in Regulating Ethnic Social and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation]: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. (Kazan, September 25-27, 2014)]. Kazan: Institute of History named after S. Marjani Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014. Pp. 312-315. (In Russ.)

[Population]. An Internet resource: <http://угут-адм.рф/население/> (Access date: 11.10.2019). (In Russ.)

Khaknazarov S.H. [Knowledge of native languages of representatives of indigenous peoples of Beloyar district: sociological aspect]. Bulletin of Ugric Studies. Khanty-Mansiysk, 2012. No. 3(10). Pp. 102-110. (In Russ.)

Khaknazarov S.H. [On the modern state of native languages of indigenous peoples of the North of the Nizhnevartovsky district of Ugra: according to the results of sociological research]: [Language, Folklore and Traditional Culture of Finno-Ugric Peoples: Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference. (May 30-31, 2012, Khanty-Mansiysk)]. Khanty-Mansiysk: Pechatny mir LLC, 2012. Pp. 201-216. (In Russ.)

Khaknazarov S.H. The modern state of native languages of indigenous peoples of the North at the local level: on the example of Ugut village of Surgut district, Ugra. Indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East: Traditions and innovations [Proceedings of the remote scientific and practical conference XIII Ugorsky readings (December 20, 2014, Khanty-Mansiysk)]. Voronezh: MAX-PRINT LLC, 2015. Pp. 270-279. (In Russ.)

Khaknazarov S.H. [State of native languages of small indigenous peoples of the North of Khanty-Mansi Autonomous District - Ugra in 2008-2011]. Khanty-Mansiysk: Publishing House "Novosti Ugry," 2012. 202 p. (In Russ.)

Kharamzin T.G., Khayrullina N.G. [Ecological health of Ob Ugrians]. Khanty-Mansiysk, 2010. 270 p. (In Russ.)

[Republican conference "I love you, Karelia!" was dedicated to the International Mother Tongue Day.] An Internet resource: http://www.gov.karelia.ru/News/2010/02/0227_16.html (accessed: October 15, 2013). (In Russ.)

[Rural settlement Ugut]. An Internet resource: <http://www.admsr.ru/municipalities/7/> (Access date: 16.10.2013). (In Russ.)

Tsybdenova B.J. [Peculiarities of the language situation of the national region of the Russian Federation: On the example of the Republic of Buryatia]. A Cand. Sc. Thesis (sociological) extended abstract. Ulan-Ude, 2003. 23 p. (In Russ.)

Vakhtin N. B. [Languages of the Peoples of the North]//Journal of the Russian Academy of Sciences, 2004. Volume 74. No. 4. Pp. 301-309. An Internet resource: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VRAN/2004/VAKHTIN.HTM> (accessed: October 16, 2013). (In Russ.)

Культура повседневного питания сельчан: традиции и инновации (на примере Республики Саха (Якутия))

*Декабрина Михайловна Винокурова*¹,

*Изабелла Захаровна Борисова*²

¹ Финансово-экономический институт Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (д.58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, зав. лабораторией

ORCID: 0000-0002-8924-2254. E-mail.dorofdm1@yandex.ru

² Французско-российский центр Управления международных связей Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (д.58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, директор центра сотрудничества с франкоязычными странами

ORCID: 0000-0003-3620-7452. E-mail.isborissova@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Культура повседневного питания любого народа складывается в зависимости от традиционного хозяйствования, условия которого предоставляют природно-климатические особенности территории его проживания. В современной культуре питания рельефно наблюдаются, с одной стороны, традиции, сложившиеся «естественным путем» согласно природно-климатическим и территориальным условиям, с другой стороны, фиксируется натиск новых технологий и бытовой техники, удобных для приготовления каждодневной еды (сокращение трудозатрат и времени для приготовления блюд, что немаловажно для современного интенсивного ритма жизни даже в сельской местности). *Цель* статьи — рассмотреть, какие происходят изменения в культуре повседневного питания сельских семей Якутии, что остается от традиций, какие изменения внесло развитие инфраструктуры в связи с научно-техническими разработками в области обработки, хранения и приготовления продуктов питания в сельскую семейную повседневную кулинарию, распределение обязанностей между членами семьи. *Результаты.* Показано, что в перспективе, по-видимому, до тех пор, пока часть сельского населения будет заниматься традиционными формами натурального хозяйствования,

даже в виде подсобного хозяйства, будет сохраняться традиционная культура повседневного питания — безусловно, в модернизированном виде, претерпевая изменения в технологии переработки и приготовления блюд из натуральных продуктов.

Ключевые слова: культура питания на Севере, Якутия, скотоводческая культура, особенности условий хранения продуктов, использование новых технологий, национальные блюда

Благодарности: Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 17-21-08001 «Проблема валоризации и популяризации культуры питания народов Севера в современных условиях (на примере Якутии)» (рук. Борисова И.З.)

Для цитирования: Винокурова Д. М., Борисова И. З. Культура повседневного питания сельчан: традиции и инновации (на примере Республики Саха (Якутия)). Село России. 2019; (2): 210-228. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-210-228.

UDC 316.728

Culture of daily food for rural people: traditions and innovations (using the example of the Republic of Sakha (Yakutia))

Dekabrina M. Vinokurova¹, Izabella Z. Borisova²

¹ Financial and Economic Institute at North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Cand.Sc. (Sociology), Head of Laboratory

ORCID: 0000-0002-8924-2254. E-mail.dorofdm1@yandex.ru

² French-Russian Centre for International Relations at North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Cand.Sc. (Philology), Director of the Center for Cooperation with French-speaking Countries

ORCID: 0000-0003-3620-7452. E-mail.isborissova@mail.ru

Abstract. Introduction. The culture of daily nutrition of any nation depends on the traditional economy, the conditions which are provided by the natural and climatic conditions of the territory of its residence. In the modern culture of nutrition, on the one hand, traditions established “naturally” according to natural-climatic and territorial conditions are observed, on the other hand, the onslaught of new technologies and

household appliances convenient for the preparation of daily food (reduction of labor costs and time for the preparation of dishes, which is important for the modern intensive rhythm of life even in rural areas) is recorded. *The purpose* of the article is to consider what changes are taking place in the culture of daily nutrition of rural families of Yakutia, what remains from tradition, what changes have been made to the development of infrastructure in connection with scientific and technical developments in the field of processing, storage and preparation of food in rural family everyday cooking, distribution of duties among family members. *Results*. It is shown that in the future, it seems that as long as part of the rural population is engaged in traditional forms of subsistence management, even in the form of a utility farm, the traditional culture of everyday nutrition will remain — certainly in a modernized form, undergoing changes in the technology of processing and preparation of dishes from natural products.

Keywords. food culture in the North, cattle breeding culture, features of food storage conditions, use of new technologies, ethnic food

Acknowledgements: The work was supported by RHSF, project No. 17-21-08001 “The problem of valorization and popularization of the nutrition culture of the peoples of the North in modern conditions (case of Yakutia)” (supervisor I.Z. Borisova).

For citation: Vinokurova D.M., Borisova I.Z. Culture of daily food for rural people: traditions and innovations (using the example of the Republic of Sakha (Yakutia)). The village of Russia. 2019; (2): 210-228. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-210-228.

Введение

Сегодня повседневное питание населения и национальные кухни разных народов испытывают колоссальное влияние со стороны СМИ, в которых размещаются всевозможные рецепты и технологии приготовления любого блюда, многое меняется в связи с распространением требований стандартов к продуктам питания через международные торговые организации, системы сертификации, появление все новых и новых технологий приготовления полуфабрикатов в промышленных масштабах, повсеместным открытием учреждений быстрого питания и т.д. Конечно, всё это не может не влиять на кулинарные культуры народов. Указанная информация основывается на исследованиях, проводимых представителями многих специальностей, результаты которых широко распростра-

няются в СМИ. Есть специализированные издания о вкусной и здоровой пище, правильном питании, различных диетах, программы об организации общественного питания в закрытых учреждениях — таких, как детские дошкольные, школьные, больничные стационары, места заключения, армии и т.п. [Макеева 2016]. Однако специальных исследований о тех изменениях, которые происходят в национальных кухнях народов на уровне повседневного питания семьи, особенно с использованием социологических подходов и методов, недостаточно. В связи с постановкой цели нашего исследования можно отметить лишь работы В. Г. Кривошапкина, А. И. Сивцева и их коллег [Кривошапкин, Сивцева и др. 2015], а также В. Г. Кудашкина [Кудашкин 2014]. Целью данного исследования является выявление изменений в культуре повседневного питания северных сельских семей — представителей скотоводческой культуры хозяйствования. Для достижения поставленной цели будут проанализированы следующие аспекты культуры повседневного питания:

– предпочитаемые продукты питания в зависимости от сезона года, так как народы скотоводческой культуры традиционно питались продукцией, получаемой от домашнего скота, сочетая этот вид хозяйствования с охотой, рыбалкой, собирательством в зависимости от сезона года, в связи с чем сформировались обычаи в потреблении определенных продуктов и смене меню потребляемых продуктов в зависимости от времен года;

– выяснение вопроса, насколько осваивают сельчане новые технологии и бытовую технику для приготовления повседневных блюд, готовы ли они изменить традиции в приготовлении национальных блюд, используя новые технологии бытовой техники? Сегодня мы наблюдаем, что плоды научно-технических революционных открытий широко используются в сфере быта для повседневного использования потребителями. А они в свою очередь не только облегчают и упрощают повседневный бытовой труд, но могут изменить привычные подходы и традиции. Например, каждодневное приготовление еды в домашних условиях — это рутинный повседневный труд, формирующий определенные привычки, порядок и разделение труда между членами семьи, и

остаётся невыясненным, насколько северяне готовы внести изменения в традиции;

– выяснение вопроса, насколько изменилось распределение обязанностей в приготовлении повседневной еды, ведь женщины на протяжении длительного времени овладевали навыками и умениями в этом деле, а в северной семье в традиционных взаимоотношениях и разделении труда по добыче и приготовлению каждодневной еды строго соблюдалось разделение по гендерному признаку. Мужская часть членов семьи охотилась, занималась рыболовством, заготовкой сена для домашнего скота, тогда как женская была занята работой «у очага», сочетая уход за домашним скотом и собирательство плодов и семян дикорастущих полезных растений (хотя современные условия в сельской местности, конечно, больше не напоминают эту модель натурального хозяйствования и добычу пропитания семьи).

Сегодня, видимо, не стоит вопрос о приобщении сельских жителей к сфере общественного питания, они «прошли эту стадию» в прошлом веке при целенаправленной политике государства [Кудашкин 2014]. В век широчайшего распространения глобальных стандартов и унификаций продуктов питания, образцов блюд и технологий приготовления еды проблема регулярного посещения кафе и ресторанов, видимо, заключается не столько в желании, сколько в уровне доступности таких заведений для сельских респондентов.

Материалы и методы

Для выявления изменений в культуре повседневного питания сельчан нами проведено исследование с использованием выборочного метода — анкетирования жителей сельских поселений в Намском, Оймяконском, Сунтарском, Томпонском и Усть-Алданском районах и в г. Мирный Республики Саха (Якутия), где были опрошены студенты, прибывшие из сельских поселений. Опрос был проведен в июле-августе 2017 г. по квотной выборке (n=870) на основе учета структуры генеральной совокупности по удаленности мест проживания респондентов от районных центров. Следует обратить внимание на то, что остальные признаки могут не со-

впадать со структурой генеральной совокупности. Учет признаков пола и возраста не предполагался, так как вопросы анкеты касались такого явления, как повседневная культура питания всей семьи респондентов. Хотя квотный отбор наиболее распространен среди неслучайных видов выборки и конкурирует по точности с вероятностными видами, однако для наполнения квот интервьюеры подбирают при опросе тех, кто наиболее им доступен. Доступность относится также к «охвату» населенных пунктов, то есть возможности выезда в те или иные населенные пункты. Полученные анкетные данные были обработаны в программном приложении SPSSStatistics 22.0.

В выборке оказалось 65,4% женщин, по-видимому, доминирование женщин в выборке оправдано тем, что в вопросах ежедневного питания традиционно северная женщина в статусе хозяйки, матери, жены, невестки выполняла главную роль в вопросах питания, приготовления еды, заготовок, хранения запасов продуктов питания и т.п. Традиционно на протяжении веков разделение труда в обеспечении пропитания и приготовлении еды проходило по гендерной линии раздела между членами северной семьи. Мужская часть членов семей добывала пропитание охотой, рыбалкой, оленеводством, коневодством, а в обязанности женщин входило всё, что связано с работой «у очага» и домашними животными.

Собранные с помощью анкетных вопросов материалы, а также беседы с респондентами показывают, насколько сегодня изменились культура питания сельчан, технологии приготовления повседневной еды, распределение обязанностей между членами семьи, произошло заимствование блюд других народов и др.

Результаты

Итак, начнем с того, каким продуктам питания отдают предпочтение опрошенные сельчане в зависимости от сезона года, учитывая, что это представители скотоводческой культуры, которые традиционно питались продукцией от животноводства (см. табл.14).

Таблица 1. *Предпочитаемые продукты питания респондентов в зимний период, в %*

Предпочитаемые продукты	Всего	Район (улус)					
		Мирнинский	Намский	Оймяконский	Сунгарский	Томпонский	Усть-Алданский
Мясные блюда (суп, жаркое, котлеты, пельмени, манты и т.п.)	77,1	68,5	88,5	62,2	79,5	94,4	65,9
Блюда из мелкой и крупной дичи (уток, зайчагины, сохатины и т.п.)	14,3	15,7	15,5	7,1	16,3	11,1	9,1
Блюда из рыбы (озерной, речной, морской)	30,9	20,4	49,0	16,3	33,3	20,4	31,8
Молочные и кисломолочные продукты (молоко, кефир, суorat, бышпах, кёорчэх (дагда), сливки, издьэгэй, творог и т.п.)	43,7	36,6	62,5	31,6	48,8	18,5	20,5
Хлебобулочные и кондитерские изделия (хлеб, пирожки, булочки, оладьи, лепешки, баахыла (вафли) и т.п.)	66,4	52,3	78,5	55,1	72,1	83,3	52,3
Продукты, получаемые из дикоросов (варенье, морс, напитки и т.п.)	56,2	45,4	69,5	34,7	68,6	38,9	45,5
Другое	0,2	–	–	1,0	0,4	–	–
Нет ответа	17,2	21,3	8,0	35,7	14,3	5,6	29,5

Как и ожидалось, опрошенные сельчане отдают свое предпочтение мясным блюдам, этому способствуют и территориальные условия, которые сформировали скотоводческую культуру северян. Как известно, осенью происходит массовый забой скота, естественные условия хранения — глубокая заморозка — позволяют сделать большие запасы. Потребление мяса способствует выживанию северного человека в длительный суровый сезон года.

Таблица 2. *Предпочитаемые продукты питания респондентов в весенний период, в %*

Предпочитаемые продукты	Всего	Район (улус)					
		Мирнинский	Намский	Оймяконский	Сунгарский	Томпонский	Усть-Алданский
Мясные блюда (суп, жаркое, котлеты, пельмени, манты и т.п.)	52,5	39,8	66,5	37,8	53,9	87,0	34,1
Блюда из мелкой и крупной дичи (уток, зайчатины, сохатины и т.п.)	42,3	38,0	40,5	35,7	50,8	42,6	36,4
Блюда из рыбы (озерной, речной, морской)	33,9	17,6	42,5	42,9	36,4	48,1	22,7
Молочные и кисломолочные продукты (молоко, кефир, суorat, быыппах, кёорчэх (дагда), сливки, издьэгэй, творог и т.п.)	41,6	34,3	61,0	20,4	48,1	14,8	31,8
Хлебобулочные и кондитерские изделия (хлеб, пирожки, булочки, оладьи, лепешки, баахыла (вафли) и т.п.)	61,6	45,8	77,0	55,1	63,6	77,8	52,3
Продукты, получаемые из дикоросов (варенье, морс, напитки и т.п.)	42,1	28,2	59,0	19,4	52,3	27,8	40,9
Другое	0,2	–	–	1,0	0,4	–	–
Нет ответа	21,4	26,4	10,0	39,8	19,0	7,4	38,6

Распределение ответов опрошенных сельчан по территориям опроса четко показывает, в каких районах у респондентов ещё остается больше запаса мяса на весну. Здесь лидируют Томпонский и Намский улусы (87,0% и 66,5% соответственно), и можно предположить, что среди попавших в выборку респондентов оказались те, кто содержит скот в своем подсобном хозяйстве.

Таблица 3. *Предпочитаемые продукты питания респондентов в летний период, в %*

Предпочитаемые продукты	Всего	Район (улус)					
		Мирнинский	Намский	Оймяконский	Сунтарский	Томпонский	Усть-Алданский
Мясные блюда (суп, жаркое, котлеты, пельмени, манты и т.п.)	47,4	36,1	62,0	27,6	49,2	83,3	25,0
Блюда из мелкой и крупной дичи (уток, зайчатины, сохатины и т.п.)	17,7	19,9	17,0	21,4	17,1	11,1	13,6
Блюда из рыбы (озерной речной, морской)	45,2	43,1	54,5	19,4	51,2	38,9	43,2
Молочные и кисломолочные продукты (молоко, кефир, суorat, быыппах, кёорчэх (дагда), сливки, издьэгэй, творог и т.п.)	60,0	54,2	78,5	46,9	66,7	20,4	43,2
Хлебобулочные и кондитерские изделия (хлеб, пирожки, булочки, оладьи, лепешки, баахыла (вафли) и т.п.)	63,7	54,2	77,5	55,1	62,4	79,6	54,5
Продукты, получаемые из дикоросов (варенье, морс, напитки и т.п.)	48,4	43,5	58,5	35,7	52,7	35,2	45,5
Другое	0,2	–	–	1,0	0,4	–	–
Нет ответа	17,9	19,0	9,0	38,8	15,1	5,6	38,6

Лето — сезон, когда представители скотоводческой культуры традиционно переходили на молочные и кисломолочные продукты питания, о чём свидетельствует общий массив ответов сельчан. Однако, если рассматривать распределение ответов по районам опроса, то оказывается, что в Намском улусе соотношение потребления молока и мяса (78,5% и 62,0% соответственно) изменяется в пользу первого, тогда как в Томпонском предпочтение мясных

блюдо сохраняется. Очевидно, это объясняется тем, что в выборку попали представители коренных малочисленных народов Севера, которые традиционно занимаются оленеводством и рыболовством.

Таблица 4. *Предпочитаемые продукты питания респондентов в осенний период, в %*

Предпочитаемые продукты	Всего	Район (улус)					
		Мирнинский	Намский	Оймяконский	Сунтарский	Томпонский	Усть-Алданский
Мясные блюда (суп, жаркое, котлеты, пельмени, манты и т.п.)	55,2	44,9	70,0	40,8	54,7	88,9	31,8
Блюда из мелкой и крупной дичи (уток, зайчагины, сохатины и т.п.)	38,6	33,3	43,0	19,4	48,4	33,3	36,4
Блюда из рыбы (озерной, речной, морской)	36,4	25,0	41,5	32,7	39,1	72,2	18,2
Молочные и кисломолочные продукты (молоко, кефир, суorat, бышпах, кёорчэх (дагда), сливки, издьэгэй, творог и т.п.)	42,8	35,6	62,5	20,4	51,6	11,1	25,0
Хлебобулочные кондитерские изделия (хлеб, пирожки, булочки, оладьи, лепешки, баахыла (вафли) и т.п.)	62,2	52,3	72,5	55,1	63,2	79,6	52,3
Продукты, получаемые из дикоросов (варенье, морс, напитки и т.п.)	53,9	40,3	69,0	41,8	58,9	57,4	45,5
Другое	0,2			1,0	0,4		
Нет ответа	19,5	20,4	12,0	38,8	17,4	5,6	36,4

Осенью респонденты потребляют больше продуктов, получаемых из дикоросов, которыми они запаслись в летний и осенний периоды; к весне эти запасы иссякают, что определило уменьшение данного показателя в таблице, освещающей предпочтения в потреблении определенных продуктов в весенний период.

Итак, если абстрагироваться от традиционной продукции земледельческой культуры — хлебобулочных изделий, то сельские жители в большей степени используют в пропитании в зависимости от сезона года (что и показали приведенные данные) продукцию натурального хозяйства и дары природы территории, на которой они проживают. Хлеб и хлебобулочные изделия больше потребляют респонденты зимой (66,4%), в другие сезоны года — почти в одинаковой мере.

Теперь зададимся вопросом, как изменяется разделение труда в приготовлении каждодневной еды для семьи сельчан, которое жестко происходило по гендерным ролям? Остается ли неизменным доминирующая роль женщины? На вопрос, кто обычно занимается приготовлением еды в семье, утвердительный ответ дали 83,7% женщин и 14,7 % мужчин в общем массиве опрошенных. А если смотреть на распределение «структуры» приготовления повседневной еды в семье, то получается: «обычно я сама (сам) занимаюсь готовкой для семьи» — 42,3%; «кто приходит домой раньше остальных, тот и начинает готовить» — 27,9%; «у нас есть бабушка (дедушка), обычно она (он) готовит на нашу семью» — 8,0%; «мне некогда, поэтому в большей степени этим занимается мой супруг (супруга)» — 6,3%. Остальные варианты ответов находятся в зоне статистической погрешности.

Из полученных ответов видно, что сельские женщины продолжают доминировать в приготовлении повседневной еды, также отмеченные данные опосредованно могут свидетельствовать, что среди сельского населения всё более распространено двухпоколенное проживание, судя по тому, какой маленький процент представителей старшего поколения берет на себя роль «повара семьи».

Можно также предположить, что мужская часть членов семьи не остается в стороне от этого занятия, если учитывать более четверти ответов о «ситуативности» — «кто приходит домой раньше остальных, тот и начинает готовить». Отсюда вытекает вывод, что «жесткая привязка» роли повара семьи женщине постепенно «утрачивает свою силу», хотя они продолжают занимать лидерские позиции в данном аспекте, сохраняя свои навыки и умения приготовления повседневной еды.

Об участии супруга в приготовлении еды свидетельствуют оценки респондентов, кто из членов семьи лучше готовит. Так, супругу и бабушку высоко оценили соответственно 27,5% и 16,6%; респондентов, супруга — 13,6% опрошенных. Интересно отметить: 21,6% опрошенных сельчан отметили, что у каждого члена семьи есть свое «фирменное» блюдо. Хотя этот вариант ответа непосредственно не относится к каждодневному приготовлению еды для семьи, однако, говорит в пользу того вывода, что границы «жесткого разделения» в занятии приготовления блюд постепенно «стираются».

Теперь посмотрим, какая часть опрошенных сельчан использует новые технологии бытовой техники для приготовления повседневной еды, какая бытовая техника пользуется наибольшим спросом среди опрошенных сельчан для приготовления повседневных блюд (см. табл.5).

Таблица 5. *Бытовая техника для приготовления еды, используемая сельчанами, в %*

Бытовая техника	Всего	Район (улус)					
		Мирнин-ский	Намский	Оймякон-ский	Сунтар-ский	Томпон-ский	Усть-Алданский
Мультиварка	40,2	45,4	33,0	42,9	44,6	25,9	34,1
Блендер	30,5	32,9	34,0	13,3	36,4	14,8	25,0
Микроволновая печь	53,7	61,1	50,5	56,1	50,0	51,9	50,0
Миксер	43,6	46,3	46,0	32,7	48,8	24,1	36,4
Современная специализированная электрическая сковорода	34,9	43,1	12,5	44,9	39,5	48,1	31,8
Ничем не пользуемся, готовим традиционным способом	22,6	17,1	30,5	19,4	21,3	24,1	27,3
Другое	0,1		0,5				

Безусловно, использование новой бытовой техники ведет к изменению и технологии приготовления блюд, способов обра-

ботки, сокращению трудоемкости и затрат времени и т.п. Всё это подкупает потребителей и делает новинки бытовой техники привлекательными, о чём свидетельствуют приведенные в таблице 5 данные. Например, почему микроволновая печь столь популярна? На Севере, где в зимний период основным способом хранения натуральных продуктов является глубокая заморозка в естественных условиях, такая печь стала незаменимым помощником для быстрой разморозки, разогрева блюд и т.п. Вторые и третьи места заняли у сельских респондентов миксер и мультиварка (43,6% и 40,2% соответственно).

Интересно отметить, что 22,6% сельских респондентов не использует современную бытовую технику в приготовлении повседневной еды. В этот контингент попали респонденты, которые, отвечая на вопрос об особо любимых блюдах, указали мясные и рыбные.

В анкете был задан отдельный вопрос, какую технологию используют сельчане при приготовлении национальных блюд (см. табл.6).

Таблица 6. *Используемые респондентами технологии при приготовлении национальных блюд, в%*

Используемые технологии	Всего	Район (улус)					
		Мирнинский	Намский	Оймаконский	Сунгарский	Томпонский	Усть-Алданский
Стараемся соблюдать традиционные технологии приготовления национальных блюд, даже используем специальную посуду	25,4	23,1	22,5	39,8	24,8	24,1	22,7
Используем современные технологии и бытовую технику для ускорения приготовления, хотя вкус блюда изменяется	22,5	26,9	18,5	35,7	16,7	25,9	20,5

Используемые технологии	Всего	Район (улус)					
		Мирнинский	Намский	Оймяконский	Сунгарский	Томпонский	Усть-Алданский
Мы не знаем традиционные технологии, поэтому используем современные технологии	7,0	7,9	7,0	2,0	9,3	5,6	2,3
Не видим большой разницы в технологии приготовления, поэтому используем современную технологию и технику	16,8	13,4	24,0	2,0	21,3	7,4	18,2
Жизнь развивается, поэтому и технологии приготовления блюд изменяются	14,7	10,2	16,0	13,3	14,0	33,3	15,9
Другое	0,6	0,9	-	-	-	3,7	2,3
Нет ответа	13,0	17,6	12,0	7,1	14,0	-	18,2
Всего:	100	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видно из приведенных в таблице 6 данных, большинство опрошенных сельчан (61,0%) использует современную бытовую технику, отмечая её удобство, экономию времени для приготовления национальных блюд, в том числе: даже в ущерб вкусовым качествам (22,5%); не видя большой разницы (16,8%); просто в связи с изменениями технологий (14,7%) и по утрате традиционных технологий (7,0%).

Четверть респондентов соблюдает традиции при приготовлении национальных блюд и даже специальную посуду. Если смотреть на распределение по районам опроса, более трети респондентов из Оймяконского улуса сохраняют традиционные способы приготовления национальных блюд. Значит ли это, что чем севернее территория проживания, тем больше она способствует сохранению традиционного опыта приготовления еды?

Теперь зададимся вопросом, насколько опрошенные сельчане приобщены к культуре общественного питания, как часто они посещают подобные учреждения? На вопрос о посещении ресторанов и кафе утвердительно ответило 65,5% респондентов, четверть опрошенных сельчан не посещают такие места. На вопрос, с какой целью они посещают, были получены ответы (см. рис.1).

Рис. 1. Цель и частотность посещений респондентами кафе и ресторанов, в %¹

Из данных рис.1 видно, что так или иначе с разной частотностью большинство опрошенных сельчан посещает кафе и рестораны. При этом больше посещают, чтобы пообедать или поужинать, опрошенные студенты и работающие сельчане с высшим образованием. Это и понятно, если сравнивать материальные возможности специалистов с высшим образованием и работников с более низким образованием, занятых неквалифицированным трудом.

Почти одна треть опрошенных сельчан не посещает кафе и рестораны. По-видимому, здесь скорее вопрос не в их нежелании, а просто им недоступны такие блага в связи с низким уровнем материальной обеспеченности.

¹ Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответов.

Обсуждение

Вопросы питания рассматриваются многими специалистами разных областей науки. Однако в регионе впервые проведено исследование повседневного питания сельских жителей с использованием социологических методов с целью выявления, какие происходят изменения в потреблении предпочитаемых продуктов питания в зависимости от сезона года; как распределяются роли в приготовлении ежедневной еды в семье; какие изменения вносит использование бытовой техники; что изменилось в способах приготовления традиционных национальных блюд; в какой степени сельчане приобщены к общественной сфере питания.

К сожалению, отсутствуют возможности сравнивать полученные данные с предыдущими периодами подобного явления, т.к. использованный подход применен впервые. Понятно, что изменения происходят постоянно, но было бы весьма продуктивным отслеживать скорость, то есть время, которое проходит, прежде чем утрачивается та или иная традиция в питании конкретного народа с разной культурой хозяйствования, проживающего на разных территориях с разными природно-климатическими условиями.

Следует отметить, что вопросы анкет и сама процедура анкетирования вызвала у населения определенный интерес, многие сельчане положительно отозвались на процедуру тематизации данной проблемы. В СМИ региона, конечно, много внимания уделяется вопросам питания разных категорий граждан, в том числе и школьников, стационарных больных, заключенных и др. Много говорится в общем и целом о здоровой пище, правильном питании, о вреде отдельных видов продуктов и т.д. Но как и чем питаются городские или сельские семьи, группы, которые состоят из представителей разных поколений, как распределяются обязанности в приготовлении ежедневной еды в семье — эти вопросы почти не затрагиваются, отдельно не исследуются.

Выводы

Рассмотрев аспекты изменений в традиции повседневного питания опрошенных сельских жителей, можно прийти к следующим выводам. Результаты анализа вопроса о том, сохранилась ли

зависимость потребляемых продуктов питания северян от сезона года, как это традиционно было на протяжении веков, позволяют отметить, что её «контуры» просматриваются, если абстрагироваться от продукции земледельческой культуры — хлебобулочных изделий. Опрошенные сельчане зимой потребляют больше всего мяса и мясных блюд (77,1%). Весной опрошенные сельчане к мясным блюдам (52,5%) добавляют блюда из мелкой и крупной дичи, добытые охотой (42,3%). Летом на их столе доминируют молочные и кисломолочные продукты (60,0%), к которым добавляются блюда из рыб, выловленных в озерах и реках (45,2%). Осенью традиционно возрастает потребление мяса и мясных блюд (55,2%). Припасы продуктов, получаемых из дикоросов, сельские жители в большей степени потребляют зимой (56,2%) и осенью (53,9%), в период заготовок. Итак, опрошенные сельчане потребляют продукцию натурального хозяйства и дары природы территории, на которой они проживают, в зависимости от сезона года, что и показали приведенные данные. Хлеб и хлебобулочные изделия больше потребляют респонденты зимой (66,4%), в другие сезоны года — почти в одинаковой мере.

В приготовлении еды в семье продолжают доминировать женщины (83,7%), однако и мужчины (14,7 %) принимают в этом участие. О тенденции размывания границ в определении таковых ролей могут свидетельствовать более четверти ответов сельчан о «ситуативности» выполнения работ («кто приходит домой раньше остальных, тот и начинает готовить»). Потому можно предположить, что постепенно снимается «жесткая привязка» роли семейного повара к женщине.

Большинство опрошенных использует в приготовлении повседневной еды современную бытовую технику. Это значит, что они освоили современные технологии приготовления блюд. Однако 22,6% сельских респондентов не использует современную бытовую технику в приготовлении повседневной еды. Большинство опрошенных сельчан (61,0%) использует современную бытовую технику, отмечая её удобство и в приготовлении национальных блюд. При этом респонденты не видят большой разницы между традиционными и современными способами приготовления

(16,8%); соглашаются с изменениями технологий (14,7%) и признаются в утрате традиционных технологий (7,0%). Четверть респондентов соблюдает традиции при приготовлении национальных блюд и даже использует специальную посуду. Из рассуждений респондентов об использовании современных технологий и бытовой техники в приготовлении повседневной еды, а также национальных блюд следует, что наряду с новыми веяниями продолжают существовать старые, привычные способы приготовления еды в сельских семьях. Очевидно, длительность сохранения традиционных способов приготовления повседневной еды будет зависеть от территориальных условий, в которых добываются, обрабатываются и потребляются продукты питания.

Если рассматривать посещение опрошенными сельчанами кафе и ресторанов не только как признак приобщения к стандартизации и универсализации культуры питания, но и как символическое приобщение к глобализации кулинарной культуры, то можно сказать, что большинство опрошенных приобщено и посещает с той или иной регулярностью подобные учреждения. При этом более регулярно посещают, чтобы пообедать или поужинать (28,2%), опрошенные студенты и работающие сельчане с высшим образованием. И здесь, видимо, скорее проявляется вопрос доступности, нежели желаний респондентов. Почти одна треть опрошенных сельчан призналась, что не посещает кафе и рестораны.

Литература

Макеева 2016 — *Макеева А. Г.* Программа «Разговор о правильном питании» как инструмент формирования культуры питания у школьников // Образование личности. 2016. № 2. С.107–113

Кривошапкин, Сивцева и др. 2015 — *Кривошапкин В. Г., Сивцева А. И., Сивцева Е. Н., Максимова С. С., Саввин Р. Г., Кривошапкина М. В.* Фактическое питание коренных малочисленных народов Севера (на примере эвенков Оленекского района Республики Саха (Якутия)) // Якутский медицинский журнал. 2015. № 3 (51). С. 58–61.

Кудашкин 2014 — *Кудашкин В. А.* Изменения в традиционном питании коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX века // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 1 (15). С. 95–99.

References

Krivoshapkin V.G., Sivceva A.I., Sivceva E.N., Maksimova S.S., Savvin R.G., Krivoshapkina M.V. [Actual nutrition of small-numbered indigenous peoples of the North (on the example of Evenks of the Olenek district of the Republic of Sakha (Yakutia))//Yakut medical journal]. 2015. № 3 (51). Pp. 58-61.(In Russ.)

Kudashkin V.A.Changes in traditional nutrition of small-numbered indigenous peoples of Eastern Siberia in the second half of the 20th century//Problems of socio-economic development of Siberia. 2014 № 1 (15). Pp. 95-99. (In Russ.)

Makeeva A.G. [Program “Talk about proper nutrition” as a tool of formation of nutrition culture in schoolchildren//Education of personality]. – 2016 - №2 – Pp.107 – 113. (In Russ.)

Научное издание

**СЕЛО РОССИИ
RURAL RUSSIA**

2019. Вып. 2

Редактор Р. Г. Саряева
Верстка — С.П. Хулхачиева

Подписано в печать 25.12.2019.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 13,3.
Тираж 300 экз. Заказ № 18-19.

Отпечатано в КалмНЦ РАН
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста,
ул. им. И. К. Илишкина, 8